Олдос Леонард Хаксли

Перевод и послесловие Иоанна Вильгельма Линке

Об авторе:

Писатель, писатель рассказов и эссеист Олдос Леонар Хаксли родился 26 июля с 1894 года в графстве Суррей, Англия, и умер в Лос-Анджелесе, США, 22 ноября 1963 года. Брат сэра Джулиана Хаксли и внук Томаса Генри Хаксли, выдающиеся биологи, учился в Оксфорде, откуда уехал, чтобы дать уроки английской литературы. Образованный и утонченный, Хаксли получил широкое признание как писатель в 30-х и 40-х годах. Опубликовал 3 сборника стихов и книга рассказов перед началом серии работ, которые сделали его знаменитый. Среди них выделяются романы остров, Контрапункт, храбрый Новый мир, без глаз в Газе и эссе, Двери восприятия, небо и Ад и Обезьяна и сущность, все опубликованы в Бразилии.

О оцифровке этой работы :

Если бы книги были по доступной цене, каждый мог бы их купить. А оцифровка этого произведения является протестом против культурного исключения, и социальные последствия, вызванные ненадлежащими ценами на отредактированные книги и опубликовано в Бразилии. Таким образом, продажа этой электронной книги совершенно предосудительна при любых обстоятельствах. Распределите его свободно.

:: В честь Уинстона Смита ::

1

Таллис

Это был день убийства Ганди; но на Голгофе экскурсантов больше интересовало содержание их корзины для пикника, чем в возможном диапазоне в конце концов, это было довольно просто,

что произошло с ними. быть очевидцем. Что бы ни говорили астрономы, Птолемей это было совершенно правильно: центр Вселенной здесь, а не там. Ганди мог быть мертв; но, сидя за столом в его офис или за обеденным столом в столовой студии, Боб Бриггс говорил только о себе.

- Ты мне так помог,-заверил меня Боб, готовясь рассказать, не без определенного удовольствия, самое недавний эпизод истории вашей жизни.

Но в глубине души, как я знал это очень хорошо и как сам Боб я знал даже лучше, чем я, он действительно не хотел помощи. Мне нравилось попадать в неприятности, и мне нравилось еще больше рассказать о своих проблемах. Проблемы и соответствующие словесные ролевые игры позволили ему увидеть себя то же самое, что и все поэты-романтики, собранные в одном Беддо убивают себя, Байрон блудит, Китс умирает Фанни Браун, Харриет умирает за Шелли.

И, рассматривая себя как синтез поэтов-романтиков, он мог немного забыть о двух первоисточниках своих собственных зло — тот факт, что у него не было ни одного из их талантов и очень мало вашей сексуальной потенции.

- Мы дошли до сути, - сказал он (так трагично, что я оказалось, что как актер было бы лучше, чем как автор фильма — - мы достигли точки, Элейн и я, в которой мы мы чувствуем, как… как Мартин Лютер.

Мартин Лютер? - я повторил это с некоторым изумлением.

- Вы знаете: Ich kann nicht anders . 1 Мы не могли,

мы просто не могли сделать ничего, кроме

вместе отправиться в Акапулько.

1 на немецком языке в оригинале: я не могу действовать по-другому. (Н. Т.)

И Ганди, подумал я, просто не мог сделать еще один ничего, кроме как противостоять угнетению ненасилием, попасть в тюрьму и, наконец, получить пулю.

- И все, - продолжил он. - Мы сели на самолет и мы летим в Акапулько.

- Наконец-то!

- Что значит “наконец-то”?

- Ну, вы думали об этом некоторое время,

нет?

Боб выглядел раздраженным. Но я вспомнил все предыдущие случаи, когда он рассказывал мне о проблеме. Должен ли я сделать Элейн своей любовницей или нет? (Это был его путь удивительно старомодно выражать это.) Должен или не должен просить Мириам о разводе?

Подать на развод с женщиной, которая в реальном смысле, это было все еще то, что было всегда - его единственная любовь; но в еще один очень реальный смысл, Элейн также была его единственной любовью-и было бы еще больше, если бы он все-таки принял решение (и именно поэтому он этого не сделал если вы решили “ “сделать ее своей любовницей”. Быть или не быть — монолог он растянулся почти на два полных года, и если бы это зависело от него это будет продолжаться еще десять лет. Он предпочел бы, чтобы его они были хроническими и, прежде всего, словесными, а не острыми, нет. плотские до такой степени, что они подвергают свою неуверенную мужественность более еще одно унизительное доказательство. Но под влиянием его красноречия, из этого барочного фасада с красивым профилем и шевелюрой преждевременно посеребренная, Элейн, очевидно, устала просто хронический платонический беспорядок. Боб увидел себя в лицо ультиматума: либо Акапулько, либо краткий разрыв.

Итак, он вынужден и приговорен к прелюбодеянию не меньше безвозвратно, чем Ганди к ненасилию, тюремному заключению и убийство, но это законно подозревать, с большим и большим арест. Опасения, что события разворачиваются я полностью оправдал это. Да, хотя бедный Боб не рассказывал, что происходило в Акапулько, о том, что Элейн пришла, по ее словам “ ” действуя так странно”, и ее видели несколько раз в компании с этим безоговорочный молдавский барон, имя которого я, к счастью, забыл, казалось, он рассказывал всю гротескную и

жалкую историю. И в этой среде время Мириам не просто отказала ему в разводе, как будто он воспользовался отсутствием Боба и владением его доверенностью на передача с его имени на ее право собственности на коттедж, два автомобиля, четыре здания квартиры, угловые участки в Палм-Спрингс и все полис. В довершение всего, он задолжал правительству 33 тысячи долларов просроченный подоходный налог. И когда он спросил своего производитель за то увеличение на 250 долларов в неделю, что ему было обещано, было только долгое и заряженная тишина.

- А что, Лу?

Измеряя слова с торжественным ударением, Лу Люблин дал ответ.

— Боб, - сказал он, - в этой студии, в это время. события, даже сам Иисус Христос не устроил бы увеличение.

Тон был дружелюбным; но когда Боб пытался настаивать, Лу ударил по столу и сказал ему, что он против-американский. Это закрыло дело.

Боб продолжал говорить. Но какая причина, я думал, для великая Религиозная живопись! Христос перед Люблином, умоляя жалкий рост на 250 баксов в неделю и продаю свои претензии в кратчайшие сроки отвергнуты. Это была бы одна из тем фавориты Рембрандта, нарисованные, выгравированные, нарисованные дюжина иногда. Иисус с грустью отступает в тени

просроченный подоходный налог в то время как в центре внимания Лу 2 золотой, сияние драгоценных камней и металлических отражений, Лу, в огромном в тюрбане он все еще наслаждался триумфальным хихиканьем, что он сделал с Агнец Божий.

И тогда будет версия Брейгеля для темы. Один грандиозный синоптический вид всей студии; мюзикл из трех миллионы долларов в полном объеме производства, с каждой технической деталью точно воспроизведено; две или три тысячи фигур, все прекрасно охарактеризованы; и в правом нижнем углу долгий поиск в конечном итоге выявит Люблин, не больше одного кузнечик, покрывающий инвективами еще более миниатюрного Иисуса.

- Но у меня есть потрясающая идея для оригинала — говорил Боб с оптимистичным энтузиазмом, что это для отчаянный человек альтернатива самоубийству. - Мой агент остался сумасшедший с ней. Думаешь, я могу продать ее за пятьдесят или шестьдесят тысяч.

Начал рассказывать историю.

Все еще думая о Христе перед Люблином, я визуализировал сцена, как Пьеро нарисовал бы ее-композиция ярко явное уравнение пустот и твердых тел в равновесии, из гармонические и контрастные оттенки; фигуры в покое алмазный. Лу и его помощники по производству будут использовать все эти фараоновы капюшоны, эти грозные перевернутые конусы белый или цветной войлок, который в мире Пьеро служит двойная цель-подчеркнуть твердо-геометрическую природу тела человек и экзотика восточных. Наравне с его шелковистой мягкостью, складки каждой одежды будут иметь неизбежность и фиксированность из силлогизмов, вырезанных из порфира, и, пропитывая все в целом, будет ощущаться присутствие Бога Платон, вечно математизирующий хаос в порядке и красоте искусства.

Но от Парфенона и Тимея-причудливая логика. это приводит к тирании, которая в Республике обозначается как форма идеал правительства. В области политики эквивалент теорема-это совершенно дисциплинированная армия;

сонет или картина, полицейское государство при диктатуре. О марксист называет себя научным, и эта презумпция фашист добавляет еще один: он поэт-научный поэт - новая мифология. Оба оправданы в своих претензиях; и те, и другие применяют к человеческим ситуациям процессы, которые они дали результат в лаборатории и башне из слоновой кости. Он они упрощают, абстрагируют, устраняют все, что для их цели, это не имеет значения, и они игнорируют то, что им кажется более удобно рассматривать как несущественные; они навязывают один стиль, они заставляют факты проверять любимую гипотезу, они стреляют в корзина бумаги все, что, по его мнению, не хватает совершенство. И поэтому действуйте как хорошие художники, мыслители честные и компетентные экспериментаторы, тюрьмы они переполнены, политические еретики умирают в рабском труде, права и предпочтения отдельных лиц игнорируются, Ганди

трутся, и с утра до вечера миллион учителя-школы и дикторы провозглашают непогрешимость вождей которые на мгновение удерживают власть.

- А ведь, - говорил Боб, - нет причин почему фильм не должен быть произведением искусства. И этот проклятый коммерциализм…

Говорил со всем виртуозным негодованием художника проклят, осуждая козла отпущения, которого он выбрал для обвинять в печальных последствиях собственного отсутствия талант.

- Как вы думаете, Ганди интересовался искусством? — спросить.

- Ганди? Нет, конечно нет.

- Думаю, вы правы, - согласился я. - Ни для искусства, ни для искусства. ради науки. И поэтому мы убили его.

- Мы?

- Да, мы. Умные, активные, дальновидные, приверженцы порядка и совершенства, в то время как Ганди был реакционер, который верил только в мужчин. Подчиненные убогие, правящие собой в каждой деревне, и поклоняющиеся

Брахма, который также является Атманом. Это было невыносимо. Не удивительно что мы его уничтожили.

Но даже когда я говорил, Я думал, что это не все история. Полная история включала в себя несоответствие, почти предательство. Этот человек, который верил только в мужчин он впустил себя в нечеловеческое коллективное безумие национализм в якобы сверхчеловеческих институтах, но в дьявольской реальности, нации-государства. Он позволил себе участвовать в этих вещах, воображая, что это может смягчить безумие и превращение того, что было сатанинским в государстве, во что-то человеческое. Но национализм и политика власти были для него слишком большими. Не в центре, не внутри организации, что святой он может исцелить нашу регламентированную глупость; это только извне, в периферия. Если он сам становится частью машины, в которой коллективное безумие воплощено, из двух вещей одна насильственно или он остается верным себе, и в этом случае машина будет использовать его до тех пор, пока сможет, и когда

он станет бесполезно, отвергнет его или уничтожит; или он будет преобразован по подобию механизм с и против которого он работает, и в этом если мы увидим святые инквизиции и союзы с любым тираном готовы гарантировать церковные привилегии.

- И если говорить о отвратительном коммерциализме этих людей — Боб наконец сказал-Позвольте мне привести вам пример…

Но я думал, что мечта о порядке порождает тиранию, мечта о красоте, чудовищах и насилии. Афина, покровительница искусство, также Богиня научной войны, полководец Селеста из каждого штаба. Мы убиваем его, потому что после сыграв эфемерно и фатально в политическую игру, он отказался продолжать мечтать о нашей мечте о национальном порядке, социальной и экономической красоты; потому что он пытался принести нам вернуться к неопровержимым и космическим фактам людей из плоти и крови и к внутреннему свету.

Заголовки, которые я видел этим утром, были притчами; событие, которое они записали, аллегория и пророчество. В этом символическом акте мы, которые так жаждут мира

мы отвергаем единственный возможный способ иметь его и провозглашаем предостережение для тех, кто в будущем сможет выступать любые направления, кроме тех, которые неизбежно ведут к войне.

- Ну, если ты допил свой кофе, - сказал Боб, - давай

пойти.

Мы встаем и выходим на солнце. Боб взял меня рука и сжал его.

- Вы оказали мне огромную помощь — - заверил он-я снова.

Я бы хотел тебе поверить, Боб.

- Но это правда, это правда.

И, возможно, это было правдой, в том смысле, что рыться в его неприятности перед сочувствующей публикой заставляли его чувствовать себя лучше, больше похоже на поэтов-романтиков.

Мы продолжаем ходить некоторое время в тишине,, проходя через

кинозалы и между бунгало чурригерески производителей. Над входом в самый большой из них на большой бронзовой доске была надпись Лу LUBLIN PRODUCTIONS.

- А как насчет повышения зарплаты? — спросить.

- Пойдем и попробуем еще раз?

Боб умеренно хихикнул, и последовал новый молчание. Когда он наконец заговорил, это было задумчивым тоном.

- Жаль, Эта история со старым Ганди, - сказал он. — Полагаю, ваш большой секрет был в том, что вы ничего не хотели для себя даже.

- Да, полагаю, это был один из твоих секретов.

- Бог знает, что я бы хотел, чтобы я не хотел так сильно.

— То же самое говорю я, - горячо согласился я.

- И когда в конце концов мы получаем то, что хотим, это никогда не бывает как и предполагалось.

Боб вздохнул и снова замолчал. Думал, без сомнения, в Акапулько, в ужасной необходимости перейти от хронического к

острый, от неопределенно словесного к определенному и конкретному плотский.

Мы покидаем улицу бунгало, пересекаем район парковка, и мы проникаем в каньон среди гигантских звуковые студии. Проезжал трактор, буксируя тележку с нижняя половина Западной двери итальянского собора XIII век.

- Это для Екатерины Сиенской.

- Что это такое?

- Новый фильм Хедды Бодди. Я работал над сценарием, два года назад. Потом они отдали его Штрайхеру.

А позже он был переписан командой OToole-Менендес-Богуславский. И наркотик.

Еще один трейлер пронесся мимо, с верхней половиной от двери собора и кафедры Никколо Пизано.

- Если подумать, - сказал Я, - она очень похожа на Ганди в определенные моменты.

- Кто, Хедда?

- Нет, Катарина.

- Ах. Я думал, ты имеешь в виду стринги.

- Я имел в виду святых в политике, — объяснил я. — Конечно, ее не линчевали; но только потому, что умер очень молодым. Последствия вашей политики не успели высказаться. Вы, ребята, не обращаетесь к этому в сценарий?

Боб покачал головой.

- Очень удручающе, - сказал он. - Публика хочет, чтобы ее Астрос добьется успеха. Как можно говорить о церковная политика? Это было бы точно антикатолическим и хорошо возможно, антиамериканский. Нет, мы не рискуем; мы сосредоточились на мальчике, которому она диктовала свои письма. Он Безумно влюбленный, но все это сублимировано и духовно, и после того, как она умирает, он входит в отшельник и молится ее портрет. И есть еще один парень, который ухаживал за ней

костюм. Об этом упоминается в ее письмах. Мы исследуем его в максимальный. Они могут надеяться нанять Хамфри…

Сильный гудок заставил нас прыгнуть.

- Осторожно!

Боб схватил меня за руку и оттянул назад. Патио на дне склада двухтонный грузовик вышла на улицу.

- Почему бы вам не посмотреть, куда вы идете? - разглагольствовал о водитель.

- Идиот! - Прорыл боб в ответ; затем поворачиваясь для меня: - вы видели, что он несет?

Сценарий. - Покачал головой. - В мусоросжигательную печь.

Это, кстати, их место. Миллион долларов литературы.

Смеялся с мелодраматической горечью.

Через двадцать метров грузовик резко перевернулся правый. Его скорость, должно быть, была чрезмерной; вырванный с высоты от клетки маховой силой, полдюжины сценариев распространили-если по улице. Как заключенные инквизиции, я думал, убегая чудесным образом на пути к костру.

- Парень не умеет вести, - ворчал Боб. —

Любой такой день убьет кого-нибудь.

А пока посмотрим, что спаслось.

Я взял ближайший из рукописей.

- Блондинки заслуживают Лавров, адаптация Альбертины

Кребс.

Боб помнил его. Гадость.

- Как насчет Аманды? - Я перевернул несколько страниц. — Надлежать это был мюзикл. Здесь у нас есть поэзия:

Мария хочет мужа,

Но Аманда хочет любить…

Боб не позволил мне продолжить.

- Хватит, хватит! Это принесло четыре с половиной миллиона во время битвы за Арденны.

Я бросил Аманду и поймал еще одного из растянутые объемы. Я заметил, что этот был связан зеленым и не в узорчатом малиновом стиле студии.

- Обезьяна и сущность-я прочитал вслух рукописное название в обложка.

- Обезьяна и сущность? - повторил Боб, что-то удивленный.

Я перешел на фронтиспис.

- “Оригинальный сценарий Уильяма Таллиса, Коттонвуд Ранчо, Мурсия, Калифорния.“И здесь есть записка карандашом. “Уведомление о отказ 26-11-47. Нет конверта-ответ. Для мусоросжигательная установка.“Дважды подчеркнуто.

— Они получают тысячи таких вещей, - объяснил Боб.

Я случайно открыл рукопись.

- Больше поэзии.

- Господи! - воскликнул Боб тоном отвращения.

— “И конечно, это очевидно”, - начал читать я:

“И, конечно, это очевидно.

Какой школьный мальчик не знает об этом?

Обезьяны выбирают цели; только средства человека.

Сутенер Папио, лакей бабуинов, причина приходит в стремлении ратифицировать; приди, рабский, сто а Философия, облизывание ног тиранам; приходите, альковитейра да Пруссия с гегелевской историей; приходит с медициной служение афродизиаку Короля Обезьян;

Приходи, с рифмами и риторикой, пиши свои слова; приходи с расчетом наведите свои ракеты точно на приют в море; приходит, указав, с благовония молиться преданно Богородице за прямое воздействие”.

Была тишина. Мы смотрим друг на друга,

вопросительно.

- Что вы об этом думаете? - наконец спросил Боб.

Я пожал плечами. Я действительно не знал, что вы думаете.

- В любом случае, не выбрасывайте, - сговорился он. —

Я хочу убедиться, что все остальное.

Мы продолжаем идти, мы поворачиваем за последний угол, и францисканский монастырь среди пальм, там было здание писатель.

- Таллис, - говорил Боб, как будто сам с собой, к заходим-Уильям Таллис… - Покачал головой. - Никогда не слышал говорить о нем. И что это за место, Мурсия?

В следующее воскресенье мы знали ответ-нет только в теории и на карте, но на практике, идя туда, до 120 мили в час, в кабриолете Боба Бьюика (или лучше, Мириам). Мерсия, Калифорния, были двумя бензоколонками красные и крошечная распродажа на юго-западной окраине пустыни Мохаве.

Длительная засуха была остановлена двумя днями ранее. Небо показалось все еще заряженным, и дул холодный ветер., настойчивый, с запада. Призрачные под тета облаков сланцевые горы Сан-Габриэль хвастались белизна недавно выпавшего снега. Но на север, много далеко над пустыней солнце светило длинной узкой лентой золотой свет. Вокруг нас насыщенные приглушенные оттенки серого и серебр, золото-бледный и красновато-коричневый цвет растительности пустыня-спасатели, люцерны, овсяницы, фагопиры и здесь и там один причудливо жестикулирующий кактус с шероховатой или щетинистой корой сухие шипы, извилистые руки заканчиваются густыми зеленые пучки острых концов.

Глухой старик, которому пришлось кричать наши вопросы, оказалось, поняли, чего мы хотели. Ферма Коттонвуд - конечно, знал. Господь берет эту дорогу, на юг, на милю; затем поворачивает на восток, сопровождает оросительную канаву еще на три четверти мили и там

находиться. Старик хотел рассказать нам гораздо больше об этом месте.; но Боб был слишком нетерпелив, чтобы слушать. Зацепил машина, и мы идем дальше.

Вдоль оросительной канавы осины и ивы они были инопланетянами, ненадежно цепляющимися среди тех, суровые и аскетические жизни пустыни, в разнообразном режиме

существование, легче и сладострастнее. Теперь они были голыми., простые скелеты деревьев, белеющие на фоне неба; но можно было представить, как это будет интенсивно, три месяца спустя, под пылающее солнце, изумрудно-зеленый цвет его молодых листьев.

Автомобиль, двигавшийся на чрезмерной скорости, дал жестокий стук в неожиданную канаву. Боб ругался.

- Пусть человек в своем уме решит жить в конце такая дорога-это то, чего я не могу себе представить.

- Может быть, он не так часто бегает, — рискнул я

подсказывать.

Боб даже не соизволил смотреть на меня. Автомобиль продолжался храпит с неизменной скоростью. Я пытался сосредоточиться на пейзаж.

За пределами пустыни произошло тихая, но почти взрывная трансформация: облака они рассеялись, и солнце теперь сияло над самым рядом с этими крутыми, взобранными вершинами, которые выступают так необъяснимо, как острова, над огромной плоскостностью. Один момент назад они выглядели черными и неодушевленными. Теперь, внезапно они вернулись к жизни на переднем плане мрачный и туманный фон тьмы. Они сияли, как будто они сами были раскаленными.

Я коснулся руки Боба и указал.

- Теперь вы понимаете, почему Таллис решил жить в конце этой дороги?

Он взглянул, отвернулся от опрокинутого кактуса., он снова посмотрел на долю секунды и вернулся к дорога.

- Напомни мне эту гравюру Гойи, ты знаешь, какую именно. А женщина верхом на жеребце и животном с скрученной головой и с ее платьем между зубами, пытаясь сбить ее с ног,, пытаясь сорвать с него одежду. И она смеется, как сумасшедший, в безумии на 2 Эр. А внизу равнина, с шипы, которые выделяются, как и здесь. Только глядя при внимании к вершинам Гойи видно, что на самом деле они сморщенные животные, наполовину мыши,

наполовину ящерицы, большие, как гора. Я купил репродукцию для Элейн.

Но Элейн, я размышлял в последовавшем молчании, я проигнорировал намек. Он позволил жеребцу бросить ее на землю; он оставил ее-если, смеясь, бесконтрольно смеясь, пока большие зубы его блузку срывали, юбку порвали, натирали кожу нежная, в страшной и восхитительной угрозе времени, в острой неизбежность боли. А потом, в Акапулько, эти огромные крысы-ящерицы пробудились от своего каменного сна и внезапно наш бедный Боб оказался окруженным, а не восхитительно благодарным томные, а не смеющаяся стая ягодичных купидонов розовые, но чудовищные.

Тем временем мы добрались до места назначения. Среди деревья вдоль канавы, я заметил белый деревянный дом в тень огромного тополя; с одной стороны флюгер, от другой сарай из гофрированного железного листа. Ворота были закрытый. Боб затормозил машину, и мы спустились. Белая таблетка она была прибита к воротам. На ней неуклюжая рука нарисовала длинная надпись красным цветом.

Объятие осьминога, поцелуй гусано, От похотливой обезьяны грязное прикосновение: Ты ценишь человека? Нет, не очень.

ЭТО ДЛЯ ВАС, НЕ ВХОДИТЕ!

- Ну, очевидно, мы в нужном месте.

— наблюдать.

Боб кивнул. Мы открываем ворота, пересекаем широкий этаж патио постучал, и мы постучали в дверь дома.

Это было открыто почти после того, как пожилая женщина и коренастый в очках, одетый в синее хлопковое платье цветочное и очень старое красное пальто. Показал нам сердечная улыбка.

- Угорелая машина? — спросить.

Мы отрицательно кивнули, и Боб объяснил, что мы пришли искать Мистер Таллис.

- Мистер Таллис?

Улыбка угасла. С серьезным выражением она покачал головой.

- Вы не знали? Мистер Таллис прошел шесть лет назад неделя.

- Вы имеете в виду, что он умер?

- Прошел, - настаивала она, а потом стала рассказывать подробно свою историю.

Мистер Таллис арендовал дом на год. Она и ее муж они стали жить в старом сарае за сараем. Туалет это было снаружи, но они уже привыкли к этому когда-то в Северной Дакоте, и, к счастью, зимой не было очень холодно. В любом случае, деньги пришли в хорошем время, даже больше о том, как цены идут в эти дни; и не может быть более милого человека, чем мистер Таллис. как только стало ясно, что он ценит свое одиночество.

- Я полагаю, он тот, кто прибил эту табличку к

ворота?

Старуха сделала это своей головой и сказала, что нашла ее милый; я хотел оставить ее там, где она была.

- Он долго болел? — спросить.

- У нее не было никакой болезни, - ответила она, - хотя всегда говорил, что страдает от сердца.

И вот через что он прошел. В ванной. Она однажды утром она встретила его, когда собиралась принести ему бутылку молока и дюжина яиц со склада. Холодно, как лед. Наверняка я пробыл там всю ночь.

Никогда в жизни она не испытывала такого страха. А потом, какая путаница из-за того, что нет родственника, кто-нибудь знал! Был вызван врач, а затем шериф, и он был мне нужна лицензия судьи, чтобы бедняга мог быть хоронить. А потом все книги, бумаги и одежда должны были быть упакованным и запечатанными коробками, и все, что хранится в каком-то место в

Лос-Анджелесе, на всякий случай какой-то наследник. Ну, теперь она и ее муж снова были в дом, и она чувствовала себя очень противной, потому что бедный Мистер Таллис я все еще имел право на четыре месяца аренды и все заплатил заранее. Но, естественно, с другой стороны был доволен, теперь, когда дождь и снег наконец пришли-из-за частный быть в помещении, а не снаружи, как когда они жили в сарае.

Она сделала паузу, чтобы перевести дух. Мы с Бобом обменялись глаз.

- Ну, в этом случае, - сказал Я, - думаю, нам лучше уйти ходить.

Но старушка категорически возражала.

- Пойдем внутрь, — настаивал он, - пойдем внутрь.

Мы колебались; затем, уступив приглашению, мы следовали за ним

от нее через узкий коридор в гостиную.

В одном углу пьесы горела масляная теплица.

Воздух был душным и почти ощутимым запахом жарки и подгузники наполняли дом. Старик, похожий на гнома. я сидел в кресле-качалке у окна и читал комиксы из воскресной газеты. Рядом с ним бледная Мисси, взволнованный воздух-не мог иметь больше, чем семнадцать лет, он держал ребенка на одной руке, и с другая рука застегнула розовую блузку. Ребенок срыгнул; в уголке рта у него появился молочный пузырь. Молодая мама

он отказался застегнуть последнюю пуговицу и испуганно вытер его поджатые губы. Через открытую дверь другой пьесы раздался звук свежий голос сопрано, поющий" и время приходит " к аккомпанемент гитары.

- Это мой муж, - представила старуха, - Мистер Коултон.

- Очень приятно — - сказал гном, не прерывая

чтение.

- А это наша внучка Кэти. Она вышла замуж в этом году прошедший.

- Да, нет! - воскликнул Боб. Наклонился к девушке, и обратился к ней с одной из ее очаровательных улыбок, почему это было так знаменит.

Кэти смотрела на него, как на предмет мебели; затем, наконец, осознав эту последнюю кнопку, он повернулся не говоря ни слова, и он поднялся по крутым ступеням, ведущим к верхний этаж.

- И эти, - продолжала Миссис Коултон, указывая нам, - это два друга мистера Таллиса.

Мы должны были объяснить, что мы не были именно друзья. Все, что мы знали о Таллисе, было его работа; но она заинтересовала нас настолько, что мы пришли в надеюсь встретиться с ней-только тогда узнав о трагическая новость о его смерти.

Мистер Коултон поднял глаза из газеты.

- Шестьдесят шесть, - сказал он, - это его возраст.

Мне семьдесят два. В октябре мне исполнилось семьдесят два года.

Издал триумфальный хихиканье того, кто выиграл отъезд, затем вернулся к своей толстой вспышке-вспышка неуязвима, Флэш Бессмертный, Флэш вечный ходячий рыцарь девиц, не так, как они, к сожалению, есть, но как идеалисты бюстгальтеры заявляют, что они должны быть.

- У меня была возможность посмотреть, что прислал Мистер Таллис. наша студия, - сказал Боб.

Гном снова поднял взгляд.

- Вы из кино? — запросить.

Боб подтвердил.

В непрерывной пьесе музыка прервалась неуместно в середине предложения.

- Один из больших выстрелов? я хотел знать Мистера Коултона.

С очаровательной ложной скромностью Боб заверил ее быть просто писатель, который иногда развлекался режиссурой фильм.

Гном медленно покачал головой.

- Я читал в газете, что этот Голдвин говорит, что все Биг-выстрелы будут страдать от пятидесяти процентов пореза на их зарплата.

Он радостно подмигнул и снова издал хихиканье торжествующий. Затем, внезапно незаинтересовавшись от реальность вернулась к своим мифам.

Христос перед Люблином! Я пытался отклонить эту тему мучительно спрашивает Миссис Коултон, знает ли она, что Таллис он интересовался кино. Но когда я говорил, звук шаги во внутренней комнате отвлекли его внимание.

Я повернулся. Дверь, одетая в черный свитер и юбку. шахматы, это всплыло… кто? Леди Гамильтон в шестнадцать лет, Нинон де Ленклос, отдавая девственность Колиньи, La petite Morphil, Анна Каренина на школьных скамейках.

- Это Рози — - с гордостью сказала миссис Коултон. —, наша другая внучка. Рози изучает пение — - призналась она Боб. - Она хочет пойти в кино.

- Как интересно! - восторженно крикнул Боб, встает и пожимает руку будущей леди Гамильтон.

- Может быть, вы могли бы дать вам несколько советов — предложила бабушка.

- Я бы с удовольствием…

- Принеси еще стул, Рози.

Девушка подняла ресницы и коротко посмотрела на Боба но интенсивно.

- Если только вы не потрудитесь сесть на кухне, - сказал он.

- Но, конечно, нет!

Они вместе исчезли в доме. Глядя на окно, я увидел, что возвышения снова были в тени. Эй монстры закрыли глаза и притворились мертвыми, но просто чтобы вызвать у своей жертвы чувство ложной безопасности.

- Это больше, чем удача — - говорила Миссис Коултон. это провидение. Большая шишка из кино приходит сюда, справедливо

когда Рози нужен кто-то, кто протянет ей руку.

- Именно тогда, когда кино возьмет брекку, как водевиль-гном говорил, не отрывая глаз от страницы перед себе.

- Что заставляет вас это говорить?

- Я не тот, кто говорит, - возразил старик. — Быть. этот товарищ Голдвин.

Из кухни раздался звук смеха удивительно по-детски. Боб, очевидно, был делать успехи. Я предвосхитил новую поездку в Акапулько, с еще более катастрофическими последствиями, чем первый.

Невинная ниша, Миссис Коултон с удовлетворением улыбнулась.

- Как интересно! - восторженно крикнул Боб, встает и пожимает руку будущей леди Гамильтон.

- Может быть, вы могли бы дать вам несколько советов — предложила бабушка.

- Я бы с удовольствием…

- Принеси еще стул, Рози.

Девушка подняла ресницы и коротко посмотрела на Боба но интенсивно.

- Если только вы не потрудитесь сесть на кухне, - сказал он.

- Но, конечно, нет!

Они вместе исчезли в доме. Глядя на окно, я увидел, что возвышения снова были в тени. Эй монстры закрыли глаза и притворились мертвыми, но просто чтобы вызвать у своей жертвы чувство ложной безопасности.

- Это больше, чем удача, - говорила Миссис Коултон. это провидение. Большая шишка из кино приходит сюда, справедливо

когда Рози нужен кто-то, кто протянет ей руку.

- Именно тогда, когда кино возьмет брекку, как водевиль-гном говорил, не отрывая глаз от страницы перед себе.

- Что заставляет вас это говорить?

- Я не тот, кто говорит, - возразил старик. - Да, это товарищ Голдвин.

Из кухни раздался звук смеха удивительно по-детски. Боб, очевидно, был делать успехи. Я предвосхитил новую поездку в Акапулько, с еще более катастрофическими последствиями, чем первый.

Невинная ниша, Миссис Коултон с удовлетворением улыбнулась.

- Я очень сочувствую твоему другу, - сказала она.

- Хорошо ладит с детьми. И он не дает себе воздуха. очень важно.

Я без комментариев принял подразумеваемую цензуру и спросил-если бы она знала, что Таллис был заинтересован в кино.

Она утвердительно кивнула. Да, он сказал ей, что собирается отправить что-нибудь в одну из студий.

Я хотел заработать немного денег. Не для себя; ибо хотя я потерял большую часть того, чем когда-то обладал., у меня все еще было достаточно, чтобы жить.

Нет, он хотел немного больше денег, чтобы отправить в Европа. Он женился на немке, давным-давно, до Первая Война. Потом они развелись, и она осталась в Германия, с ребенком.

И теперь не осталось никого, кроме внучки.

Мистер Таллис хотел привезти вас сюда, но персонал Вашингтон не дал разрешения. Таким образом, лучше, чем он я мог бы отправить ей немного денег, чтобы она он мог бы удобно питаться и заканчивать учебу. Вот почему он написал эту штуку для кино.

Его слова заставили меня внезапно вспомнить отрывок в рукопись Таллиса-что - нибудь о детях в Европе после войны, занимаясь

проституцией за шоколадные батончики. Внучка — может быть, это был один из этих детей? Ich дать вам Schokolade, du дайте мне Liebe. Вы понимаете? Они слишком хорошо понимали. Один бар сейчас; еще два позже.

- Что случилось с женой? — спросить. - И родители Мисс?

- Прошли, - ответила миссис Коултон. - Я думаю, что они были евреи или что-то стоящее.

- Послушай здесь, - вдруг сказал гном, - у меня нет ничего против евреев. Но в любом случае… - Сделал пауза. - Может быть, Гитлер не был таким глупым, несмотря ни на что.

На этот раз я смог наблюдать, это было в Katzenjammer Kids что он вернулся.

Еще одна детская каска взорвалась на кухне.

Леди Гамильтон в шестнадцать лет звучала так, как будто она одиннадцать. И все же, насколько зрелым, насколько технически совершенным вне взгляда, которым она приветствовала Боба!

Без сомнения, самым тревожным в Рози был тот факт, что она в невинное и хитрое время, расчетливая авантюристка и школьница в косичках.

- Он снова женился, - продолжала старуха, игнорируя и веселье, и антисемитизм.

- С театральной артисткой. Он сказал мне имя, но я я забыл его. Дело в том, что дело длилось недолго.

Она сбежала с другим парнем. Хорошо сделано для него, в мое мнение, за то, что он смешил себя с ней, имея там жену в Германия. Я не думаю, что это право ходить развод и жениться на чужих мужьях.

В последовавшей тишине я построил полная биография этого человека, которого я никогда не видел. О молодой Северянин из хорошей семьи, тщательно воспитанный, но не до педантизма. Естественно одаренный, но без

непреодолимое призвание, которое заставило бы его обменять

праздную жизнь на усталость профессионального писателя.

Из Гарварда уехал в Европу, жил с доработка, он часто посещал лучшие колеса повсюду.

А потом — в Мюнхене я был прав-имел если влюблен. Я визуализировал девушку, одетую в Тевтонский эквивалент платьев свободы-дочь какой-нибудь успешный художник или защитник искусств. Один из тех, кто почти бестелесные, как плавающие продукты процветания и культура эпохи Вильгельма; существо в Смутное время и интенсивный, завораживающе непредсказуемый и сводящий с ума идеалист, tief 1 и германский. Таллис влюбился, женился, Герара сын, несмотря на фригидность жены, был почти задушен гнетущий анимизм домашней атмосферы. Как свежо и здоровый им показался парижский воздух и личная обстановка от той молодой бродвейской актрисы, которую он нашел там, проходя мимо праздники!

La belle Américaine,

Qui rend les hommes fous,

Dans deux или trois semaines Partira pour Corfou. 2

Но она не уехала в Корфу — или, если она это сделала, она это сделала в компании с Таллисом. И она не была холодной, не плавала, не это было ни расплывчато, ни интенсивно, ни глубоко, ни духовно, ни Сноб искусства. То, что, к сожалению, она была, было немного сука. И эта тантьетка с годами становилась все больше. К тому времени, когда он развелся с ней, он стал животным целое число.

В моем воображении Таллис 1947 года мог смотреть на назад и посмотреть, что именно он сделал: для удовлетворения физическое наслаждение, и на некоторое время возбудить и умилостивить воображение эротика, приговорила жену и дочь к смерти от рук маньяки, и внучка к ласкам любого солдата или

торговец черным рынком с горсткой кондитерских изделий или цена приличной еды.

Романтические фантазии! Я обратился к миссис Коултон.

немецкий в оригинале: глубокий. (Н. Т.)

2 по-французски в оригинале: красивая американка *кто оставляет безумцы* через две-три недели / отправится в Койфу.

- И я хотел бы встретиться с ним.

- Он бы вам понравился — - заверила она меня. — Нам всем нравился Мистер Таллис. Я скажу вам кое-что — доверился. - Каждый раз, когда я еду в Ланкастер, чтобы пойти в Женский Бридж-клуб, я иду на кладбище, просто чтобы сделать это. посещение.

- И я уверен, что он не получает от этого никакого удовольствия

- вставил гнома.

- Да ладно, Элмер — - возразила женщина.

- Но это он сам сказал — - настаивал Мистер Коултон.

- Не раз. “Если я умру здесь, - говорил он, - я хочу быть

похоронен далеко, в пустыне.”

- Он написал то же самое в пьесе, которую отправил студия-я заметил.

- И действительно? - Тон Миссис Коултон был неверие.

- Да, он даже описывает могилу, в которой намеревался оказаться погребенный. Полностью изолирован, у подножия кактуса.

- Я мог бы сказать вам, что это будет незаконно — - сделал гном.

- С каких это пор гробовщикам удалось пройти этот закон в Палате Сакраменто. Я знаю человека, который имел его выкопали через двадцать лет после захоронения… там за гора. - Махнул рукой в сторону мышеловок Гойя. - Это стоило племяннику триста долларов, пока они не закончили. транспортировать его по всему.

Он подавил смех перед воспоминаниями.

- Это я не хотела быть похороненной в пустыне. — решительно

заявила жена.

- Почему бы и нет?

- Слишком одиноко, - ответила она. - Я бы подумал, что это ужасно.

Пока я искал что-то еще, чтобы сказать,

молодая бледная мама спустилась по лестнице, принося подгузник. Остановить на мгновение у двери кухни.

- Послушай, Рози — - заговорил тихим голосом и сжался—, это уже время для вас, чтобы работать немного, чтобы меняться.

Затем он повернулся и пошел в прихожую, где открытая дверь открывала Moderna tal удобства внутренний туалет.

- У него опять понос, - с горечью сказал он пройти мимо бабушки.

Покраснела, глаза сверкают от волнения, будущая леди Гамильтон выскочил из кухни. Позади нее, стоя у двери,, был будущий Гамильтон, живо занятый воображением себя Лорд Нельсон.

- Бабушка, - объявила девочка, - Мистер Бриггс считает, что вы можете дать мне тест.

Кретин! Я встал.

- И пора идти, Боб, - сказал я, осознавая, что было уже слишком поздно.

Через приоткрытую дверь туалета доносился звук. брызги ополоснутых подгузников в умывальнике.

- Слушай! - я прошептал Бобу, когда мы проходили мимо.

- Слушай что?

Я пожал плечами. У них есть уши, и они не слышат.

Ну, это было самое близкое, что мы подошли к Таллису в материя. В дальнейшем читатель сможет обнаружить отражение ваш разум. Я воспроизводю текст “обезьяна и сущность” такой как я его нашел, без изменений и без комментариев.

СЦЕНАРИЙ

Титулы, кредиты и, наконец, с сопровождением трубы и хор торжествующих ангелов, имя Продюсер.

Музыка меняет характер, и если бы Дебюсси был жив для написать ее, как деликатно это было бы, как аристократично, как кристально чистая всякая смазывающая способность и высокомерие вагнеровцы, от всей штраусовской пошлости! Ибо на экране, в что-то лучше, чем Техниколор, это час до рассвета. А ночь, кажется, неохотно во тьме почти неподвижного моря; но из фимбрий небес расползается прозрачный палор, переходящий от от зеленого до более глубокого синего, вплоть до Зенита. На востоке Утренняя звезда все еще видна.

РАССКАЗЧИК

Невыразимая красота, мир вне понимания…

Но горе нам, на нашем экране Этот символ символа Это будет выглядеть точно Иллюстрация такой-то Для стихотворения Эллы Уиллер Уилкокс.

С возвышенным совершенством природы искусство производит почти всегда

Только гротеск.

Риск, однако, должен быть взят на себя;

Ибо вы, вы из аудитории.

Каким-то образом и любой ценой,

Уилкокс или хуже,

Как-то нужно помнить.

Быть обманутым, чтобы вызвать

Быть умолял попробовать Понять истинную истину.

Когда рассказчик говорит, исчезает наш символ символ вечности, уступающий место интерьеру кинотеатра полностью переполнен. Свет становится немного меньше неточно и внезапно мы понимаем, что аудитория-это все состоит из хорошо одетых бабуинов обоих полов и все возрасты, от первого до второго детства.

РАССКАЗЧИК

But man, proud man,

Drest in a little brief authority —

Most ignorant of what he is most assur'd,

His glassy essence-like an angry ape,

Plays such fantastic tricks before high heaven Как заставить ангелов плакать. 1

Вырезать для экрана, который обезьяны фиксируют так внимательно. Num сценарий, как могли только Семирамиды или Метро-Голдвин-Майер воображая, мы видим молодую бабуину с выпуклым бюстом, в перламутровое вечернее платье, рот окрашен в пурпурный цвет, пыльная морда мальвы, сверкающие красные глаза, aureolados в маске. Шатаясь так сладострастно, поскольку она позволяет ей загореться ногами, она выходит на сцену ослепительно освещенный ночной клуб и под ладонями из двухсот или трехсот пар волосатых рук он приближается к микрофон в стиле Людовика XV. позади нее на четвереньках и в безопасности легкая стальная цепь, прикрепленная к собачьему ошейнику, приходит Мигель Фарадей.

1 но человек, гордый человек, / наделенный кратким, тщетным авторитетом - *Ничего не зная о том, что имеет право,* его стекловидная сущность - какой моно я в ярости, *Fa% перед небесами, такими невероятными* что это вызывает слезы ангел. (У. Шекспир, Мера за меру, 2.˚ акт, сцена II) (Н. т.)

РАССКАЗЧИК

“Ничего не зная о том, что вы считаете само собой разумеющимся… “И это почти излишне добавлять, что то, что мы называем знание - это не что иное, как другая форма невежества. — высокоорганизованный, конечно, и в высшей степени научный, но тем более полным, тем более производительным разъяренные обезьяны. Когда невежество было просто невежество, мы были эквивалентны лемурам, мартышкам и обезьянам уррадоры. Сегодня, благодаря высшему невежеству, которое является нашим знание, рост человека вырос до такой степени, что самый маленький из нас теперь бабуин, самый большой один орангутанг, или даже если он относится к категории спасителей Общество, законная горилла.

Между тем, молодая бабуина достигла микрофона. Повернув голову, она удивляет Фарадея на коленях в акте выпрямите изогнутую, ноющую спину.

- Вниз, сэр, вниз!

Тон безапелляционный; она применяет к старцу ламбаду с его коралловым шнуром. Фарадей вздрагивает и подчиняется, обезьяны в зрительном зале восторженно смеются. Она бросает им поцелуй,, затем, потянув на себя микрофон, засовывает зубы Грозный и начинает петь, в выдыхаемом контральто альков, последний популярный хит:

Любовь, любовь, любовь…

Любовь-это истинная сущность

Все, о чем я думаю, все, что я делаю в жизни.

Дай мне, дай мне, дай мне,

Это дает мне детумесценцию.

Называй меня дорогой.

Передний план лица Фарадея, когда он выражает недоумение, горе, возмущение и, наконец, такой стыд и тоска, что слезы начинают течь по бороздчатым щекам.

План сборки слушателей персонала Radioland, слушать.

Тучная бабуина домохозяйка жарит сосиски, в то время как динамик обеспечивает вам воображаемую реальность2 и реальное обострение ваших самых непостижимых желаний.

Детеныш бабуина, стоящий в своей кроватке, протягивая рука для портативного радио над комодом и настройка на обещание детумесценции.

Бабуин-финансист средних лет, нарушающий чтение котировок биржи, чтобы слушать, с закрытыми глазами и восторженная улыбка: “Дай мне, дай мне, дай мне, дай мне”.

Пара бабуинов-подростков, обменивающихся ласками с звук музыки, в припаркованной машине. “Зови меня дорогой.” Передний план губ и лап.

Вырезать, возвращаясь к слезам Фарадея. Певица поворачивается, видишь его лицо в муках, выпускаешь крик гнева и начинаешь шлепать его, удар за диким ударом в то время как зрительный зал бурно аплодирует. Стены из золота и яшмы ночной клуб испаряется, и на мгновение вы видите силуэты обезьяна и интеллект заключенного, вырезанные против утренние сумерки из первой последовательности. Потом они тоже они исчезают, и остается только символ одного символа Вечность.

РАССКАЗЧИК

Море, сияющая планета, безграничный Кристалл неба — вы, конечно, помните! Конечно! Или олвидастес, разве вы никогда не замечали, что существует за пределами зоопарка? ментальный и внутренний хоспис и весь этот Бродвей театров воображаемые, в которых единственное имя в огнях всегда твое свой?

Камера движется по небу, и теперь темная зубчатая масса с каменистого острова ломается линия горизонта. Парусный спорт вдоль острова видна большая четырехмачтовая шхуна. Мы приближаемся, видим, что лодка несет флаг Новой Зеландия и называется Кентербери. Капитан и группа пассажиры стоят рядом с перилами, внимательно следя за направление на восток. Мы смотрим в его бинокль и делимся бесплодная береговая линия.

Затем, почти внезапно, солнце встает за силуэтом далеких гор.

РАССКАЗЧИК

Этот новый светящийся день - 20 февраля 2018 года, и эти мужчины и женщины являются членами экспедиции Новозеландец переоткрытия Северной Америки. Пощадили воюющие стороны Третьей мировой войны-нет, это праздный сказать, по любой гуманитарной причине, но просто потому что, как и экваториальная Африка, она была слишком далека, чтобы кто-нибудь, если бы вы дали работу, чтобы уничтожить ее-Новая Зеландия он выжил и даже скромно процветал в изоляции что, учитывая опасно радиоактивные условия остальной части мир, он оставался на протяжении более века почти абсолютным. Теперь что опасность миновала, вот прибывают первые исследователи, новое открытие Америки с запада. Между тем, другой со стороны света черные продвинулись вниз по Нилу и пересекли Средиземное море. Какие великолепные племенные танцы в залах кишащие летучими мышами матери парламентов! И лабиринт Ватикан-какое великолепное место для длительных обрядов и комплексы женского обрезания! Мы собираем именно то, что вы посадили.

Сцена темнеет; слышен грохот канонады. Когда свет возвращается, вот он, на корточках, доктор Альберт Эйнштейн, привязанный к недоуздку, позади группы бабуинов. в форме.

Камера проходит через узкую ничейную землю, покрытую руины, разрушенные деревья и трупы, и остановись на вторая группа животных, которые носят разные знаки отличия под одной еще один флаг, но с тем же Альбертом Эйнштейном, прикрепленным к точно такой же недоуздок, сидящий на корточках рядом с пятками его походные ботинки. Под нимбом растрепанных волос, добросердечная и невинная физиономия демонстрирует выражение болезненное изумление. Камера перемещается туда-сюда, из Эйнштейн Эйнштейну. Близкая плоскость двух одинаковых граней, встревоженно глядя сквозь полированные кожаные сапоги. их соответствующих лордов.

В саундтреке голос, саксофоны и виолончели они продолжают умолять о детумесценции.

- А ты, Альберт? - нерешительно спрашивает один из Эйнштейнов.

Другой медленно кивает головой.

- И, Альберт, это я.

Над головой флаги противостоящих армий начинаются с внезапно дрожит в прохладном ветерке. Красочные рисунки, если они разворачиваются, снова сворачиваются на себя, раскрываются и они снова прячутся.

РАССКАЗЧИК

Вертикальные списки, горизонтальные списки, круги и кресты, орлы и молоток. Просто произвольные символы. Но всякая реальность, к которой был связан символ таким образом становится подчиненным этот символ. Госвами и Али жили в мире. Но я получил флаг, ты получил флаг, все дети Бога-Обезьяны достали флаги. Так до Али и Госвами они устроили флаги; и из-за флагов он прошел сразу быть справедливым и правильным, что у кого есть крайняя плоть выпотроши того, у кого его нет, и пусть обрезание стреляет в необрезанного, изнасилуйте свою жену и поджарьте своих детей на медленном огне.

Между тем, над этими кусками мешковины плавают облачные замки, и за облаками тот синий вакуум, который

это символ нашей стеклянной сущности, и у подножия мачты растет пшеница и изумрудно-зеленый рис и рожь. Хлеб для тела и хлеб для духа. Наш выбор между хлебом и мешковиной. И это было мешковина, не нужно добавлять, что мы почти единодушно выбрать.

Камера спускается с флагов к Эйнштейнам и проходит мимо Эйнштейны для штабов, нагруженных медалями в фон. Внезапно и одновременно оба фельдмаршалы выкрикивают приказ. В том же мгновенно с каждой стороны появляются техники-бабуины с атрибутикой комплектные для выпуска аэрозолей. В танках давление одной из армий нарисовано СУПЕРТУЛЯРЕМИЕЙ, нас противника, активированный Мормо, чистота Гарантировано 99,44%. Каждая группа техников делает сопровождать его талисман, Луи Пастер, прикрепленный к цепи. В звуковом треке напоминает певицу. Дай мне, дай мне, это дает мне

детумесценцию… После сладострастных аккордов они модулируются в “стране надежды и славы”, исполненной гигантский военный оркестр, спетый хором из четырнадцати человек тысяча голосов.

РАССКАЗЧИК

Какую землю вы спрашиваете? И я отвечаю, Любая земля.

И теория, безусловно, принадлежит Королю Обезьян. Что касается Надежды —

Да будет нам Бог, надежды больше нет., Только почти правильная перспектива Внезапно завершиться,

Или понемногу, в агонии,

Окончательный и фатальный Детумесценция.

Близкая плоскость лап маневрирующих клапанов; в затем камера отступает. Течет из резервуаров под давлением, два волны желтоватого тумана начинают катиться друг против друга, кротко, по ничейной земле.

РАССКАЗЧИК

Мормо, друзья мои, Мормо - болезнь лошадей, редко встречается у мужчин. Но, неважно, наука может легко сделать его универсальным. И это симптомы: боли насильственные во всех суставах. Пустулы по всему телу. Под кожей твердые отеки, которые в конечном итоге лопаются и они превращаются в гангренозные язвы. В то же время, слизистая оболочка носа воспаляется и выделяет обильное выделения гноя с неприятным запахом. Язвы быстро образуются в ноздри, разъедающие кости и хрящи, которые их окружают. Носовой инфекция распространяется на глаза, рот, горло и бронхи. В течение трех недель в большинстве случаев наступает смерть, Обеспечение смерти во всех случаях было обязанностью из этих молодых и блестящих докторов наук, молящихся на службе ваше правительство. И не только от вашего правительства: всех других организаторов, избранных или самодельных, коллективная шизофрения в мире. Биологи, патологи, физиологи - после

тяжелого дня в лаборатории, возвращаясь к дом, в лоне семьи. Объятие милой жены. Один игра с детьми. Спокойный ужин с друзьями, за ним следует вечер камерной музыки или умный разговор о политике или философии. Затем кровать в одиннадцать часов и семейные экстазы супружеской любви. И в на следующее утро, после апельсинового сока с тостами, они идут они вернулись к своей Фаине, чтобы узнать, как большее число все еще семьи, точно такие же, как ваши, могут быть заражены за еще более смертоносное действие Baccilus mallei.

Новый командный крик маршалов. Среди монос в сапогах отвечает за снабжение Джинна в каждом

одна из армий есть жестокий треск хлыста, растяжение недоуздок.

Близкий план Эйнштейнов, которые пытаются сопротивляться.

- Нет, нет… я не могу.

- Скажи, что я не могу.

- Нелояльно!

- Предатель Родины!

- Грязный коммунист!

- Буржуазно-фашистская собака!

- Империалистический красный!

- Капиталист-монополист!

- Возьми!

- Возьми!

Топтали, били, полусухали, каждый из В конце концов Эйнштейнов втягивают в своего рода сторожку. Узел внутри есть приборные панели, с циферблаты, клавиши и кнопки.

РАССКАЗЧИК

Конечно, это очевидно.

Какой школьный мальчик не знает об этом?

Обезьяны выбирают цели; только средства от мужчина.

Сутенер Папио, лакея бабуинов,

Причина приходит давление, в стремлении ратифицировать;

Приди, рабский, с философией, облизывай ноги тиранам.; Приходит, прусская ниша, с гегелевской историей; Приходит с медициной служить афродизиак короля-Обезьяна;

Приходите, с рифмами и риторикой, написать свои слова;

Приходит с расчетом направьте свои ракеты Точно о приюте в море;

Приди, указав, с благовониями

Искренне молиться Деве о прямом воздействии.

Военный оркестр уступает место самым вязким из Вурлитцеров, “Земля надежды и Славы” к “вперед, воины Христа”. После его преподобного деама и его повелителя, Преосвященный епископ-Павиан Бронкса величественно продвигается вперед, посох на лапе, нагруженной драгоценностями, чтобы наложить благословение на два фельдмаршала и их патриоты предприятие.

РАССКАЗЧИК

Церковь и государство,

Жадность и ненависть: —

Два обезьяньих человека в одной высшей горилле.

ВСЕ

Аминь, аминь.

ЕПИСКОП

In nomine Babuini…

В саундтреке все vox humana и ангельские вазы

хор.

“С (тусклым) крестом (pp) Иисуса, (ff) всегда в авангард.”

Огромные лапы подвешивают Эйнштейнов, заставляя их ноги, и на переднем плане они прикрутили им запястья. Руководствуясь обезьяны, эти пальцы, которые писали уравнения и касались музыка Иоганна Себастьяна Баха, закрываются на ключи и, с ужасом неохотно, медленно

нажмите вниз. Слышен легкий треск, затем долгое молчание, нарушенное, в конце концов, голосом рассказчика.

РАССКАЗЧИК

Даже на сверхзвуковых скоростях ракеты будут нести заметное время, чтобы добраться до места назначения. Итак, ребята, как насчет небольшого обеда, пока мы ждем Страшного Суда?

Обезьяны открывают свои рюкзаки, бросают немного хлеба, несколько морковок и два или три кусочка сахара к Эйнштейнам и они начинают выпивать бренди и чоризо.

Слияние на палубу шхуны, где ученые Экспедиция по повторному открытию они также обедают.

РАССКАЗЧИК

И это некоторые из тех, кто выжил в этом суде. Люди это приятно.

И цивилизация, которую они представляют — это приятно, тоже. Ничего слишком захватывающего или зрелищного, не так ли истина. В нем нет Парфенонов и Сикстинских часовен, нет Ньютонов ни Моцартов, ни Шекспиров; но и не имеет Эззелинос, в нем нет наполеонов, гитлеров и Джея Гулдса, нет ни инквизиции, ни НКВД, ни чисток, ни погромов, ни линчевание. Ни высоты, ни бездны, но молоко в изобилие для детей, средний IQ разумно возвышенный, и все в тихой провинциальной манере, полностью комфортно, разумно и гуманно.

Один из мужчин пристегивает свой бинокль и вглядывается в берег, который сейчас находится всего в паре миль. Внезапно, пусть это ускользнет восклицание ликующего удивления.

- Смотри! - Он протягивает линзы одному из товарищей. — На гребне холма.

Другой смотрит.

Телескопическая розетка с мелководных холмов. В самой высокой точке лежачий полицейский, силуэты трех нефтяных башен возвышаются над небо, как оборудование Moderna и более эффективным Голгофа.

Нефть! - возбужденно кричит второй наблюдатель. — И башни все еще стоят.

- Стоять?

Изумление общее.

- Это значит — - говорит старый профессор Крейги, геолог — что не могло быть очень сильного взрыва в округлость.

- Но не обязательно, чтобы были взрывы — объясните своему коллеге по физическому факультету. — Газы радиоактивные вещества работают так же эффективно, как и над районами гораздо более обширными.

- Вы, кажется, забыли о бактериях и вирусах — - вмешивается он профессор Грампиан, биолог. Ваш тон-тот, кто чувствует о нем мало что известно.

Его молодая жена, которая всего лишь антрополог и поэтому ему

не нужно участвовать в обсуждении, он доволен бросить на телосложение свирепый взгляд.

Спортивный в ее твидовых штанах, но в то же время блестяще умный за очками в оправе черепаха, Миссис Этель Хук из отдела ботаники, это напоминает им о том, что почти наверняка произошло широкое трудоустройство шкала болезней растений. Она поворачивается, чтобы попросить подтверждения от его слов своему коллеге, доктору пулу, который машет в знак Е

одобрительный.

- Болезни пищевых растений — - говорит он своим воздухом профессорский-они будут иметь далеко идущий эффект, не меньше решающим, чем тот, который производится расщепляющимся материалом или искусственно спровоцированные эпидемии. Рассмотрим, например, картофель…

- Но зачем тратить время на любую из этих леденцов? - грубо гремит инженер группы Доктор Кадворт. — Перекрыть акведуки, и через неделю все будет ликвидировано. Без да ладно, пока. - В восторге от самой бабки, - смеется он смех.

Между тем д-р Schneeglock, психолог, слушает сидя, с улыбкой едва замаскированного презрения.

- А зачем тратить время на акведуки?

- спроси его. - Все, что нужно сделать, это просто угрожать соседу любым оружием уничтожения в масса. Ваша собственная паника сделает все остальное. Помните, что психологический процесс сделал в Нью-Йорке, например. As коротковолновое излучение из-за моря, заголовки в вечерняя газета. И в тот же момент восемь миллионов человек топчется по мостам и туннелям. И выжившие разбросаны по полям, как саранча, как Орда пестрых крыс. Загрязнение резервуаров вода. Распространение сыпного тифа, дифтерии и венерических заболеваний. Кусать, царапать, грабить, убивать, насиловать. Пожирание собак и трупов детей. Расстрелян первый взгляд крестьян, натянутых полицией, расстреляны государственной гвардией, повешены дружинниками. И то же самое происходило в Чикаго, Детройт, Филадельфия, Вашингтон; в Лондоне, в Париже; в Бомбее, в Шанхае и в Токио; в Москве, в Киеве, в Сталинграде; в каждой

столице, в каждом промышленном центре, в каждом порт, каждый железнодорожный узел, по всему миру. Ни был произведен выстрел, и цивилизация уже была в руинах. Почему солдаты все еще считали необходимым использовать свои бомбы, я я действительно не могу себе этого представить.

РАССКАЗЧИК

Любовь устраняет страх; но, наоборот, страх это устраняет любовь. И не только любовь. Страх устраняет

интеллект, устраняет доброту, устраняет все мысли о красота и правда. Сохраняется только desaise ro немой или принудительно веселый человек, который чувствует непристойное присутствие в углу

номер и знает, что дверь заперта, что окон нет.

А потом дело доходит до него. Он чувствует руку на своей манго, дышит вонючим дыханием, когда помощник палача получает он почти с любовью наклоняется к нему. “И твоя очередь, брат. В здесь имейте доброту.“И в одно мгновение его тихий ужас это превращается в безумие, столь же жестокое, сколь и бесполезное. Больше не один человек среди своих собратьев, больше не разумное существо четко говорить с другими разумными существами; только один животное ранено, улетает и бьется в ловушке. Ибо, в конце концов, страх устраняет в человеке само человечество. И страх, мои хорошие друзья, страх-это сама основа и фундамент moderna Life. Боязнь такой рекламируемой технологии, что, повышая уровень нашей жизни, повышая вероятность нашей насильственной смерти. Страх перед наукой

который снимает одной рукой даже более чем так щедро распределяй с другой. Страх перед институтами явно смертельные случаи, к которым мы готовы в нашей суицидальной преданности убить или умереть. Страх великих людей, которых мы возвышаем, Народное признание, к власти, которую они используют, неизбежно, чтобы убить и поработить нас. Боязнь войны, которую мы не мы хотим, но мы делаем все, чтобы развязать.

Когда рассказчик говорит, сцена растворяется в пикник на

открытом воздухе заключенных бабуинов и Эйнштейнов. Он они едят и пьют по-королевски, в то время как первые два стихи из “вперед, солдаты Христа” повторяются непрерывно, все быстрее и быстрее, все громче и громче. Внезапный, музыка прерывается первым из последовательности огромных взрыв. Тьма. Затянувшийся, оглушительный, фрагмент обвалы, хлопки, крики, стоны. Затем тишина; свет он возвращается постепенно, и снова наступает время до рассвета, с утренней звездой и нежной, чистой музыкой.

РАССКАЗЧИК

Невыразимая красота, мир вне понимания…

Вдалеке, за горизонтом, столб розового дыма он поднимается к небу, расширяется до черты огромного гриба и он остается парящим в космосе, затмевая одинокую планету.

Мы снова растворяемся для сцены пикника. Эй бабуины все мертвы. Ужасно изуродованы ожоги, два Эйнштейна лежат бок о бок, под тем, что осталось. из цветущей яблони. Не слишком далеко, напорный бак он все еще выдыхает своего активированного Мормо.

ПЕРВЫЙ ЭЙНШТЕЙН И несправедливо, это неправильно…

СОГЛАСНО ЭЙНШТЕЙНУ Мы, которые никогда никому не причиняли вреда.

ПЕРВЫЙ ЭЙНШТЕЙН Мы, которые живут только ради правды.

РАССКАЗЧИК

И именно поэтому вы умираете на службе обезьяны-убийцы. Паскаль уже объяснил это довольно ясно, есть еще триста лет: “мы делаем истину идолом; ибо истина без милосердия не Бог, а его образ и идол, которого мы не мы не должны ни любить, ни поклоняться”. Вы жили для поклонения идол. Но в конечном итоге имя каждого идола Молок. И так, друзья мои, получилось то, что получилось.

Движимый внезапным порывом ветра, чумная дымка до затем

застой движется вперед молчаливый ум, проецирует спираль

Гнойный пар, кружащийся среди цветов яблони,, затем он спускается, чтобы поглотить двух павших ниц. Крик удушье предвещает смерть в результате самоубийства науки двадцатого века. Слияние до точки побережья Южной Калифорнии, около двадцати миль к западу от Лос-Анджелеса. Ученые экспедиции Повторное открытие видно в акте высадки из китобой. На заднем плане огромный канализационный канал, полуразрушенный в тот момент, когда он погружается в море.

РАССКАЗЧИК

Парфенон, Колизей

Слава Греции, величие и так далее.

А там все остальные —

Фивы и Копан, Ареццо и Аджанта;

Бурж, бросаясь в небо,,

И Святой разум, плавающий неподвижно.

Однако викторианская слава И все же, возможно, W. C.;

Величие Франклина Делано И эта огромная канализация, самая большая из когда-либо построенных —

Сухой теперь и разбитый, Икабод, Икабод;

И его шквал кондонов (неудержимо плавающих, Как надежда, как похоть)

Больше не отбеливать этот одинокий пляж С галактикой, как у анемонов, Или летние ромашки.

Тем временем ученые с доктором Крейги во главе, они пересекли пляж, взобрались на нижнюю пенедию и двинулись вперед., через песчаную и эродированную плоскостность к колодцам нефть на холмах за ее пределами.

Камера останавливается на д-р пул, главный ботаник экспедиция. Как пасущаяся овца, он движется от растение для другого, исследуя цветы через увеличительное стекло,

сбор образцов в вашем коллекционном футляре, взятие записки в маленькой черной книжке.

РАССКАЗЧИК

Ну, вот и наш герой, доктор Альфред пул, доктор в науке. Более известный среди своих учеников и коллег больше молодежь пул Боко. И прозвище, горе нам, мучительно подходящий. Ибо, хотя это не плохо, как вы можете наблюдать, хотя член Королевского общества Новой Зеландии и ни в коем случае не придурок, в условиях его практической жизни интеллект кажется только потенциальным, его привлекательности больше нет какие тлеющие. Как будто он живет за знаком. стекло, можно было видеть и видеть, но никогда не вступать в контакт. И вина, как Доктор Шнеглок из отдела психология более чем способна объяснить вам, вина лежит на этом мать такая преданная и так сильно овдовевшая - та святая, та столп крепости, тот вампир, который все еще председательствует за своим столом на обед, моет q своими руками свои шелковые рубашки и самоотверженно залатай свои носки. Мисс. Крюк входит сейчас на сцене-приходит взрыв энтузиазма.

- Разве это не захватывающе, Альфред? - восклицает она.

- Много, - вежливо соглашается доктор пул.

- Увидеть славную Юкку в ее естественной среде обитания…

Кто бы мог подумать, что у нас есть такая возможность? И Artemisia tridentata.

- На Артемизии еще осталось несколько цветов, - говорит доктор. Пул. - Вы заметили в них что-то необычное?

Миссис Хук осматривает цветы, качает головой.

- Они намного больше, чем в описаниях стариков сборники-наблюдает он с изученным волнением подавленный.

- Намного больше…? - повторяй. Ваше лицо становится освещать.
- Альфред, ты думаешь…?

Доктор пул кивает.

- Я могу делать ставки, - говорит он. - Тетраплоидизм. Индуцированный гамма-облучением.

- Альфред! - она восторженно кричит.

РАССКАЗЧИК

С их tveeds и с их очками в черепаховой оправе, Этель Хук - одна из тех необычайно здоровых молодых женщин, удивительно эффективные и интенсивно Британские, с кто, если человек не одинаково Здоров, одинаково британец и еще более эффективный, если он считает, что гораздо предпочтительнее не женить.

Вероятная причина, почему в 35 лет Этель все еще находится без мужа. Без мужа, да, но-она надеется - недолго время. Хотя дорогой Альфред на самом деле еще не заявил, что она знает (и знает, что он знает), что самый дорогой желание его матери состоит в том, чтобы он это сделал, а Альфред-самый послушный детей. Кремень, у них так много общего-ботаника, университет, поэзия Вордсворта. Она верит в то, что раньше после возвращения в Окленд все будет организовано — церемония просто, со старым доктором Триллиамсом, исполняющим обязанности, медовый месяц в нас Южные Альпы, возвращение в свой прекрасный маленький домик на горе Иден, и затем, восемнадцать месяцев спустя, первый ребенок…

Переход к другим членам экспедиции, которые поднимаются на холм к нефтяным скважинам. Профессор Крейги, который командуй, сделай это громко, чтобы вытереть лоб и пересматривать свои подопечный.

- Где пул? - спроси его. - А Этель Хук? Кто-то указывает на это, и на общем плане мы видим, как уроды далеки от два ботаника.

Вырезать, возвращаясь к профессору Крейги, который сгребает руки в совок над ртом и кричит: - пул, пул!

- Почему бы тебе не оставить их в покое со своим маленьким Романом? - спроси веселого Кадворта.

- Романтика, да! - Доктор Шнеглок фыркает насмешка.

- Но очевидно, что она влюблена в него.

- Для Романа нужны двое.

- Женщина знает, как заставить своего мужчину ступить в

петля.

- Ему легче совершить инцест со своей матерью — решительно заявляет доктор Шнеглок.

- Пул! - еще раз ревет профессор Крейги. Затем, обращаясь к другим: - мне не нравится, что ты остаешься никто не отстает, - сердито говорит он. - В чужой стране… никогда не знаешь.

Он обновляет беррейро.

Вырезать для доктора пула и Мисс пул. Крюк. Они слышат зов далекие, поднимают глаза своей тетраплоидной Артемизии, виляют руки и бросаются в погоню за остальными. Внезапно доктор. Пул замечает что — то, что заставляет его громко кричать: - Смотри! - Он указывает на индикатор.

- Что это?

- Эхинокактус гексаэдрофор. Прекрасный экземпляр. Половина общего плана с вашей точки зрения для бунгало разрушен между залпами. Затем близкий план кактуса, растет между двумя плитами тротуара, рядом с дверью вход. Вырезать для доктора пула. От кожаной оболочки которая приносит к пояс, он вытаскивает длинную ложку садовника с узким лезвием.

- Ты не собираешься сбивать его с толку, не так ли?

Его единственный ответ-подойти к кактусу и собраться вместе то же самое.

- Профессор Крейги рассердится, — протестует Мисс Крейги.

Крюк.

- Ну, двигайся дальше и заставь его замолчать.

Она созерцает его несколько секунд с выражением забота.

- Я не хотел оставлять Тебя одного, Альфред.

- Ты говоришь, как будто мне пять лет, — возражает он с раздражением. - Продолжай, говорю тебе.

Он поворачивается спиной и начинает копать.

Мисс. Крюк не подчиняется, и продолжает смотреть на него в тишина еще на несколько мгновений.

РАССКАЗЧИК

Трагедия-это фарс, который окружает наши симпатии, фарс, трагедия, которая случается с чужими нам. Спорт и Айроса, здоровый и эффективный, этот объект самого легкого жанра сатиры также предмет интимного дневника. Какие пылающие закаты она созерцала и тщетно пыталась описать! Как велюровые и сладострастные летние ночи! Какие идиллические весенние утра! И, о! потоки эмоций, искушения, надежды, страстное сердцебиение, унизительные разочарования! Е теперь, после стольких лет, после стольких встреч помощь комиссии, так много уроков, так много тестов теперь, наконец, в своих таинственных замыслах, Бог она считает его ответственным за этого беспомощного человека и несчастный. И поскольку он несчастен и беспомощен, она любит его-нет романтично, это правда, не так, как вы любили этого парня кудрявые волосы, которые пятнадцать лет назад повернули ему голову и потом женился на дочери богатого подрядчика, но не меньше искренне, с сильной и защитной нежностью.

- Хорошо, - наконец говорит она. - Я пойду Ан Дандо. Но пообещай мне, что ты не задержишься.

- Конечно, я не задержусь.

Она поворачивается спиной и уходит, доктор пул следует за ней взглядом; затем, со вздохом облегчения, когда стих снова один, он начинается снова. копаю.

РАССКАЗЧИК

“Никогда, - повторяет он сам, - никогда!”

Что бы ни говорила моя мама.“Хотя он уважает Мисс. Крюк как ученый, доверяйте ей как организатору и восхищайтесь ею как личность характера, идея быть сделанной с ней одной плотью для него это так же немыслимо, как нарушение императива Категорический.

Внезапно, позади него, трое сглазых мужчин, с большими черные бороды, грязные и оборванные, много крадутся тихо из руин дома, на мгновение они останавливаются нерешительными, а затем бросаются на врасплох. ботаник, и, прежде чем он сможет даже выпустить ИИ, они засунут его в рот кляп, привязывают руки к спине и тащат его в яму, вне поля зрения его товарищей.

Слияние с панорамным видом на Южную Калифорнию, взятие стратосферы с высоты пятидесяти миль. Когда камера погружается в землю, слышен голос рассказчик.

РАССКАЗЧИК

Море и его туманы, зеленые и золотые горы, Анил затуманенных долин,

Желтовато-коричневая засушливость равнин.

Реки галечных и белых песков,

И между ними, распространившись огромным,

Город Ангелов.

Полмиллиона домов.

Пять тысяч миль улиц.

Полтора миллиона машин.

И больше резиновых деталей чем Акрон,

Больше целлулоида, чем у Советов,

Больше нейлоновых носков, чем New Rochelle,

Больше бюстгальтеров, чем Buffalo,

Больше дезодорантов, чем Денвер,

Больше апельсинов, чем где-либо еще, с девушками больше и лучше Большой Метроллопис на Западе.

И теперь мы находимся всего в пяти милях от высоты, и она уходит. становится все более очевидным, что большой Metrollopis 1 является город-призрак, который когда-то был самым обширным оазисом мир теперь является его самым большим скоплением руин на земле опустошить. На улицах ничего не движется. Дюны, забитые между бетоном. Аллеи пальм и перца не не осталось и следа.

Камера опускается на большое прямоугольное кладбище между железобетонные башни Голливуда и Уилшира Бульвар. Приземляемся, проходим под арочным порталом, мы наслаждались путешествием по погребальным памятникам. Один миниатюрная пирамида. Готическая сторожка. Саркофаг из мрамор увенчан серафимами в слезах. Статуя в более чем натуральный размер Хедды Бодди — ” с любовью по прозвищу, - гласит надпись на пьедестале, - публичная подруга Номер Один”. “Привязай свою машину к звезде.“Мы привязали и мы продолжаем; и неожиданно, среди всего этого запустения, там небольшая группа людей. Это четверо мужчин, с огромными бородами и более чем грязными, и две молодые женщины, все они работают с лопатами внутри и вокруг могила открыта, и все одинаково одеты в брюки и рубашки из обычной и рваной ткани. Об этих одеждах грубый каждый из них носит небольшой квадратный фартук на на которой в красной шерсти вышито слово “нет”. Помимо рисбермы, девушки резвятся круговая заплата приложенная дальше каждая грудь, а за ней пара чуть более крупных пластырей на слинг брюк. Три однозначно отрицательных приветствуют нас когда они приближаются, еще два, как стрелы роды, когда они уходят.

Наблюдение за работниками над надгробием соседний мавзолей, сидит человек его сорока

лет, высокий, геркулесовый, с черными глазами и орлиным носом алжирский Капер. Черная кудрявая борода подчеркивает ее влажный красный цвет толстых губ.

1 0 Автор fa% непереводимая анаграмма Метрополиса, играя с английское слово Троллоп-проститутка. Вероятный намек на ” большую шлюху” о чем говорится в XVII главе Откровения. (Н. Т.)

Несколько неуместно, он носит фатиоту резьбы по дереву используется в середине двадцатого века, немного мал для него. В тот момент, когда мы его удивляем, он погружается в подстригите ногти.

Вырезать для могильщиков. Один из них, самый молодой и лучший взгляд, поднимает глаза своей лопаты, оглядывается на суб-взгляд,- на надгробной плите и, увидев, что он занят собственные ногти, обращает на молодую женщину ярко-люминесцентный взгляд пухленькая, которая рядом с вами наклоняется над инструментом. План близок к двум запретительным ярлыкам. Нет и снова нет, растут все больше и больше, чем жаднее он их записывает. Уже прижимаясь к восхитительно воображаемому контакту, ваша рука становится простирайся, соблазняйся, колеблясь, а потом в рывке, когда внезапно совесть побеждает искушение, снова собирает себя. Прикусив губу, мальчик отворачивается и с удвоенным рвением, это еще раз относится к работе.

Внезапно лопата врезается в твердый предмет. Есть крик ликования, Афан комбинированной деятельности. Несколько несколько мгновений спустя красивый Скиф из красного дерева получает кран для поверхность.

- Взломайте его.

- О. К., Босс.

Слышен скрип и треск разбитого дерева.

- Мужчина или женщина?

— Мужчина.

- Отлично! Выбросьте его.

С “Раз-два-уже!“они садятся в гроб, и труп катится на песке. Старейший из бородатых копейщиков преклоняет колени перед и приступает к методичному снятию с часов и ювелирные изделия.

РАССКАЗЧИК

Благодаря сухому климату и искусству бальзамировщика остатки управляющий директор пивоварни золотое правило кажется, как будто он был похоронен накануне. Лица все еще розовые с румянцем приложенным препаратором к горящей камере. Зашитые в вечной улыбке, уголки губ, отшлепанные,, они дают Толстому лицу раздражающе загадочное выражение Мадонна Болтраффио.

Внезапно кончик огромного хлыста хлопает по спине могильщика, стоящего на коленях. Камера отступает, чтобы показать босса, который наклоняется угрожающе, латекс в мпунхо, как воплощение Божественная месть, с вершины вашего мраморного Синая.

- Верните кольцо!

- Какое кольцо? - мужчина заикается.

В ответ начальник применяет к нему еще два-три вергастадас.

- Нет, нет, пожалуйста! Ой! Я верну. Стой!

Виновник вводит в рот два пальца, а после немного покопавшись, вытащи красивое кольцо с бриллиантом, которое умерло. Пивовар приобрел во время Второй мировой войны, когда дела шли от ветра к корме.

- Положи его туда с остальными, - говорит босс; и после того, как человек подчиняется: - двадцать пять порок, - продолжает с извращенное удовлетворение — это то, что вы возьмете сегодня вечером.

Хныкая, человек умоляет снисходительность-с только для на этот раз. В то время как завтра день Белиала… И кроме того он стар, всю жизнь работал самоотверженно, добрался до должность заместителя инспектора…

Босс не позволяет ему продолжать.

- Это демократия, - говорит он. — Мы все равные перед законом. И закон говорит, что все принадлежит Пролетариат-государство. И какое наказание для кого крадет государство? - Мужчина Немо смотрит на него беспомощность. -

Какой штраф? - ревет босс, поднимая кнут.

- Двадцать пять порок, - приходит почти неслышный ответ.

- Хорошо! Ну, это решает дело, не так ли?

А как насчет одежды?

Самый молодой с самый стройный из девушек inclinase, и пальпирует пальцами черный жакет трупа.

- Хорошая ферма, - сообщает она. - И никаких пятен. Он не утечка, или что-то в этом роде.

- Попробую, - говорит босс.

С некоторым трудом вырывают из трупа штаны, пальто и рубашка, а затем снова бросают его в яму и они выливают землю на свое цельное нижнее белье. Тем временем босс берет фатиоту, критически нюхает ее, а затем снимите жемчужно-серый пиджак, который когда-то принадлежал менеджеру производство Western-Shakespeare Pictures Incorporated и enfia оружие в более консервативной модели, которая гармонирует с солодовые напитки и с золотым правилом.

РАССКАЗЧИК

Поставь себя на свое место. Возможно, вы этого не знаете, но истончение или первая полная чешуя состоит из фидер или катушка и два барабана с соответствующими рабочие, сепараторы, катаны, утилизаторы и т. д. И если нет, у него есть чесальные машины или механические ткацкие станки, если у вас нет ни электродвигателей для их привода, ни динамо-машин чтобы генерировать электричество, ни турбины для запуска динамо-машин, ни угля для производства пара, ни доменных печей для производства

сталь-так что, конечно, чтобы иметь хорошую одежду, обязательно зависеть кладбища тех, кто когда-то пользовался такими преимуществами. Е пока радиоактивность сохранялась, не было даже кладбища для изучения. В течение трех поколений, остатки каждого и тем, кто выжил после завершения технический прогресс они жили ненадежно в пустошах. Только нам последние тридцать лет могли они, безопасно, извлечь выгоду из захороненных останков confort moderne.

Близкий план босса, гротеск в куртке, унаследованной от человек, чьи руки были намного короче его и чей живот был намного больше. Звук приближающихся шагов заставь его повернуть голову.

В общем плане, с вашей точки зрения, мы видим доктора пула руки привязаны к спине, двигаются вперед, дрожат и безутешно по песку. За ним идут его трое уловить. Каждый раз, когда он спотыкается или замедляет шаг, они они засовывают свою задницу острыми листьями юкки и смеются громко наблюдая, как она прыгает.

Босс смотрит на них в изумленной тишине, пока они приближать.

- Во имя Белиала, что это? - напоследок сформулируй его.

Небольшая группа делает высоко у подножия Мавзолея. Втроем члены эскорта доктора пула поклоняются боссу и они рассказывают свою историю: они ловили рыбу на своих гранулах, когда широкий пляж Редондо; они внезапно увидели огромный и странная лодка выходит из кустов; они сразу же гребли на землю, чтобы их не заметили. Из руин старый дом, наблюдали за высадкой посторонних. Тринадцать их. А потом этот человек бродил с женщина, прямо перед ее укрытием. Женщина он вернулся, и пока человек рылся в земле с ПАЗ, они прыгнули на него сзади, заткнули ему рот,, они обманывали его, а теперь приводили на допрос.

Там долгая тишина, все-таки нарушенная боссом.

- Ты говоришь по-английски?

- Да, я говорю по-английски, - заикается доктор пул.

— Хороший. Развяжите его, положите сюда.

Он оказывается журавлем-с таким бесцеремонным, что приземляется

на четвереньках у ног босса.

- Вы священник?

- Священник? - повторяет доктор пул с трепетом.

Он качает головой.

- Тогда почему у него нет бороды?

— Я… я бреюсь.

- О, значит, нет… - Босс проводит пальцем по подбородок и лицо доктора пула.

- Я понимаю, понимаю. Левантезе.

Доктор пул подчиняется.

- Откуда ты?

- Из Новой Зеландии, сэр.

Доктор пул с трудом глотает, хочет, чтобы его рот она была менее сухой, ее голос менее дрожал от страха.

- Новая Зеландия? это далеко?

— Слишком далеко.

- Вы приехали на большом корабле? Со свечами?

Доктор пул кивает утвердительно и, принимая ее позу лектор, который всегда составляет ваше убежище, когда контакты личные угрожают стать трудными, продолжает объяснять, почему нет можно было бы пересечь Тихий океан на пароходе.

- Там не было бы места для дозаправки. Только для прибрежные перевозки наши судоходные компании в Условия использования пароходов.

- Паровой? - повторяет босс, его лицо освещено интерес. - У вас

еще есть пароходы?

Но значит ли это, что у вас этого не было?

Доктор пул сбит с толку.

- Я не совсем понял. Что за штука?

— вещь. Вы знаете… Когда он взял на себя ответственность.

Поднося руки ко лбу, он делает знак рога с расширенные индикаторы. Преданно, его подчиненные имитировать.

- Вы имеете в виду Дьявола? - спрашивает Доктор пул дубитативно.

Другой кивает.

- Но, но… то…

РАССКАЗЧИК

Наш друг хороший конгрегационалист, но горе приходу либеральный. Что означает, что он никогда не приписывал принцу этого мир своей онтологической реальности. Одним словом - не веришь В нем.

- И он взял под свой контроль, - объясняет начальник.

- Он выиграл битву и завладел всем миром.

Вот когда они все это сделали.

В широком и всеобъемлющем жесте он охватывает опустошение, которое было однажды город Лос-Анджелес. Физиогномика доктора пула это освещает понимание.

- О, я понимаю. Вы имеете в виду Третью войну Мировой. Нет, нам повезло; мы сбежали без единой царапины. Из — за своего своеобразного географического положения, - добавляет том профессорско-Новой Зеландии не хватало стратегического значения для…

Босс прерывает многообещающую прелюдию.

- Так у вас все еще есть поезда? — допрашивать.

- Да, у нас все еще есть поезда, - отвечает доктор пул немного раздражен. - Но, как я уже говорил…

- А локомотивы работают?

- 6 конечно работают. Как я уже говорил…

Босс издает жуткий рев ликования и применяет его шлепок по спине.

- Тогда вы можете помочь нам привести все в порядок другой раз. Как в старые времена, до… - он делает знак

рогоносец. - У нас будут настоящие поезда. - И в экстазе ликующее предвкушение, хватай доктора пула, протягивай ему руку в вокруг шеи и целует его в обе щеки.

Сжимаясь в смущении, усиленном отвращение (ибо великий человек редко моется и имеет ужасный неприятный запах изо рта), доктор пул отрывается.

- Но я не инженер, - протестует он. - Я ботаник.

- Что это?

- Ботаник-это человек, который разбирается в растениях.

- Машиностроительные заводы? - спрашивает босс, обнадеживающий.

- Нет, нет, просто растения. Вещи с листьями, стеблями и цветы. Хотя, конечно, - быстро добавляет он, - не вы должны забыть о криптогамах. И, кстати, криптогамы моя специальность. Новая Зеландия, как вы должны знать, это особенно богато криптогамами…

- А как же локомотивы?

- Локомотивы? - с презрением повторяет доктор пул. — Слушать говорю вам, я не отличаю паровую турбину от дизеля.

- Тогда вы ничего не можете сделать, чтобы помочь нам положить поезда снова в движении?

— Ничего.

Без слова босс поднимает правую ногу, поддерживает ногу против ямы желудка доктора пула, затем растягивается сильно согнутое колено.

Близкий план доктора пула, когда он встает, потрясенный и тупой, но без сломанной кости, из песчаный холм, на котором он оказался.

Со стороны сцены слышится, как босс кричит о своих командовать.

Средний план могильщиков и рыбаков, которые спешат обратите внимание на призывы.

Босс указывает на доктора пула.

- Похороните его.

- Живой или мертвый? - спроси самую толстую из девушек в его богатом контральто-голосе.

Босс опускает на нее глаза. Взятие вашей точки вид. С усилием он отводит взгляд.

Ваши губы двигаются. Он повторяет правильный отрывок из Малого Катехизиса: “какова природа женщины? Ответ: Женщина-сосуд сатанинского Духа, источник всех уродства, враг расы, А…”

- Живой или мертвый? - толстушка настаивает.

Босс пожимает плечами.

- Что угодно, - отвечает он с изученным безразличием.

Пухленькая хлопает в ладоши.

- Ура, ура! - она кричит и поворачивается к товарищам. —

Давайте, ребята, давайте немного повеселимся.

Они окружают доктора пула, поднимают его, крича, с земли и они бросают его, стоя в могиле, частично заполненной управляющий директор пивоварни золотое правило. Пока пухленькая держи его на месте, люди берут лопаты и бросают внутри мягкая и сухая земля. За очень короткое время он видит себя похоронен по пояс.

В саундтреке крики жертвы и возбужденный смех мучители постепенно превращаются в тишину, которая нарушается голосом рассказчика.

РАССКАЗЧИК

Жестокость и сострадание приходят с хромосомами;

Все люди хорошие и все убийцы. Любя собак, они строят свои Дахаусы; они сжигают целыми городами и ласкать сирот; взывать к линчевания, но поддерживают Окриджа; делают проекты филантропия, но сегодня НКВД.

Кого мы должны преследовать, кого оплакивать?

И все дело в моде момента,

От слов на бумаге, от громких радиостанций,

Коммунистические или ранние детские сады-причастие ;

Только в познании собственной сущности Люди перестают быть кучкой обезьян.

Смех и мольбы возвращаются в звуковой диапазон.

Затем вдруг раздается голос начальника.

- Отойдите — - кричит он. - Я не вижу.

Они подчиняются. В тишине босс задерживает взгляд на доктор пул.

— Вы знаете все о растениях, - наконец говорит он. — Почему разве ты не сажаешь там картошку?

Сказанное приветствуется огромным смехом.

- Почему бы вам не сделать несколько красивых розовых цветочков? На переднем плане мы видим мучительное лицо ботаника.

- Жалость, жалость…

Голос пронзает, гротескно; есть новый взрыв веселье.

— Я мог бы вам помочь. Я мог бы научить их, как получить лучшие урожаи. У вас будет больше еды.

- Что еще есть? - повторяет босс с внезапным интересом. Затем он жестоко хмурится на его лице. - Ты лжешь!

- Нет. Клянусь Всемогущим Богом.

Раздается скандальный ропот протеста.

— Он может быть всемогущим в Новой Зеландии — - говорит Начальник. - Но не здесь. Не с тех пор, как это произошло.

- Но я знаю, что могу им помочь.

- Вы готовы поклясться за Белиала?

Отец доктора пула был пастором и сам часто посещает регулярно церковь; но это с пылом, исходящим из глубины сердце, которое делает то, что вас просят.

- За Белиала. Клянусь Всемогущим Белиалом.

Все делают знак рога. Наступила новая тишина.

- Выкопайте его.

- Ах, босс, - протестует пухленькая, - это не то, что нужно

сделай это!

- Выкопайте его, ВАЗа Дьявола!

Их тон убеждает их в готовности; они копают с размером пыл, что менее чем за минуту доктор пул оказывается снаружи из его могилы и стоя, несколько шатаясь, рядом с мавзолеем.

- Спасибо — - может сформулировать; затем колени провисают и он падает в обморок.

Есть хор презрительно добродушного смеха.

Босс наклоняется со своего мраморного окуня.

- Эй, ты там, ваза с рыжими волосами. - Он распространяется на молодая девушка бутылка. - Выпей немного этого. — повелеть. - Он должен быть в состоянии ходить.

Давайте вернемся на базу.

Она наклоняется рядом с доктором пулом, поднимает его дряблое тело, поддерживает свисающую голову против запретов вашей груди и он управляет восстановителем.

Слияние на улицу. Четверо бородатых несут Босс в туалете. Остальные разбегаются сзади, идя медленно по песку, нагроможденному ветром. Здесь и там, под порталы разрушенных автозаправочных станций, в пустых порталах в офисных зданиях видны груды человеческих костей.

Половина плана рядом с доктором пулом. С бутылкой все еще в правая рука, он ходит немного шаткий ум, пение себя Энни Лори, с сильным чувством. Пьяный с пустой желудок-более того, желудок человека, чей мама всегда отказывалась от алкоголя по соображениям совести-сильный красное вино легко произвело свои эффекты.

And for bonny Annie Laurie Pd lay me doon and dee… 1

В середине последнего куплета входят две молодые могильницы на сцене. Приближаясь к певцу сзади, пухленькая дает-ему дружеское шлепание по спине.

У доктора пула испуг, он поворачивается и внезапно появляется опасаюсь. Но ее улыбка обнадеживает.

— Меня зовут Флосси — - говорит она — - и я надеюсь, что ты этого не сделаешь будь зол на меня, потому что я хотел похоронить ее.

- О! Нет, нет, совсем нет, - уверяет его Доктор пул, в тоне того,

кто говорит, что не возражает против того, чтобы Мисс зажгите сигарету.

- Дело не в том, что у меня было что — то против тебя,-заявляет она.

- Конечно, нет.

- Я просто хотел немного повеселиться, не более того.

- Конечно, конечно.

- Люди становятся такими смешными, когда они хоронить.

И ради гуапы Энни ори / я бы лег и умер.

- Очень смешно, - соглашается доктор пул и заставляет нервный хихиканье.

Чувствуя, что ему нужно больше смелости, он бодрит себя еще один глоток из бутылки.

- Ну, даже логин, - говорит пухленькая. - Мне нужно поговорить. с боссом над растяжкой рукавов его куртки новый.

Она дает ему еще один шлепок по спине и уходит в спешка.

Доктор пул остается наедине со своей второй половинкой. Взгляни на него. Ей восемнадцать; у нее рыжие волосы и ямочки, очаровательное лицо и стройное тело подросток.

- Меня зовут Лула, - спонтанно сообщает она. - И

ваш?

- Альфред, - отвечает доктор пул. - Моя мама была большой поклонница In Memoriam, - добавляет она к объяснению.

- Альфред, - повторяет рыжая. - Я назову его Алфи. Позвольте мне скажу тебе кое - что, Альфи: мне не очень нравятся эти захоронения

общественный. Я не знаю, почему я должен отличаться от других люди, но они не заставляют меня смеяться. Я ничего не вижу. смешно в них.

- Мне приятно ее слушать, - говорит доктор пул.

- Знаешь что, Альфи, - делает ее после перерыва - вы действительно очень удачливый человек.

- Повезло?

Лула подтверждает.

- Сначала ты выкопан (и я никогда этого не видел раньше) и теперь идет прямо к церемониям Очищение.

- Церемонии очищения?

- Да, завтра день Белиала… День Белиала-настаивает она на ответ на воздух тревожного непонимания в лице другого. — Не говори мне, что ты не знаешь, что происходит накануне Белиал.

Доктор пул качает головой.

- Но когда вы делаете свое очищение?

- Ну, мы делаем ванну каждый день, - говорит доктор. Пул, который только что снова заметил, что Лула это явно не так.

- Нет, нет, - нетерпеливо восклицает она. - Я говорю о Очищение породы.

- О Расе?

- Черт возьми, ваши священники не оставляют детей деформированные продолжают жить, не так ли?

Там тишина; доктор пул возражает другим вопросом.

- Здесь рождается много деформированных детей?

Она утвердительно кивает.

- С самого начала… с тех пор, как он стал командовать. - Она сделай знак рога. - Говорят, до этого не было никакой.

- Кто-нибудь говорил вам о воздействии молнии гамма?

- Гамма-лучи? Что это?

- Э. причина всех этих деформированных детей.

- Вы же не хотите предполагать, что это был не Белиал, не так ли? — Его тон вызывает возмущенное подозрение; она смотрит на него такими, какие они есть Домингос мог представить себе еретика-альбигойца.

— Нет, нет, конечно, нет, — спешит доктор пул гарантировать. - Он первопричина, это недооценено. — Левша и неловко, он делает знак рога. — Я это просто намекало на природу вторичных причин… жалость средства, которые он использовал, чтобы осуществить свое… их провиденциальные цели, вот что я имею в виду.

Его слова и, тем более, его благочестивый жест отталкивают недоверие к Луле. Ее физиономия проясняется; она направляет его самая очаровательная из их улыбок. Ямочки на их лицах они оживают, как пара маленьких тварей, которые несут временно тайное и автономное существование, независимо от остальной части лица Лулы. Доктор пул отвечает взаимностью улыбка, но почти мгновенно отводит взгляд, краснея, при этом, к корню волосков.

РАССКАЗЧИК

В результате огромного уважения к матери, наш бедный друг до сих пор, в 38 лет, целомудрие. В слишком проникнутый антиестественным благочестием, чтобы жениться, он прошел половина его жизни тайно горит. Считать что было бы кощунством пригласить добродетельную молодую даму делить свою кровать, он живет под панцирем респектабельности академик, палящий и скрытный мир, в котором фантазии эротика порождает мучительные угрызения совести и подростковый зуд они сталкиваются в постоянном конфликте с материнскими заповедями. Е теперь вот Лула-Лула без малейших претензий на культуру или хорошее образование, Loola au naturel, с ароматом мускус, который, хорошо заметив, обладает определенным качеством положительно соблазнительная. Неудивительно, что он краснеет и (против

воля, ибо она страстно желает продолжать созерцать ее) отведите взгляд.

Чтобы утешить, и в надежде на доступ смелости, он снова

прибегает к бутылке. Вдруг бульвар сужается, переход к простой тропе между двумя насыпями песка.

- Имейте доброту — - говорит доктор пул с месурой полированный.

Она улыбается в знак признания вежливости, которой в этом месте где стержни имеют приоритет, а сосуды сатанинского Духа они идут в тыл, она совсем непривычна.

Путешествие, с точки зрения доктора пула, к спине Лула. Нет, нет, нет, нет, нет, нет, шаг за шагом, в рябь чередование. Вырезать, возвращаясь к плоскости, близкой к Доктор пул, с неподвижными глазами, широко раскрытыми и лицом доктора пула еще один раз на спину Лулы.

РАССКАЗЧИК

И символ, внешний, видимый, осязаемый, своего собственного интимное сознание. Принципы, ведущие к лучшему на похоть, мать и шестая заповедь преобладают о своих фантазиях и фактах жизни.

Дюны уходят. Еще раз путь достаточно широкий, чтобы двое могли ходить рядом.

Доктор пул бросает мимолетный взгляд на лицо своей спутницы и видит его анувиденным выражением печали.

- Что это? - заботливый вопрос и с большой смелостью, добавляет: - Лула, - и держит ее за руку.

- Е. ужасно, - бормочет она тоном кроткого отчаяния.

- Что ужасно?

- Все. Вы не хотите думать об этих вещах; но ты одна из несчастных, она не может удержаться от размышлений. И это почти болеть. Думая и думая о ком-то, желая и желая. Е вы знаете, что не должны.

И она в ужасе от того, что они сделают, если узнают. Но вы бы отдали все на свете всего за пять минут, чтобы быть бесплатно в течение пяти минут. Но нет, нет, нет. И вы сжимаете ручки и

содержит;

и это как будто разбивается на куски. А потом, от внезапно, после всех этих страданий, внезапно… - Она не завершать.

- Вдруг что? - спроси доктора пула.

Она пристегивает к нему пронзительный взгляд, но видит только его лицо выражение искреннего непонимания невинного ума.

— Я не могу тебя понять, - наконец говорит она. — Быть правда, что ты сказал боссу? Что ты не священник?

В тот же момент она краснеет.

- Если ты мне не веришь — - повторяет доктор пул галантность происходит от вина-я готов попробовать его.

Она смотрит на него на мгновение, затем качает головой и, в каком-то ужасе, посмотри в другую сторону.

Нервно разглаживает фартук.

- Но ведь, - продолжает он, воодушевленный непредвиденным ее застенчивость — вы не объяснили мне, что происходит с внезапно.

Loola оглядывается вокруг, чтобы убедиться, что никто не слышит ее, а потом решается говорить, почти в шепот.

- Вдруг он овладевает всем миром.

В течение нескольких недель он заставляет нас думать об этих вещах, и это против закона это мерзость. Мужчины так злятся, что они начинают избивать нас и называть нас вазами, как священник.

- ВАЗа?

Она кивает.

- Сосуд сатанинского Духа.

- О, я понимаю.

— А потом наступает день Белиала — - продолжает она после момент. - А потом… ну, вы знаете, что это значит. Е

позже, если у нас есть ребенок, скорее всего, он наказывайте нас за то, что он сам заставил нас сделать. — Она вздрагивает и делает знак рога. - Я знаю что мы должны принять его волю, - добавляет он. - Но ах! я так надеюсь, что если у меня когда-нибудь появятся дети, они будут идеальными.

— Но, конечно, они будут идеальными, - кричит Доктор пул. — В конце концов, нет ничего плохого с вами.

Обрадованный собственной дерзостью, он опускает глаза для нее.

План близок с вашей точки зрения. Нет, Нет, Нет, Нет, Нет, Нет…

Безутешно Лула качает головой.

- Вот в чем ты ошибаешься, — говорит она. — У меня есть пара слишком много сосков.

- О! - восклицает доктор пул тоном, который дает нам осознание того, что воспоминание матери на мгновение нейтрализовало эффекты вина.

- Дело не в том, что в этом нет ничего плохого, - добавляет Лула быстро. - Даже у лучших есть. И совершенно законно. Быть допускается до трех пар. И до семи пальцев на руках или ногах. Кроме того, все они ликвидируются при очищении. Мой друг Полли…

в этом сезоне у нее родился ребенок. Ваш первый. И он родился с четырьмя парами и без больших пальцев. Для него нет спасения. Кстати, его уже осудили. Ей уже побрили голову.

- Они побрили голову?

- Они делают это со всеми девушками, чьи дети ликвидировать.

- Но почему?

Лула пожимает плечами.

- Просто чтобы напомнить им, что он враг.

РАССКАЗЧИК

” Чтобы выразить это”, как сказал Шредингер, “резко, хотя, возможно, немного наивно, пагубные последствия двоюродного брака в первая степень вполне может усугубляться тем, что ее бабушка служила в течение длительного периода, как молния медсестра-Х. Это не вопрос, который должен никого беспокоить индивидуально. Но любая возможность повлиять на вид человек с нежелательными скрытыми мутациями должен быть мотивом беспокойство для сообщества.“Должно быть; но, излишне говорить, что это не так. Окридж работает в три смены дневники; атомная электростанция строится на побережье Камберленд; и по ту сторону занавеса, только Бог знает, что будет делать .Капица на вершине горы Арарат, какие сюрпризы эта замечательная русская душа, о которой так писал Достоевский в лирическом плане он зарезервирован для русских тел и Туш капиталистов и социал-демократов.

Еще раз песок преграждает путь. Они проникают в другой извилистой тропе между дюнами, и они внезапно оказываются наедине, как в середине Сахары. Путешествие с точки зрения Доктор Пул. Нет, Нет, Нет, Нет… Лула останавливается и поворачивается к нему. Нет, Нет, Нет. Камера поднимается к ее лицу, и он замечает готов, что выражение его лица трагично.

РАССКАЗЧИК

Шестая заповедь, факты жизни. Но есть также еще один факт, на который нельзя реагировать простым ведомственное отрицание или не менее фрагментарное хвастовство чувственности — факт личности.

- Я не хочу, чтобы мне стригли волосы — - говорит она голосом задушить.

- Они этого не сделают.

- Идите, да.

- Они не могут, не должны. - А потом удивился перед сама смелость, добавляет он: - он слишком красив.

Все еще трагично, Лула качает головой.

- Я чувствую, - говорит она, - внутри себя. Я знаю, что у него будет более семи пальцев. Они убьют его, они постригут мне волосы, бичевать… и он заставляет нас делать эти вещи.

- Какие вещи?

На мгновение она смотрит на него, не разговаривая; затем с выражение почти ужаса, опусти глаза.

И потому что он хочет, чтобы мы были несчастными.

Закрыв лицо руками, развязывает рыдания бесконтрольно.

РАССКАЗЧИК

Вино внутри и снаружи мускусное предложение Из тех, кто так близок, теплый, напыщенный, зрелый. И почти съедобные факты жизни…

А теперь эти слезы, эти слезы…

Доктор пул обхватывает девушку руками и пока она рыдает на ее плече, обнимает ее волосы всем нежность нормального самца, который на мгновение стал.

- Не плачь, — шепчет он, - не плачь. Все закончится хорошо. Я я всегда буду рядом с тобой. Я не позволю им сделать это. никакого вреда.

Постепенно она позволяет себе утешаться. Икота уменьшается от насилие и, наконец, полностью прекращается.

Она поднимает глаза, и улыбка, которая направляет ее через слезы так однозначно любящий, что кто хочет тот, кто нет, доктор пул сразу принял бы приглашение. Секунда они проходят, и, пока он все еще колеблется, ее выражение лица меняется, она опусти ресницы над признанием, которое, как ты чувствуешь, внезапно стало слишком откровенен и уклоняется.

- Простите, - бормочет он и начинает тереть глаза тыльная сторона руки грязная, как у ребенка.

Доктор пул снимает шарф и нежно вытирает его слеза.

- Ты такой милый, - говорит она. - Совсем не похоже на люди отсюда.

Снова улыбнись ему. Как пара очаровательных маленькие звери, выходящие из укрытия, появляются ямочки. Столь импульсивно, что у него даже нет времени удивляться тому, что делает, доктор пул берет ее лицо между руками и целует ее на губах.

Лула сопротивляется на мгновение, а затем бросает себя в капитуляция настолько полная, что становится более активной, чем его нападение.

В саундтреке" Дай мне детумесценцию " модулируется в Либестод из Тристана.

Внезапно Лула становится цельной в дрожащей жесткости. И, отталкивая его, она смотрит ему в лицо, а затем поворачивается и он косо смотрит на него с выражением виноватого ужаса.

- Лула!

Он снова пытается заманить ее, но она отворачивается и уходит бегите по узкой тропе.

Нет, Нет, Нет, Нет, Нет, Нет…

Слияние на углу Пятой улицы с Першинг-сквер. Как и в прежние времена, площадь является центром культурной жизни города. От мелкого фонтана, Фронтера до филармонического зала, два женщины берут воду с мехом из козьей кожи, который они впадают в глиняные кувшины для других женщин, которые привести. Из бара, подвешенного между двумя фонарными столбами ржавый свисает туша только что забитого быка. В середине к облаку мух, человек, вооруженный ножом, убери внутренности.

- Это хорошо выглядит — - комментирует босс приятно.

Магареф усмехается и пальцами окровавленные, сделай знак рогов.

В нескольких метрах за ним видны коммунальные печи.

Босс приказывает громко и самодовольно принимает кусок из

свежеиспеченного хлеба. Пока он ест, десять или двенадцать мальчиков они выходят на сцену, шатаясь под огромными нагрузками топливо поступает из близлежащей Публичной библиотеки. Стреляют в на землю и, подстрекаемые ударами и проклятиями старшие, они снова бегут, чтобы получить больше. Один из пекарей открой дверцу печи и лопатой брось книги в огне.

Все академическое, библиофильское в Докторе пуле, восстает перед спектаклем.

- Но это ужас! - протестуй.

Босс просто смеется.

- Внутри Феноменология духа. Вне хлеб кукурузный. И это чертовски хороший хлеб.

Дайте ему новый укус.

Тем временем доктор пул наклонился и в шаге от уничтожение, уничтожение маленького и очаровательного в двенадцатиперстной кишке Шелли.

- Спасибо Д… - начинает он, но ради счастья помнит где он находится, и успевает вовремя остановиться.

Засовывает объем в карман и, обращаясь к боссу:

- А как же культура? — вопрос. - И социальное наследие человеческая мудрость так мучительно приобретена? И прекрасный цветок мысль? Е…

- Они не умеют читать, - с полным ртом реплицирует начальник. — То есть, это не совсем так. Мы учим всех читать это.

Он указывает. Средний план с вашей точки зрения для Loola — Лула с ямочками и всем остальным, но также и с большим Не красный на фартуке и два меньших нет на груди рубашка.

- Это все, что им нужно знать. А теперь-приказывает к зарядным устройствам-нажмите вперед.

Travelling подстилки, которая пересекает вход без двери который когда-то был кафе Билтмор.

Здесь, в вонючей полутени, двадцать или тридцать женщин, некоторые среднего возраста, другие молодые, некоторые не более девушек, они кропотливо ткут в примитивные прялки, которые носят индейцы Центральной Америки.

- Ни один из этих сосудов не родил в этом сезоне — Босс объясняет доктору пулу. Он хмурится и качается голова. - Когда они не производят монстров, они бесплодны. Как мы устроимся с рабочей силой, знает только Белиал…

Они идут в кафе, проходят через группу дети трех и четырех лет, за которыми наблюдает пожилой сосуд раздвоенное небо и четырнадцать пальцев, и они останавливаются в промежутке дуги, которая это дает вам доступ ко второму ресторану, немного меньшему, чем первое.

За пределами сцены слышен звук хора голосов несовершеннолетние, произносящие в унисон начальные фразы малыша Катехизис.

“Вопрос: какова изначальная цель человека?

Ответ: изначальная цель человека-служить Белиалу, колдовать Ваша вражда и избежать разрушения так долго, как возможный.”

Переход к близкому плану доктора пула, чье лицо он выражает изумление, смешанное с растущим ужасом. Затем один общий план с вашей точки зрения.

В пяти рядах по двенадцать шестьдесят мальчиков и девочек среди тринадцать и пятнадцать лет находятся в жесткой позиции чувство, включающее как можно быстрее пронзительный и диссонирующая ladения. Перед ними, на возвышении, сидит невысокий толстый мужчина в длинном халате из белой и черной козьей кожи и меховой шапочки с кожаный клапан, к которому были прикреплены два рога размером средний. Голое и болезненное, лицо сияет с потоотделением обильная, которую он вытирает каждый миг своим волосатым рукавом ряса.

Вырезать, возвращаясь к боссу, который наклоняется и касается плеча доктора пула.

- Тот, - шепчет, - наш главный научный практик Сатанинский. Знайте, что он Кобра в магнетизме Злое Животное.

Из-за пределов сцены слышен бессознательный папагуар из дети.

“Вопрос: к какой цели предопределен человек?

Ответ: Белиал, своему бел-пра 2 Эр, от вечности избрал те, кто живет в настоящем для вечной гибели.”

- Почему он носит рога? - вы хотите знать доктора пула.

- Он архимандрит, - уточняет вождь.

- Вы получите свой третий Рог в любое время.

Отрежьте до средней плоскости каркаса.

- Отлично, - говорит практикующий сатанинскую науку с его высоким шипящим голосом, похожим на голос мальчика необыкновенно педантичный и полный себя. - Отлично! — Он вытри лоб. -А теперь скажите, почему вы заслуживаете вечная гибель.

Наступает сиюминутная тишина. Затем в хоре, который начинается наполовину загроможден, но вскоре вырастает до шумного. единодушно, дети отвечают.

- Белиал извращал и развращал нас во всех частях нашего быть. Поэтому мы пошли только на счет этой коррупции, заслуженно осуждены Белиалом.

Мастер кивает на его одобрение.

- Тал-визжит неприметно - это непостижимая справедливость Повелитель мух.

- Аминь — - отвечают дети. Все делают знак рогоносец.

- А какие обязанности по отношению к ближнему?

- Мой долг перед моим ближним — приходит ответ Корал-это стараться изо всех сил, чтобы он не сделал меня что я хотел бы сделать с ним; подчиниться всем моим правители; сохранить мое тело в абсолютном целомудрии, за исключением двух недель, следующих за днем Белиала; и

исполни свой долг в этом жизненном состоянии, к которому пров

Белиал осудить меня.

- Что такое Церковь?

- Церковь-это тело, главой которого является Белиал, и все владения-это члены.

- Очень хорошо, - говорит практикующий, вытирая лицо больше раз. - А теперь мне нужна молодая ВАЗа.

Он пробегает взглядом по рядам студентов, затем указывает на

палец.

- Ты там. Третий слева во втором ряду. ВАЗа желтые волосы. Иди сюда.

Вырезать, возвращаясь к группе, которая окружает подстилку.

Грузоотправители широко улыбаются в радостном ожидание. Интенсивно красные, влажные и мясистые среди черные кольца от усов и бороды, вплоть до бреда босса кланяйтесь улыбкой. Но на лице Лулы нет улыбки. Бледная, ее рука на губах, ее глаза открыты и истощены, она наблюдает за приготовлениями с ужасом тех, кто прошел через такое же испытание. Доктор пул косо смотрит на нее после новое для жертвы, которую мы видим сейчас, с ее точки зрения, медленно продвигаясь к помосту.

- Залезай сюда, - визжит почти детский голос по тону авторитарный. - Рядом со мной. Теперь повернитесь к классу.

Ребенок делает то, что ему говорят.

Близкая половина пятнадцатилетней девочки, высокая и стройная, с лицом скандинавской Мадонны.

Нет, провозглашает фартук, прикрепленный к поясу рваных брюк; Нет, нет, нашивки на груди на пуговицах.

Практикующий обвинительно указывает.

- Посмотрите на это — - говорит он, морщась в гримасе отвращение. - Вы видели что-нибудь более отвратительное?

Он поворачивается к классу.

- Ребятишки. - Кто из вас чувствует любой Злой животный

магнетизм, исходящий из этого сосуда, поднимите руку.

Вырезать для общего плана класса. Все без исключения мальчики с поднятыми руками. Физиономии имеют это выражение похотливых и злонамеренных весело, что православные они всегда показывают, пока их духовные пастыри мучают ли потомственные козлы отпущения или даже больше сурово наказывают еретиков, угрожающих интересам Заведение.

Вырезать для практикующего. Он лицемерно вздыхает и меняет голова.

- Это то, чего я боялся — - говорит он. Затем он поворачивается к Мисси рядом с вами на помосте. - А теперь скажи мне, что такое Природа женщины?

- Природа женщины? - повторяй девочку, шатаясь.

- Да, природа женщины. Давай быстрее!

Она смотрит на него с ужасным выражением в голубых глазах, потом отворачивайся. Его лицо становится смертельно бледным. Эй губы дрожат; она глотает с усилием.

- Женщина-начинает-женщина…

Голос ломается, глаза наполняются слезами; в отчаянные усилия, чтобы контролировать чувства, она сжимает кулаки и кусает губу.

- Продолжай! - пронзительно ревет практикующий. Е, поднимая с земли ивовую палку, прикладывает сильный вергастада на животах голых ног ребенка. - Продолжай!

- Женщина, - снова начинает девочка, - это ваза сатанинского Духа, источника всех уродств, А… а… ой!

Она съеживается под новым ударом.

Практик науки смеется, и весь класс сопровождает его.

— Враг… - он помогает.

- Ах да, враг расы, наказанный Белиалом и заманивающий наказание за всех, кто уступает Белиалу в ней.

Следует долгое молчание.

- Ну, - напоследок говорит практикующий, - вот кто ты. Это это то, что все сосуды. А теперь иди, иди! - он Гейн, и с яростью внезапно он снова начинает ее избивать.

Крича от боли, ребенок спрыгивает с помоста и снова бежит за свое место в рядах.

Вырезать, возвращаясь к боссу. У этого нахмурился лоб на выражение неудовольствия.

- Moderna Education! - расскажи доктору пулу. — Больше нет дисциплины. Я не знаю, где мы остановимся. Потому что смотри, когда я был мальчиком, наш старый практикующий использовал свяжите их на скамейке и заставьте работать березовую палку. “Это научит тебя быть сосудом”, - говорил он, и лепт, лепт, лепт! Белиал, как они кричали! Это то, что я называю образованием. Ну, хватит, - заканчивает он. - Быстро, марш!

В то время как подстилка выходит из сцены, камера останавливается о Луле, который позволил себе созерцать, в агонии солидарность, мокрое от слез лицо и трясущиеся плечи за рыдания от погони на потерпевшего во втором ряду. Рука касается-его рука.

Она вздрагивает, встревоженно поворачивается и с облегчением находит свое лицо добрый доктор пул.

— Я с тобой полностью согласен, - шепчет он. — Быть неправильно, это несправедливо.

Только после того, как вы бросили быстрый взгляд через плечо, Лула решается направить его с легкой улыбкой благодарности.

- Теперь нам нужно идти, - говорит она.

Они спешат следовать за остальными. Сопровождение носилки, они возвращаются через кафе, а затем они разбиваются справа и входят в барный зал.

На одном из концов пьесы куча человеческих костей он поднимается почти до синицы. На полу, на толстый слой белого порошка, группа ремесленников занимается моделировать чаши

черепов, иглы для плетения локтей, флейты и самые длинные голени Пикколо, ложки, рожки для обуви и камни из тазового домино, из бедренной кости.

Высокий командует, и в то время как один из рабочих играет “Дай мне детумесценцию” на большеберцовой флейте другой дарит Босс с превосходным воротником градуированных позвонков, начиная

по размеру от шейных отделов ребенка на коленях до поясничные мышцы борца в супертяжелом весе.

РАССКАЗЧИК

“И Господь низложил меня посреди долины, которая была полна кости; и вот, они были очень сухими.“Сухие кости некоторые из тех, кто погиб тысячами, миллионами, на курсе из тех трех светлых летних дней, которые принадлежат вам еще в будущее. “И он сказал мне: Сын Человеческий! кости живут?“Ответ, говорю я, отрицательный. Ибо даже если Варух мог спасти нас (возможно) от того, чтобы занять наши места в таком склепе он ничего не может сделать, чтобы предотвратить это еще одна смерть, более медленная и отвратительная…

Путешествие от подстилки, загружаемой по лестнице в главный вестибюль. Здесь зловоние невыносимо, грязь неописуемый. На переднем плане две полевки грызут кость от барана, от мух на гнойных веках маленькая девочка. Камера отступает, чтобы охватить большее поле. Сорок или пятьдесят женщин, половина из них с головами выбритые, они сидят на ступеньках, среди мусора, который покрывает пол, на разрушенных остатках старых кроватей и диванов. У каждого из них на коленях ребенок, у всех детей есть десять недель, и все они принадлежат матерям стриженые калеки. На переднем плане маленьких лица с заячьими губами, крошечные стволы с пнями на место ног и рук, маленькие ручки с ручками пальцев нештатные, маленькие тела, украшенные двойным ряд сосков, слышен голос рассказчика.

РАССКАЗЧИК

Ибо эта другая смерть-не от чумы, на этот раз, не от яд не огнем, не искусственно произведенным раком.

но убогим распадом самой субстанции вида

- эта ужасная и бесконечно негероическая смерть при рождении может быть продуктом атомной промышленности так же, как и войны атомный. В мире, движимом ядерным делением, бабушка каждый из них был бы рентгеновской техникой. и не только бабушка каждый - но в равной степени дедушка, отец, мать, все предки до трех, четырех и пяти поколений тех, кто ненавидит меня.

От последнего из бесформенных детей камера возвращается к доктору. Пул, который с шарфом на носу все еще слишком чувствителен, он с ужасом недоумением смотрит на сцену, которая его окружает.

- Кажется, что все дети одного возраста — наблюдает, как он поворачивается к Луле, которая все еще сопровождает его.

- Что ты хотел? Если практически все они родились с десяти по семнадцать декабря.

- Но тогда это значит, что… - Он прерывает себя, глубоко смущен.
- Кажется — - поспешно заключает он

- что здесь все немного иначе, чем в Новой Зеландия…

Несмотря на вино, он вспоминает седую мать с другой стороны из Тихого океана и, краснея от стыда, кашляет и отводит глаза.

- Вот и Полли, - восклицает ее напарница и выбегает через салон.

Бормоча оправдания, пробираясь сквозь сидящие на корточках или сидящие на корточках матери, доктор пул идет за вами.

Полли сидит на сумке, полной соломы, рядом с который когда-то был кассиром. И восемнадцатилетняя Мисси или девятнадцать лет, маленький и хрупкий, в конечном итоге побрился, как у одного преступник готов к казни. У него есть лицо, красота которого это все в нежных костях и больших светящихся глазах. Е с выражением трагической беспомощности, что эти глаза они поднимаются к лицу Лулы и проходят мимо, без любопытства, почти без понимания, к незнакомцу, который сопровождает ее.

- Милая!

Лула наклоняется, чтобы поцеловать подругу. Нет, нет, с точки зрения вид доктора пула. Затем он садится рядом с Полли и передает ее в я делаю утешительную руку.

Полли прячет лицо к плечу другой, и обе они начинают плакать. Как будто он заразился своими страданиями, маленький монстр в объятиях Полли пробуждается и испускает тонкий и жалкий бродяга. Полли поднимает голову с плеча подруги и с мокрым от слез лицом опускает глаза на затем бесформенный маленький ребенок расстегивает рубашку и отталкивает из воплощенных нет, отдай ему грудь. С почти бешеной жадностью, ребенок начинает сосать.

- Я люблю его, - рыдает Полли. - Я не хочу, чтобы его убивали.

- Дорогая , - это все, что Лула находит, чтобы сказать. - Милая!

Сильный голос прерывает ее.

- Тише, тише!

Другие голоса присоединяется к припеву.

- Тише!

— Молчание

- Тише, тише!

В вестибюле весь разговор резко прекращается и следует-если долго и меняется ожидание. Так звучит Рог и еще один из тех странных голосов'детский ум, но полный важность объявляет:

“Его Высокопреосвященство, Архивигарий Белиала, Владыка Земли, Примас Калифорнии, слуга пролетариата, епископ Голливуд”.

Общий план главной лестницы отеля. Участвует в длинная туника из шкур англонубских коз и принося на голову Золотая корона с четырьмя длинными заостренными рогами, Архивигарий величественно спускается. A acolito sustém большой кожаный паллиум над его головой, и он заставляет себя следовать двадцать или тридцать церковных сановников, различающихся по иерархии от трехрогих патриархов до единорогов-старейшин и

постулаты без рогов. Все они, от архива вниз.

они явно безбородые, потные и прикованные к инвалидной коляске, и когда кто из них говорит, тот всегда в афлаутированном контральто.

Босс встает со своей подстилки и идет навстречу воплощение духовной власти.

РАССКАЗЧИК

Церковь и государство,

Жадность и Одио: —

Два Обезьяньих Человека В одной высшей горилле.

Босс уважительно наклоняет голову. Архивариус поднеси руки к своей тиаре, прикоснись к двум предыдущим рогам, затем прижмите духовно заряженные кончики пальцев ко лбу от босса.

- Ты никогда не будешь пронзен их рогами.

- Аминь, - отвечает начальник; затем, выпрямляясь и изменение преданного тона на рискованно функциональный: - все готовы к ночи? — вопрос.

С голосом десятилетнего мальчика, но с привередливая и многосложная непристойность церковного ветерана, давно привыкший играть роль высшего существа помимо других и выше своих собратьев, архивариус он сообщает, что все в порядке. Под личным контролем инквизитор трикорн и патриарх Пасадены, преданный группа членов семьи и послушников путешествовала из деревни в деревню, проведение ежегодной переписи. Каждая мать монстра была отметить. Головы были побриты, и предварительная порка администрировать. К этому времени все виновные были транспортируется в один или другой из трех центров очистки в Риверсайде, Сан-Диего и Лос-Анджелесе. Ножи и рубцы освященные были конфискованы, и, если пожелает Белиал, церемонии они начнутся в назначенное время. Перед восходом солнца очищение территория должна быть полной.

Еще раз архивист делает знак рога, затем он остается на несколько секунд в собранной тишине. Открывать вновь глаза поворачиваются к церковникам свиты.

- Иди за стрижками, - хрюкает он. - Принеси эти испорченные сосуды, эти живые свидетельства вражды Белиал, и ты бы направился к месту! его позор.

Десяток старейшин и послушников спускаются быстро ступеньки и направляются к мамочкам-маготам.

- Быстрее, быстрее!

- От имени Белиала.

Медленно и неохотно стриженые женщины получают нога. С ее крошечными узкими тюками уродства встреча с грудями, набитыми молоком, они идут к двери, в тишине, более наполненной тревогой, чем любая сетование.

Средний план Полли на ее соломенной сумке. Один молодой послушник подходит и заставляет ее встать с жестокий рывок.

- Встань! - ревет он голосом злобного ребенка и бешеный. - Встань на ноги, ублюдок!

И дай ему пощечину. Уклонение в секунду удар, Полли почти бежит, чтобы встретиться с другими жертвами вместе у входной двери.

Слияние в ночное небо со звездами между узкие полосы облаков и убывающая Луна уже низко на Западе. Наступает долгая тишина; затем человек начинает слышать звук далекое пение. Постепенно он формулируется в словах “Слава Белиалу, Белиалу в глубине”, непрестанно повторять.

РАССКАЗЧИК

В пяди глаз черная лапа обезьяны Затмевает луну, звезды и даже Само пространство. Пять вонючих пальцев

Это весь мир.

Силуэт руки бабуина продвигается к камере, он становится все более и более угрожающим и, наконец, поглощает все в тьма.

Вырезать для интерьера Лос-Анджелес Колизей. Свет дымный и мерцающий факел, вы видите лица большая толпа. Ряд за рядом, какая масса горгульи, извергая бессмысленную веру, нечеловеческое возбуждение, глупость, коллективные, которые являются продуктами ритуальной религии-выплескивая их из черные сиськи, свободные ноздри, полуоткрытые губы, в то время как Песнь продолжается монотонно: “Gloria A Belial, a Белиал в глубине”. Внизу, на арене, сотни стригущие девушки и женщины, каждый со своим маленьким монстр на руках, они стоят на коленях перед ступеньками главный алтарь. Ужасные в своих англонубских меховых ризах, в его диадемы из золотых рогов, патриархов и архимандритов, старейшины и послушники собираются в две группы на вершине ступеньки алтаря, антифонно Поющие в пронзительном резком, в сопровождении музыки костяных пикколо и барабана ксилофоны.

ПОЛУКОРО I

Слава Белиалу,

ПОЛУКОРО II Белиал в глубине!

Затем, после паузы, песня песнопения меняется, и начинается новый этап ремесла.

ПОЛУКОРО I

Это ужасная вещь,

ПОЛУКОРО II

Ужасный, ужасный,

ПОЛУКОРО I

Упасть в руки,

ПОЛУКОРО II В ужасных волосатых руках, ПОЛУКОРО I В руках живого демона,

ПОЛУКОРО II

Аллилуйя!

ПОЛУКОРО I

В руках врага Человека, ПОЛУКОРО II Наши веселые спутницы;

ПОЛУКОРО I

Бунтарь против порядка вещей

ПОЛУКОРО II

С кем, против нас самих, мы сговорились; ПОЛУКОРО I

Из большой мухи, которая является Повелителем мух,, ПОЛУКОРО II Ползет в сердце,;

ПОЛУКОРО I

От голого червя, который не погибает.,

ПОЛУКОРО II

И, будучи нетленным, это источник нашей вечной жизни
ПОЛУКОРО I

Принца Воздушных Сил —

ПОЛУКОРО II

Спитфайр и штука, Вельзевул и Азазель, Аллилуйя!

ПОЛУКОРО I От Господа этого мира;

ПОЛУКОРО II

И его коррумпатор;

ПОЛУКОРО I

Великого Бога-сорванца,

ПОЛУКОРО II Покровитель всех народов:

ПОЛУКОРО I Мамон наш мастер,

ПОЛУКОРО II

Вездесущий;

ПОЛУКОРО I Люцифера всесильный,

ПОЛУКОРО II В церкви, в государстве;

ПОЛУКОРО I

Белиал,

ПОЛУКОРО II

Трансцендентный,

ПОЛУКОРО I

Но, о! как имманентно,

ВСЕ ВМЕСТЕ Белиал, Белиал, Белиал, Белиал.

Когда хор гаснет, два послушника без рогов спускаются, хватают ближайшую из выбритых женщин, кладут ее. стоя и таща, он меняется от ужаса, по ступеням алтаря выше, где находится патриарх Пасадены, заточив лезвие из длинного ножа мясника. Коренастый мексиканская мама получает мирало с очарованным ужасом, зияющий. Затем один из постулаты вырывают ребенка из рук и поднимают его перед собой. Патриарх.

Близкий план продукта, характерного для технологии прогрессивный-монголоидный идиот с заячьей губой. Извне из сцены слышны вазы хора.

ПОЛУКОРО I

Я показываю вам знак вражды Белиала,

ПОЛУКОРО II Гниль, гниль;

ПОЛУКОРО I

Я покажу вам плод благодати Белиала,

ПОЛУКОРО II Грязь вливается в грязь.

ПОЛУКОРО I

Я показываю вам жалость за послушание вашей воле,

ПОЛУКОРО II

Так на Земле, как в аду.

ПОЛУКОРО I

Что является источником всех уродств? ПОЛУКОРО II

мать.

ПОЛУКОРО I

Какой избранный сосуд нечестия?

ПОЛУКОРО II

мать.

ПОЛУКОРО I

И проклятие, которое давит на нашу расу? ПОЛУКОРО II

мать.

SEMICDRO I

Одержимый, одержимый,

ПОЛУКОРО II

Внутренне, внешне ;

ПОЛУКОРО I

Его инкубирует объект, его субъект суккуб ПОЛУКОРО II И они оба Белиал;

ПОЛУКОРО I Одержимый мясной лавкой,,

ПОЛУКОРО II Ползучий, резкий,

ПОЛУКОРО I

Одержимый тем, что неотразимо ПОЛУКОРО II Подстрекает, ведет

ПОЛУКОРО I Как противная ласка,

ПОЛУКОРО II

Как свиноматку в жару,

ПОЛУКОРО I

На дно угля,

ПОЛУКОРО II Для невыразимой грязи

ПОЛУКОРО I Откуда после долгого валяния, ПОЛУКОРО II

После долгих затяжек шквала, ПОЛУКОРО I

Мать, появляющаяся девять месяцев спустя, ПОЛУКОРО II

Остановите эту чудовищную карикатуру на человека.

ПОЛУКОРО I Как же будет искупление?

ПОЛУКОРО II

По крови.

ПОЛУКОРО I

Как будет Умилостивлен Белиал?

ПОЛУКОРО II Только кровью.

Камера движется от алтаря туда, где, ряд за ряд, горгульи смотрят, в предвкушении, на сцена, которая разворачивается внизу.

И внезапно лица открывают свои черные рты и начинают петь в унисон, сначала колеблясь, потом благополучно увеличение и увеличение объема.

- Кровь, Кровь, Кровь, Кровь, Кровь, Кровь, Кровь, кровь, кровь…

Вырезать, возвращаясь к алтарю. Звук глупой кантилены, недочеловек, он монотонно остается вне сцены.

Патриарх передает свой точильный камень одному из архимандриты-помощники, затем левой рукой приостанавливает по шее деформируется ребенок и протыкает его ножом. Она он выпаливает два или три слабых крика и молчит.

Патриарх вольтаз, пусть кровь проливается над алтарем, а затем бросает крошечный труп в темноту, фон. Ladения превращается в дикое крещендо. “Кровь, кровь, Кровь, Кровь, Кровь, Кровь,

Кровь… ”

- Увезите ее отсюда! - кричит патриарх в писк команда.

В ужасе мать поворачивается спиной и бросается на ступеньки вниз. Послушники следуют за ней, жестоко избивая ее их освященные вереницы. Пение перемежается криками жгучие. От помощи поднимается слух, который наполовину стонет, от сочувствия, от ворчания удовольствия. Красные и один немного задыхаясь от такого отвратительно жестокого упражнения, молодые толстые постулаты хватают другую женщину-девушку на этот раз стройная и хрупкая, почти ребенок. Его лицо не

видно, как они тащат ее по ступенькам. После одного из них немного отступи, и мы узнаем Полли.

Без больших пальцев, с восемью сиськами, ребенок приостанавливается перед патриархом.

ПОЛУКОРО I

Гниль, гниль! Как будет искупление? ПОЛУКОРО II

По крови.

ПОЛУКОРО I

Как будет Умилостивлен Белиал?

На этот раз отвечает вся община. “Только кровью, кровью, кровью, кровью…”

Левая рука патриарха закрывается на шее инфант.

- Нет, нет, не делай этого! Пожалуйста!

Полли делает шаг к нему, но ее останавливают постуланты. Очень сознательно, когда она рыдает, патриарх пересекает ребенка на ноже, затем бросает тело в безвестность за алтарем.

Слышен пронзительный крик. Вырезать до плоской середины рядом с доктором пулом. Заметный на своем месте первого очередь, он потерял рассудок.

Слияние внутри скинии Белиала.

Святилище, расположенное на одном из концов малой оси Арена, со стороны главного алтаря, представляет собой небольшой продолговатый кусок глинобитные кирпичи с алтарем на одном конце и на другая, раздвижные двери, в настоящее время закрыты, за исключением одной nesga в центре, через который можно увидеть, что происходит в

арена. На кровати в центре часовни лежит Архивариус. Не далеко, послушник без рогов жареный ноги свиньи на угольной жаровне, а рядом с ней архимандрит двурогий пытается заставить доктора прийти в себя. Пул, который лежит неодушевленным на падиоле. Холодная вода и два или три сильных пощечины в конечном итоге дают желаемый эффект. О ботаник вздыхает, открывает глаза, защищает себя от новой пощечины и садись.

- Где я? - спроси его.

- В скинии Белиала, - отвечает архимандрит, - и вот Его Высокопреосвященство.

Доктор пул узнает великого человека и имеет присутствие дух достаточно, чтобы почтительно наклонить голову.

- Принесите табуретку — - командует архивариус.

Табуретка принесена. Он машет доктору пулу, который встает с усилием, немного шатается по комнате и сядь. В то же время пронзительный крик заставляет ее вернуться к голова.

Общий план с вашей точки зрения, для главного алтаря. О патриарх замечен в акте броска еще одного маленького монстра в темноте, в то время как его помощники обрушиваются на мама кричит.

Вырезать, возвращаясь к доктору пулу, который вздрагивает и закрывает лицо своими руками. Из-за пределов сцены слышен монотонный пение конгрегация. “Кровь, кровь, кровь.”

- Ужасно! - восклицает доктор пул. - Ужасно!

- И все же в вашей религии тоже есть кровь — - отмечает он архивист, иронично улыбаясь. - “Промытый кровью Агнец.“Разве это не так?

- Без сомнения — - признается доктор пул. - Но мы не мы действительно практикуем стирку. Мы просто говорим о ней, или, чаще петь ее в гимнах.

Доктор пул отводит взгляд. Там тишина. Сейчас послушник подходит с большим подносом и парой бутылки, которые он кладет на стол у кровати. Уколоть

одна из свиных ног с подлинно древней подделкой двадцатый век грузинской развилки, архивариус стоит на жевать.

- Помоги себе — - визжит он между двумя зубцами.

- А тут у нас вино, - добавляет он, указывая на одну из бутылок.

Доктор пул, который считает себя голодным до крайности, подчиняется алакрития, и следует новая тишина, нарушенная только шумом от жевания и пения крови.

- Ты, естественно, не веришь — - говорит Наконец архивист, с полным ртом.

- Уверяю вас… - протестует доктор пул.

Их рвение в соответствовать чрезмерно, и другое поднимает пухлая, пухлая рука.

- Так, так, так! Но я хочу показать вам, что мы у нас есть веские основания верить в то, во что мы верим. Наша, мой друг, это рациональная и реалистичная Вера. - Он перерыв когда он делает глоток из бутылки и наливает себе еще одну ногу свинья. - Полагаю, вы хорошо знаете универсальную историю?

- Чисто как дилетант, - отвечает доктор пул скромность. Но он считает, что может утверждать, что прочитал большую часть более очевидные книги по теме

- Экспансия и вымирание России, например; крах западной цивилизации, Базедова; неподражаемая работа Брайт, Европа,

вскрытие; и, само собой разумеется, это восхитительная история, хотя и простая новелла, правда: последние дни Кони-Айленда старый Персиваль Потт.

Вы знаете ее, верно?

Архивист качает головой.

- Я ничего не знаю о том, что было опубликовано после Вещь, - сухо отвечает.

- Какая глупость моя! - восклицает доктор пул, оплакивая, как это часто бывает в прошлом, эту болтливость многословным, с которым он супер-компенсирует застенчивость, которая, с другой стороны, это почти сведет его к мутизму.

- Но я прочитал кое-что из того, что было написано раньше. Архивист продолжается. - Были довольно хорошие библиотеки здесь, в Южной Калифорнии. Потребляется сейчас по большей части. Узел в будущем, боюсь, нам придется идти дальше, чтобы получить наше топливо. Но так далеко мы пришли, чтобы испечь наш хлеб и я все еще нашел способ сохранить три или четыре тысячи томов для наш семинар.

- Как Церковь в темные века, - комментирует доктор. Пул, с эрудированным энтузиазмом. - У цивилизации нет лучшего защитником этой религии. Это то, что мои друзья-агностики никогда… - Внезапно вспоминая, что догмы этой Церковь не была хорошо исповедуемой этим, он сдерживается, и для скрыть смущение, потягивает длинный козел из бутылки.

Но, к счастью, архивариус слишком поглощен ваши собственные идеи, чтобы обидеть себя, как faux pas или даже заметьте это.

- История, из того, что я читал, - продолжает он, - подводит итог-если в этом: человек борется против природы, эго против природы Порядок вещей, Белиал (перфункторный знак рогов) против другого. В течение ста тысяч лет, чуть более или менее, битва остается нерешительной. Три столетия назад почти ночь в день, прилив начинает катиться непрерывно в одно направление. Возьми еще одну из этих свиных лапок, не так ли?

Доктор пул обслуживает своего второго, в то время как другой нападает на третьего.

- Сначала медленно, затем с подавляющим импульсом, человек бросается против порядка вещей. - Архивариус делает паузу, чтобы выплюнуть кусок хряща. — С постоянно увеличивающиеся участки человеческого вида, сжимающие ряды за вами Повелитель мух, который также является мух в сердце каждого человека, открывает свой триумфальный марш через мира, который очень готов стать сувереном бесспорно.

Тащили ее собственное пронзительное красноречие и забытый момент, которого нет на кафедре Святого

A2a2el, архивариус fa2 широкий жест. Свинья нога прыгает с вилка. С юмористическим смехом за свой счет он возьми его с земли, потри его о рукав своего козьего баландрау. Дай ему еще один укус и продолжай.

- Началось с машин, и с первых кораблей зерновые Нового Света. Еда для голодных и нагрузка снято с мужских плеч. “Бог, мы сдадим тебя спасибо за все благословения, которые в твоем щедрости… “etcétera, и так далее. - Архивист смеется с насмешкой. - Excused dÍ2er que никто никогда ничего не получает взамен. Дар Бог имеет свою цену, и Белиал всегда принимает его провидения чтобы он хорошо засолился. Рассмотрим такие машины, для пример. Белиал прекрасно знал, что, найдя небольшое облегчение от усталости работы, плоть станет подчиненная железу, а разум-рабыня колес. Он знал, что, если машина защищена от ошибок, она также обязательно доказательство опыта, доказательство таланта, доказательство вдохновения. Ваш возврат денег, если продукт является дефицитным, и возвращен в двойной, если в нем найдена малейшая черта гения или индивидуальность! А потом пришла эта хорошая еда из Нового Мир. “Боже, мы благодарим тебя…“Но Белиал знал какой корм хочет dÍ2er умножение. В былые времена, когда люди практиковали любовь, они только повысить уровень младенческой смертности и снизить шансы жизненный. Но после прибытия кораблей с продуктами было различный. Совокупление привело к населению, в дополнение ко всему ожидание! Еще раз архивист отпускает свой пронзительный смех.

Слияние в розетку, через микроскоп мощный спермато2oid отчаянно борется за достичь своей конечной цели, огромного яйца, похожего на Луна, в верхнем левом углу клинка. В звуковом треке слышит-если vo2 тенора в последней части Симфонии

Фауста Lis2t: La femme éternelle toujours nous élève, la femme éternelle ту журс… Разрез для аэрофотоснимка Лондона в 1800-х годах . В затем снова идет дарвиновская гонка за выживание и

самосохранение. Затем для вида на Лондон в 1900 году-и снова для спермы - и снова для Лондона, как это видели немецкие летчики в 1940 году. Слияние для плана рядом с архивариусом.

- “Бог”, - произносит он легким дрожащим умом голосом который всегда считается подходящим для таких призывов — ” мы тебя мы благодарим всех этих бессмертных душ.” — После, изменение тона:

- Эти бессмертные души, — продолжает он, - размещены в телах, которые они становятся все более и более болезненными, более рваными, более зудящими., из года в год, как и все вещи, предсказанные Белиалом в конечном итоге они неизбежно преуспевают. Перенаселение планета. Пятьсот, восемьсот, иногда две тысячи человек квадратная миля продуктивной земли - и земля на пути погубить себя из-за плохого выращивания. Всюду эрозия, всюду часть потери минеральных солей. И пустыни расползаются, леса убывают. Даже в Америке, даже в этом Новый мир, который когда-то был надеждой старого. Вверх растет спираль индустрии, вниз спираль рождаемости почва. Больше и лучше, богаче и могущественнее, а затем, почти внезапно все больше и больше голодали. Да, Белиал все предсказал это-переход от голода к импортным продуктам, от еда импортированная к демографическому взрыву и взрыву демографические снова к голоду. Опять голод. Новый Голод, Великий Голод, Голод огромных пролетариатов промышленно развитые, голодные жители городов с деньгами, со всеми современными коммунальными услугами, с автомобилями и радиоприемниками Moderna все мыслимые хитрости, голод, который является причиной тотальные войны и тотальные войны, которые являются причиной большего голода еще.

Архивариус прерывается, чтобы сделать еще один глоток бутылка.

- И примите к сведению — - собирает потом. - Даже без синтетического Мормо, даже без атомной бомбы Белиал осуществил бы все Ваши цели. Возможно, немного дольше, но

не менее смертельный разум, люди были бы уничтожены в уничтожить мир, в котором они жили. Спасения не было. Он у него были кончики двух рогов. Если бы они сошли с рук рогоносец тотальной войны, они будут пронзены голодом. Е, голодные, у них возникнет соблазн прибегнуть к войне. И даже если, возможно, они пытались найти мирную и разумную среду чтобы выйти из дилеммы, у него был еще один рогоносец, более тонкий, самоуничтожение, готов принять их. С самого начала промышленная революция, он предсказал, что люди станут такими самонадеянные и высокомерные перед чудесами своих технологий, которые вскоре они потеряют всякое чувство реальности. И это было именно что случилось. Эти жалкие колесные и книжные рабы Бухгалтерский учет начали хвастаться тем, что они завоеватели. от природы. Покорители природы, да! Что они они, конечно, нарушили равновесие природы, и они были в процессе страданий от последствий. Подумайте немного о что они делали в течение полутора веков до этого. Загрязнение рек, уничтожение диких животных, уничтожение леса, сметая перегной в море, сжигая океан нефти, разбазаривание минералов, которые потребовались все геологическое время для депозита. Оргия преступная глупость. И это они называли прогрессом. Прогресс, - повторяет он. - Прогресс!

Поверьте мне, это было слишком невероятное изобретение быть продуктом любого чисто человеческого мозга. Слишком дьявольски иронично! Должна была быть помощь Внешний вид для этого. Должна была существовать благодать Белиала, которая, конечно, это всегда в пределах досягаемости; то есть для тех, кто будьте готовы сотрудничать с ней. А кто нет?

- А кто нет? - повторяет доктор пул с хихиканьем потому что он чувствует, что должен каким-то образом думать о своем неправильное представление о Церкви в темные века.

- Прогресс и национализм: это были две великие идеи, которые он привил им в головы.

Прогресс: теория, что вы можете получить что-то взамен добро пожаловать; теория, что вы можете зарабатывать на земле, не платя для вашей выгоды в другом; теория, что только вы понимаете значение истории; теория, что вы знаете, что

происходит это произойдет через пятьдесят лет; теория о том, что в отличие от весь опыт, вы можете предсказать все последствия его нынешние действия; теория о том, что утопия лежит шаг вперед и при условии, что идеальные цели оправдывают самые отвратительные средства, ваша привилегия и ваш долг-воровать, обманывать, пытать, порабощать и убивать всех, кто, по его мнению, это, по определению, непогрешимо), препятствуют движению вперед к земной рай. Вспомните фразу Карла Маркса: “а Сила-акушерка прогресса”” Он мог бы добавить (но, по общему признанию, Белиал не хотел показывать карты на этой ранней стадии из приготовлений), что прогресс-акушерка силы. Двойной акушерка считает, что технический прогресс он дает людям все больше и больше орудий разрушения в то время как миф о политическом и моральном прогрессе это служит предлогом для использования этих средств до последнего предела. Я я утверждаю, мой друг, что неверующий историк-сумасшедший. Чем больше изучается moderna History, тем больше доказательств он находится от руководящей руки Белиала. - Архивариус делает знак рога, освежись еще одним глотком вина, и продолжай:

- Тогда был национализм: теория о том, что государство из которых вы являетесь подданным, является единственным истинным Богом, и из что все другие государства являются ложными богами; что все эти боги, истинные или ложные, имеют менталитет несовершеннолетних правонарушителей; и что каждый конфликт из-за престижа, власти или деньги-это крестовый поход за хорошее, за истинное и Красивый. Тот факт, что такие теории возникли в какой-то момент История, будучи общепризнанной, является величайшим доказательством существование Белиала, величайшее доказательство того, что в конечном итоге он выиграл битва.

- Я не совсем понял, - говорит доктор пул.

- Но, конечно, это очевидно. У нас есть две идеи. Оба и то, и другое ведет к тому, чтобы действовать явно. фатальный. И все же цивилизованное человечество по весу решает, почти внезапно принять эти идеи как нормы поведения. Почему? И по чьему предложению? По наущению кого? В чье вдохновение? Там может быть только один ответ.

- Вы имеете в виду, вы думаете, что это так… что за Дьявол?

- Кто еще хочет деградации и разрушения человеческого рода?

- Верно, верно, - соглашается доктор пул. - Но как бы то ни было, я, как протестантский христианин, не могу…

- Ах! не можете? - саркастически обстреливает архив. — Итак, вы отрицаете Лютера, отрицаете всю христианскую церковь. Уже заметил, мой дорогой, что со второго века и далее ни один христианин православный никогда не верил, что человек может быть одержим Бог? Он мог быть одержим только демоном. И почему вы так верили? Потому что факты сделали их невозможными. верить по-другому. Белиал-это факт, Молох-это факт, дьявольская одержимость-это факт.

- Протест — - восклицает доктор пул. - Как человек наука…

- Как человек науки, вы обязаны принять гипотеза, которая объясняет факты наиболее правдоподобно. Очень хорошо, и каковы факты? Первое-это факт опыта и наблюдение, а именно, что никто не хочет страдать, никто не хочет быть униженный, никто не хочет быть сломленным или убитым. О во-вторых, это исторический факт, что в определенное время подавляющее большинство людей приняли убеждения и приняли формы поведения, которые ни в коем случае не могли привести к что-то другое, кроме всеобщего страдания, общей деградации и уничтожение оптом. Единственное правдоподобное объяснение состоит в том, что они были вдохновлены или одержимы чужой совестью, совесть, которая хотела его гибели и хотела его сильнее

чем они были способны желать собственного счастья и выживание.

Там тишина.

— Без сомнения,-наконец-то предлагает доктор пул — эти факты можно объяснить другими способами.

- Но не так правдоподобно, далеко не так же простота, - настаивает архивист. - А потом подумайте обо всех другие доказательства. Возьмем, к примеру, первую Великую войну. Если бы народ и политики не были одержимы, они бы услышав Бенедикта XV или лорда Лэнсдауна, они пришли бы к условиям, они бы договорились о мире без победы. Но они не могли, нет. мочь. Им было невозможно действовать в собственных интересах.

Они должны были делать то, что велел им Белиал, и Белиал в них я хотел коммунистической революции, я хотел фашистской реакции на это. революция, хотел Муссолини, Гитлер и Политбюро, хотел голода, инфляция и депрессия; он хотел вооружения как лекарство от безработица; хотел преследования евреев и кулаков; хотел пусть нацисты и коммунисты разделят Польшу, а затем воюют друг с другом. Да, и я хотел массового возрождения рабство в его самой жестокой форме. Хотел миграции принуждение и обнищание масс. Хотел поля концентрации и газовые камеры и крематорий печи. Хотеть насыщенные бомбы (какая восхитительно сочная фраза!), я хотел разрушения, в одночасье, века богатства, накопленные все возможности будущего процветания, порядочность, свобода и культура. Белиал хотел всего этого и, будучи Большая муха в сердцах политиков и генералов, журналисты и простой человек, это было легко сделать Папа был проигнорирован самими католиками и Лансдауном осужден как плохой патриот, чуть ли не предатель. И так к война затянулась целых четыре года; а потом все это продолжалось по пунктам в соответствии с планом. А ситуация в мире систематически становилась все хуже и хуже, и по мере того, как становилось все хуже, мужчины и женщины становились все больше и больше. послушны руководящим принципам сатанинского Духа. Старые верования в

значение духовной души рассеялись; старые ограничения остались без эффекта; старые композиции и гробы испарились. Все, что другой когда-либо вкладывал в головы люди истекли, и образовавшийся вакуум был заполнен мечтами. лунатики прогресса и национализма. Предоставлен срок действия из этих снов следовало, что простые люди, живущие здесь и теперь они были не лучше муравьев и клопов и могли быть договоры соответственно. И к ним относились соответственно, положительно были!

Архивист дрожит от смеха и бросает руку с последних ног свиной.

— Для своего времени, — продолжает он, - старый Гитлер был хороший пример бесноватого. Не так полностью одержим, по общему признанию, как и многие великие национальные лидеры лет между 1945 и началом Третьей Войны, но решительно выше среднего вашего времени. Больше, чем кто-либо другой из современников он имел право сказать: “не я, но Белиал во мне”.

Остальные были одержимы только перерывы, только в определенные часы. Посмотрите на ученых, почему пример. Хорошие, благонамеренные люди, по большей части. Но Он все равно положил им руки, положил их руки на момент, когда они перестали быть людьми, чтобы стать экспертами. Отсюда Мормо и эти бомбы. Е затем вспомните этого человека (как на самом деле было его имя его?) который был президентом Соединенных Штатов так долго…

- Рузвельт? - предлагает доктор пул.

- И это: Рузвельт. Вы помните ту фразу, которую он вы повторяли всю Вторую Войну? “Капитуляция безоговорочная капитуляция.“Пленарное вдохновение, это что это было. Прямое и полное вдохновение.

- И что вы говорите, - возражает доктор пул.

- Но каковы ваши доказательства?

- Доказательство? - повторяй архив. - Вся история последующее доказательство. Посмотрите, что произошло, когда предложение это стало политикой и было эффективно введено в действие.

Безоговорочная капитуляция: сколько миллионов новых случаев туберкулез? Сколько миллионов детей вынуждены воровать или заниматься проституцией ради шоколадных батончиков? У Белиала было предпочтение вся особенная для детей. Снова и снова безоговорочная капитуляция: разорение Европы, хаос в Азии, голод повсюду, революции, тирании. Безоговорочная капитуляция: и более невинные им пришлось терпеть худшие страдания, чем в любом другом период истории. И, как вы очень хорошо знаете, ничего нет пусть это порадует Белиала больше, чем страдания невинных. Е наконец, естественно, вещь. Безоговорочная капитуляция и бум!, точно без какого-либо чуда или специального вмешательства, такого как давно он планировал. И все прошло через средства чисто естественные. Чем больше вы думаете о путях вашего Провидение, тем более непостижимым и потрясающим они нас казаться. - Благочестиво, архивариус делает знак рога. Следует небольшая пауза. - Послушай, - говорит он, поднимая руку.

В течение нескольких секунд они сидят, не разговаривая. Неточный, приглушенный звук монотонного пения становится

слышный. “Кровь, Кровь, Кровь, Кровь…“Слышен слабак стон, когда еще один маленький монстр воткнут в нож патриарх, а затем удары по мясу, ударяя по мясу, и, через возбужденный протест собрания, последовательность ужасные, почти нечеловеческие крики.

- Трудно поверить, что он произвел нас без чудо-архивист продолжает задумчиво. - Но он сделал, сделал. Чисто естественными средствами, используя существ люди и их наука как их инструменты, он создал совершенно новая раса людей, с уродством в кровь, с страданиями, окружающими их со всех сторон, и в будущем, нет перспективы, кроме большего страдания, худшего уродства и, наконец, полное исчезновение.

Да, это ужасно-попасть в руки живого демона.

- Тогда почему, - спрашивает Доктор пул, - продолжают обожаю?

- Зачем бросать еду в бешеного тигра?

Чтобы выиграть минимум времени. Чтобы замедлить ужас неизбежно, хотя бы на несколько минут. Так на Земле, как в аду… но, по крайней мере, все еще на Земле.

— Не думаю, что это того стоит, - говорит доктор Пул в томе философский о том, кто только что пообедал.

Еще один исключительно распятый крик заставляет его вернуться к голова к двери. Он смотрит на мгновение в тишине. На этот раз с выражением, в котором ужас был значительно смягчается научным любопытством.

- Ты уже привыкаешь, Хайм? - обратите внимание на архив с хорошее настроение.

РАССКАЗЧИК

Совесть, обычай-первая делает трусов, делает мы святые иногда делают людей. Второй делает Патриоты, Паписты, Протестанты, Бэббиты, Садисты, Шведы или словаки,

Делает убийц Кулаков, хлораторов евреев,

Делает всех, кто мучает, по славным причинам,

Плоть дрожит, без сомнения или угрызений совести Оглушая его уверенность в Верховных благодетелях.

Да, друзья мои, помни, как ты себя чувствовал. когда-то возмущенные, когда турки убили больше, чем обычная доля армян, как вы благодарили Бога вы живете в прогрессивной христианской стране, где такие вещи они просто не могли добиться успеха — они не могли, потому что мужчины носили котелок и ежедневно ездили на поезде восемь двадцать три. А потом я на мгновение задумался о некоторые из ужасов, которые вы теперь признаете; возмущения против самого рудиментарные человеческие приличия, которые были совершены в вашем имя (или, может быть, своими руками); злодеяния, которые

вы водите свою маленькую девочку смотреть два раза в неделю в кинохронике

- и она находит их банальными и скучными. Еще двадцать лет на этом этаже и ваши внуки будут включать свои телевизоры, чтобы посмотрите на гладиаторские игры; и когда они начнут быть безвкусным, будет массовое распятие, силами Вооружение лиц, отказывающихся от совести, или снятие шкур в жизнь, в красочном прекрасном, из семидесяти тысяч подозрительных людей, в Тегусигальпа, об антигондурской деятельности.

Тем временем в скинии Белиала находится доктор пул все еще глядя через щель между раздвижными дверями. О Архивариус поддевает зубы. Есть удобная тишина, пост-прандиал. Внезапно доктор пул поворачивается к своему товарищу.

- Что — то происходит, - возбужденно кричит он.

- Они покидают места.

- Я ждал этого уже давно - реплика Архивист, не переставая палит зубы.

- И кровь, которая его провоцирует. Кровь и, естественно, бичевание.

- Они прыгают на арену, - продолжает доктор пул. — Они бегут друг за другом. Но что это…? Ах, Боже мой! Извините, - быстро добавляет. - Но по сути, действительно…

Очень взволнованный, он уходит от двери.

- У всего есть предел, - восклицает он.

- Увы, ты ошибаешься, - возражает архивариус. — Не есть пределы. Каждый способен на все… Всего.

Доктор пул не отвечает. Тащили неотразимо сила, превосходящая его волю, он вернулся на свой пост и он с нетерпением и ужасом смотрит на то, что происходит в арена.

- И чудовищно! - брейд его с негодованием.

- И абсолютно отвратительно!

Архивигариум тяжело поднимается из ложа и, раскрывая маленький шкаф на стене, достает бинокль и протягивает его к Доктор Пул.

- Используй это, - говорит он. - Ночные линзы. Оборудование стандарт Военно-морского флота От До вещи. Вы сможете увидеть все.

- Но вы не представляете, что…

— Я просто не представляю, - говорит архивариус, с иронически доброжелательная улыбка -, я вижу со своими собственными глаз. Давай, мужик. Посмотреть. Вы никогда не видели ничего подобного в Новая Зеландия.

- Конечно, нет — - говорит доктор пул с полом интонация, которую использовала бы ваша мать.

Но даже в этом случае бинокль попадает в глаза.

Общий план с вашей точки зрения. И зрелище сатиры и нимфы, преследования и поимки, сопротивление провокационные, за которыми следуют восторженные сдачи губ к губам бородатые, от пульсирующих сисек до нетерпения грубых рук, все сопровождаемый Вавилоном криков, визга и пронзительного смеха.

Вырезать для архива, лицо которого нахмурилось на гримаса отвращения и презрения.

- Как кошки, - напоследок говорит он. - Только у кошек есть приличие не быть общительным в вашем дворе.

И у вас все еще есть сомнения относительно Белиала даже после этого это?

Есть перерыв.

- Это случилось потом… после дела? — спроси доктора пула.

- Через два поколения.

- Два поколения! - Доктор пул издает свист. — Ничего рецессивного в этой мутации. А они нет… ну, я имею в виду, у них нет желания делать такие вещи в любом другое время?

- Только за эти пять недель, вот и все. И мы только позволяем две недели собственно спаривания.

- Почему?

Архивигарий делает знак рогов.

— Принципиально. Они должны быть наказаны за то, что были наказывать. И закон Белиала. И, я могу сказать вам заранее, мы делаем их пройти через плохие времена, если они нарушают правила.

- Я понимаю, понимаю, - говорит доктор пул, вспоминая с дискомфорт эпизод с Loola среди дюн.

- Э. немного тяжело для тех, кто возвращается к стандартам Спаривание в старом стиле.

- Таких много?

- От пяти до десяти процентов населения. Мы мы называем это “hots”..

- А вы не позволите…?

- Мы стачиваем их, когда ловим.

- Но это чудовищно!

- Действительно — - соглашается архивариус. - Но помните о его история. Если вы хотите социальной солидарности, вы должны иметь или внешний враг, или угнетенное меньшинство. Мы не у нас есть внешние враги, поэтому мы должны максимально использовать наши горячие. Это то, чем были евреи при Гитлере, что это были буржуа при Ленине и Сталине, которые когда-то были еретики в католических странах и паписты среди протестантов. Если что-то идет не так, всегда виноваты горячие. Я не знаю, что мы будем делать без них.

- Но Господь никогда не останавливался, думая о том, что они должны чувствовать?

- И с чего бы это? Прежде всего, это закон. Наказание вы достойны того, что были наказаны. Во-вторых, если они сдержанные, они не будут наказаны. Все, что им нужно сделать, это избегать дети вне сезона и скрывают тот факт, что они влюбляются и установить постоянные связи с людьми секса противоположный. И если они не хотят быть осторожными, им всегда остается бежать.

- Бежать? Куда?

- Есть небольшая община на севере, недалеко от Фресно. Восемьдесят пять процентов hots. И путешествие опасно, без сомнения. Очень мало воды на пути. И если мы их хватаем, хороним их заживо. Но если они готовы принять

риск, они совершенно свободны, чтобы сделать это. И, наконец, есть еще священство.

- Он подает сигнал рога. - Любой умный мальчик, который представьте ранние признаки того, что вы горячий, у вас есть свое будущее уверено: мы делаем его священником.

Несколько секунд просачиваются, прежде чем доктор пул осмеливается задавая свой следующий вопрос:

- Вы имеете в виду…?

- Точно — - говорит архивариус. - Из любви к королевству из ада. Не говоря уже о строго практических причинах. Наконец

интересы сообщества должны заботиться о каким-то образом, и очевидно, что laicate не в состоянии сделай это.

Болтовня арены перерастает в мгновенную кульминацию.

Тошнотворно! - визжит архивариус с отвращением внезапно усилился. - И это ничто по сравнению с тем, что придет позже. Как я благодарен за то, что был сохранился от такого позора! Не они, а враг Вид воплощен в своих отвратительных телах. Имейте доброту смотреть туда. - Он тянет доктора пула к себе и указывает на толстый индикатор. - Слева от главного алтаря - с сосудом рыжие волосы. И босс. Босс-повторяет с акцентом насмешливый. - Каким правителем он будет во время следующие две недели?

Сопротивление искушению сделать личные комментарии о человек, который, хотя и временно отстранен, доктор пул, которому суждено восстановить власть, издает хихиканье нервный.

- И, без сомнения, он, кажется, отрывается от проблемы государства.

РАССКАЗЧИК

Но почему, почему он должен разозлиться с Лулой? Грубый негодяй и неверная шлюха! Но остался хотя бы один

утешение-и для застенчивого мужчины, измученного желаниями который не смеет применять на практике, очень большое утешение: поведение Лулы является доказательством доступности, которая в Новой Зеландия, в академических кругах, по соседству с матерью, мог быть не более чем украдкой мечтали как что-то, под всеми аспекты, слишком хорошо, чтобы быть правдой. И это не единственная Лула который показывает, что он доступен. То же самое происходит о чем свидетельствует, не менее активно, не менее вокально, эти молодые мулатки, Флосси, пухлая тевтонка цвет-де- мед по огромной армянской Матроне по крошечному подростку волосы из мешковины и большие голубые глаза.

- Да, это наш босс — - говорит архивариус с горечь. - Пока он и другие свиньи не перестанут быть одержимые, Церковь просто берет на себя управление.

Невзирая на то, что он не мог понять. желание быть там с Лулой - или почти с любой другой, если это так — доктор пул делает умный комментарий о Духовная власть и светская власть.

Архивариус не обращает внимания.

- Ну, - резко говорит, - пора идти в работа.

Он зовет послушника, который вручает ему свечу сала, затем он направляется к алтарю в восточной части часовни. О это одна желтая свеча из пчелиного воска, с тремя или четыре фута в высоту и непропорционально толстый. О Архивигарий делает коленопреклонение, зажигает Сирию, делает знак рогоносец, затем возвращается туда, где доктор пул целится., с широко раскрытыми глазами, с очарованным ужасом и скандалом волнение, зрелище арены.

-Отойдите, пожалуйста.

Доктор пул подчиняется.

Послушник сначала задвигает дверь, а затем другой. Архивист выходит вперед и размещается в центре открытия, касаясь золотых рогов вашей тиары. Музыканты о ступеньки главного алтаря доносится пронзительный скрип большеберцовых Пикколо. Эй

шумы толпы гаснут до тишины. иногда перемежается тем или иным звериным излиянием ликование или тоска слишком сильны, чтобы их можно было сдержать. Антифонно, священники начинают петь.

ПОЛУКОРО I

Время пришло,

ПОЛУКОРО II

Ибо Белиал безжалостен,

ПОЛУКОРО I

Время для завершения времени ПОЛУКОРО II В хаосе похоти.

ПОЛУКОРО I Время пришло,

ПОЛУКОРО II

Ибо Белиал в твоей крови,

ПОЛУКОРО I

Время для рождения в вас

ПОЛУКОРО II

От других, от незнакомцев,

ПОЛУКОРО I От чесотки, от Импигмента

ПОЛУКОРО II Червей.

ПОЛУКОРО I Время пришло,

ПОЛУКОРО II Потому что Белиал ненавидит вас,

ПОЛУКОРО I Время для смерти души, ПОЛУКОРО II Чтобы существо погибло.,

ПОЛУКОРО I Осужденный желанием,

ПОЛУКОРО II И удовольствие-мучитель,;

ПОЛУКОРО I

Время для триумфа

ПОЛУКОРО II Всего врага,

ПОЛУКОРО I Для господства бабуина, ПОЛУКОРО II

Так что монстры генерируются.

ПОЛУКОРО I

Не ваша воля, а ваша,

ПОЛУКОРО II

Чтобы Вы были брошены в вечную гибель.

Из толпы поднимается сильный и единодушный “Аминь”. Что его проклятие падет на вас, воспевайте архивариус своим высоким голосом.; затем он снова направляется к концу часовни и галга о трон помещен рядом с алтарем. Снаружи слышен крик, что он становится все сильнее и сильнее, и вдруг Скиния захвачен тропелем корибантических поклонников. Они получают они спешат к алтарю, срывают друг с друга фартуки и они бросают в растущую кучу у подножия трона архива. Нет, Нет, Нет. И для каждого нет торжествующего крика “Да!“после недвусмысленного жеста см к самому

следующий человек противоположного пола. Вдалеке священники поют: “Не ваша воля, а ваша, чтобы Вы были брошены в вечная гибель ” в однообразном повторении. Близкий план доктора. Пул, пока он наблюдает за событиями из угла оратория. Вырезать возвращение в толпу: лицо за лицом Альвар, экстатический, он входит в поле зрения и исчезает. И там, внезапно, это лицо Лулы, яркие глаза, губы, приоткрытые, ямочки джунглей живы. Она поворачивает голову, да, с доктором пулом. Алфи! она кричит. Его тон и выражение они вызывают столь же эффектный ответ. Лула!

Они бросаются друг к другу в страстных объятиях. Секунды проходят. Как вазелин, аккорды музыки Страстная пятница Парсифаля они слышны в звуковом диапазоне.

После того, как лица отодвигаются, камера отступает.

- Быстрее, быстрее!

Лула хватает его за руку и тащит к алтарю.

- Фартук, - говорит она.

Доктор пул опускает глаза на фартук, затем, став таким же красным, как не вышитый на нем, он отклоняет посмотреть.

- Звучит так… так неприлично, - говорит он.

Он протягивает руку, собирает ее, снова меняет свое мнение. Взяв один конец фартука между большим и указательным пальцами, это дает вам пару рывков, которые не дают никакого эффекта.

- Сильно, - кричит она, - очень сильно!

С почти безумным насилием-ведь не только фартук он срывает, это также влияние матери, это все запреты, все условности, на которых он получил образование — доктор пул делай то, что тебе говорят.

Шов провисает легче, чем он ожидал, и он почти падает на спину. Восстанавливая равновесие, вы позволяете себе оставаться стоя, глядя, с смущенным краном, из маленького фартука который представляет шестую заповедь для улыбающегося лица Лула, а затем вниз, к запрету рубра. Вежливый последовательные: нет, ямочки, нет, ямочки, нет…

- Да! - торжествующе кричит Лула. - Да!

Вырвав из его руки фартук, она бросает его в ногу престол. Затем с ” Да!“и еще один” да!“Срывает пластыри на груди и, повернувшись к алтарю, делают свои поклон парусному спорту.

Полуплоскость возле спины Лула коленопреклоненная. Внезапно мужчина средних лет с седой бородой, возбужденно бросается на сцену, разрывает ее близнецы, из слитков и начинает тащить ее к двери часовни.

С пощечиной и энергичным отталкиванием Лула становится отпусти его и во второй раз бросись в объятия доктора пула.

- Да? - она шепчет.

И решительно отвечает:

- Да!

Они целуются, улыбаются друг другу в ладоши, затем они направляются в темноту за дверями. ползун. Когда они проходят

через трон, Архивигариум наклоняется и, иронично улыбаясь, он бьет доктора пула по плечу.

- А мой бинокль? — вопрос.

Слияние для ночной сцены черных теней, таких как смола и лунные полосы. На заднем плане стоит разрушенный скелет музей округа Лос-Анджелес. С любовью переплетены, Лула и доктор пул появляются на сцене, а затем погружаются в непроницаемая тьма. Силуэты мужчин, преследующих женщин, или от женщин, бросающихся на мужчин, появляются за момент и исчезают. Под аккомпанемент музыки Страстная пятница, слышен хор, то сильнее, то приглушен, о рычании и стонах, о взрывоопасных непристойностях. и затяжные вой мучительного восторга.

РАССКАЗЧИК

Рассмотрим птиц. Какой деликатес в вашем дворе, который рыцарство по старинке! Хотя гормоны вырабатываемые в организме размножающейся самки предрасполагают ее

что касается сексуальных эмоций, то их эффект не такой интенсивный, как такая же короткая продолжительность, как у гормонов яичников в крови самок млекопитающих во время течки. Adernais, по причинам очевидно, что самец птицы не в состоянии подчиняться своим желания неохотная женщина. Отсюда распространенность среди мужчин от ярких оперений и инстинкта к галантности. Ну и что очевидное отсутствие этих очаровательных вещей среди мужчин млекопитающих. Когда, как и у млекопитающих, желания любящая женщина и ее привлекательность для противоположного пола полностью определяется химическими средствами, что потребность в мужской красоте, придворных деликатесах предварительная?

В человеческом виде каждый день в году является потенциально брачный суд. Девочки не химически в течение нескольких дней они должны были принять достижения первый самец, который представится. Их тела производят гормоны в достаточно малых дозах, чтобы оставить, даже у самых капризных-определенная свобода выбора. В отличие от других млекопитающих, человек он всегда был ухажером. Но теперь гамма-лучи изменились все это. Наследственные модели физического поведения и ментальный

человек получил новую форму. Благодаря Верховному Триумф Moderna Science, секс стал периодическим, роман был уничтожен эструсом, и химическое принуждение самка для совокупления отменила галантность, рыцарство, нежность, сама любовь.

В этот момент сияющая Лула и доктор пул из тени появляются довольно лохматые. Один тучный человек, временно без сопровождения, входит в широкие шаги на сцене. В поле зрения Лулы он останавливается. Подбородок он падает на него, глаза расширяются, он тяжело дышит.

Доктор пул бросает взгляд на новичка, а затем нервно возвращайся к своей спутнице.

- Думаю, было бы неплохо, если бы мы пошли туда…

Без слова незнакомец инвестирует в него, дает ему сафане заставляет его улететь и берет Лулу на руки. Для одного момент она сопротивляется; затем химические вещества в крови они навязывают свой категорический императив, и она перестает спорить.

Издавая шум, как у тигра, во время незнакомец поднимает ее с земли и исчезает вместе с ней в темнота.

Доктор пул, у которого было время встать на ноги, рисует движение, как преследовать, искать мести, спасите убитую горем жертву. Затем смесь опасений и скромности делает его ослабить тангаж. Если он идет вперед, только Бог знает, в чем ситуация будет вмешиваться. А потом этот человек, эта масса волосатые кости и мышцы… Если подумать, может быть, это будет больше благоразумный… Он останавливается и колеблется, не зная, что делать. В внезапно две молодые красивые мулатки выбегают из округа Музей и одновременно бросают ему триг-герб в вокруг ее шеи и покрывают ее лицо поцелуями.

- Ты симпатичный красавчик-негодяй, - шепчут они на хриплый унисон.

На мгновение доктор пул колеблется между воспоминаниями подавление матери, верность Луле, предписанная всеми поэты и романисты, и теплые, эластичные факты жизни. После около четырех секунд морального конфликта, он решается, как это было ждать, по фактам жизни. Он улыбается, возвращает поцелуи, он

бормочет слова, которые, услышав, наполнят Миссис бормотание изумлением. Крюк и, возможно, убьют его мать, оборачивает тело с каждым одна из рук, ласкает грудь руками, которые никогда ничего не делали похоже, если только не в сомнительных мечтах. Шумы оргия вырастают до короткой кульминации, затем уменьшаются. В некоторое время царит абсолютная тишина.

В сопровождении свиты архимандритов, члены семьи, старейшины и послушники, Архивигарий и патриарх из Пасадены появляются на сцене, величественно гуляя. В вид доктора пула с мулатами они останавливаются. С одним

гримаса отвращения, патриарх плюет на землю. Более терпимый, Архивариус ограничивается насмешливой улыбкой.

- Доктор Пул! - раскрой его в своем неравном фальцете.

С виноватым видом, как будто услышав зов матери, доктор. Пул роняет свои напряженные руки и поворачивается к Архивариус, он стремится принять выражение воздушной невинности. Эти девушки-их улыбка предназначена для обозначения-кто они девочки?

Я даже не знаю их имен. Мы были просто немного поговорив о лучших криптогамах, ничего более.

- Ты негодяй… - начинается хриплый голос.

Доктор пул громко кашляет и уклоняется от объятий, которые сопровождает слова.

- Не беспокойтесь о нас — - говорит архивариус любезно. - В конце концов, день Белиала наступает только один раз в год.

Подойдя ближе, прикоснись к золотым брелкам своей тиары., затем он кладет руки на голову доктора пула.

- Быстрота, - говорит он с внезапным профессиональным помазанием, - его обращение было почти чудесным. Да, почти чудесно. — После, изменение тона: - кстати — - добавляет он, - у нас был небольшая неприятность с друзьями из Новой Зеландии. Сегодня днем кто-то выследил группу из них в Беверли-Хиллз. Я полагаю, что они искали тебя.

- Да, полагаю.

- Но они его не найдут — - продолжает архивариус весело. - Один из наших инквизиторов вышел со взводом членов семьи, чтобы поболтать с ними.

- И что случилось? - с тревогой спрашивает Доктор пул.

- Наши люди устроили засаду и расстреляли стрела. Один был убит, остальные бежали с ранеными. Не думаю, они нас снова побеспокоят. Но на всякий случай… — Он машет двум своим помощникам. - Послушайте: не будет никаких спасений и никаких побегов. Я делаю их

ответственные, понятно?

Два постулата наклоняют головы.

— А теперь, - делает архивариус, снова обращаясь доктору пулу — мы оставим его в покое, чтобы произвести на свет все маленькие монстры, которые вы можете.

Он моргает, похлопывает доктора пула по щеке, затем он берет патриарха за руку и, вслед за свитой, уходит.

Доктор пул сопровождает взглядом фигуры, которые они отталкивают, а затем с беспокойством оглядываются на двух постулатов назначены присматривать за ним.

Темные руки обхватывают его шею.

- Ты негодяй…

- Нет, что это? На публике-нет. Не с этими мужчинами вот!

- Какая разница?

И прежде чем он успеет ответить, хриплые, мускус, Триго, факты жизни свернуты еще один и в сложных объятиях, как Лаокоон, наполовину неохотно, наполовину приятно самодовольно, его тащат в тени. С выражением отвращения оба постулаты плюют одновременно.

РАССКАЗЧИК

Вспомните était nuptiale, auguste et solennelle … 1

Он прерывается взрывом шумихи бешеное мяуканье.

РАССКАЗЧИК

Если я смотрю на дно фонтанов в моем саду (не только из моего, что каждый сад усеян ямами угрей и отраженные Луны). Думаю, я вижу кое-что, вооруженное вилами. Что кажется, из ила, из имманентности, из угрей

небеса, восстань против меня-против меня священный, меня божественный! Е если так грустно, то виновата совесть! Как это Скучно, с другой стороны, иметь ее чистой! Что удивительно, что ужас фонтанов тянет нас навстречу вилам? И вот что вещь атакует, и я, измученный человек, среди грязи Или в лунной жидкости, полной благодарности. Я вижу других, которые, как и я, у них также есть это слепое или сияющее существо. 2

1 тьма брачная, августовская и торжественная… Фраза от Бу% эндорми, автор I dctor Hugo. (Н. Т.)

2 в стихах 1, 4, 5, 6 и 8 автор перефразирует стихи трагедии “Герцогиня Мальфи” Джона Вебстера: “когда я заглядываю в рыбные пруды” в моем саду/Methinks I sec A Thing armeá ivith a rake / that seems to strike at mejHow tedious is a guilty conscience. (Н. Т.)

Слияние для среднего плана спящего доктора пула на песке, нагроможденном у подножия гигантской стены бетон. Через несколько метров один из его охранников тоже спать. Другой погружен в старый образец Навсегда Эмбер. Солнце уже идет высоко в небе, и план близок. показывает маленькую зеленую ящерицу, ползающую по одной руке расширенный доктор пул. Он лежит неподвижно, как будто он мертв.

РАССКАЗЧИК

И это тоже блаженное существо того, кто со всеми конечно, это не Альфред пул, доктор наук. Потому что сон-это одна из предпосылок воплощения, первичный инструмент Божественной имманентности. Спя, мы перестаем жить, чтобы быть обитаемым

(как блаженно!) каким-то другим я игнорирую, что он идет в бухту, чтобы восстановить здравомыслие ума и исцеление избитого и мучительного тела.

От завтрака до сна мы можем делать все в наших силах, чтобы напасть на природу и отрицать факт наша стеклянная сущность. Но даже самый разъяренный из

обезьяны устают от своих тропелий и вынуждены спать. И пока он спит, сострадание, которое живет в нем, сохраняет его, за его пределами, от самоубийство, которое в бодрствующие часы с таким безумным рвением, он пытался совершить. Затем солнце снова встает, и наш обезьяна снова просыпается к своему собственному я и свобода от вашей личной воли-для еще одного дня злодеяния, или, если хотите, для начала авто-знание, для первых шагов к вашей спасение.

Пронзительный похотливый женский смех режет слово рассказчика. Спящий трясется и, при втором взрыве сильнее, просыпается от испуга и сидит, глядя вокруг в недоумении, не зная, где он находится. Снова смех. Он поворачивает голову в направлении звука. В общем плане с ее точки зрения, мы видим, как ее две подружки прошлой ночью они появляются на полной скорости из-за дюны., бросаясь к руинам музея графства. Aos его пятки, в сосредоточенной тишине, бежит босс. Втроем они исчезают из поля зрения.

Спящий послушник просыпается и направляется к спутник.

- Что это было? - вопрос.

- То же, что и всегда — - отвечает другой, не снимая глаза навсегда Эмбер.

В одно и то же мгновение пронзительные и пронзительные крики эхом отзываются о нас. пещерные залы музея. Постулаты смотрят друг на друга и одновременно плюют.

Вырезать, возвращаясь к доктору пулу.

- Боже мой, - громко говорит он, - Боже мой!

И прикрывает лицо руками.

РАССКАЗЧИК

В сытости на следующее утро, отпустите восстановленное сознание и принципы, усвоенные о

колени матери-и нередко пересекаются над ними (голова вниз и подгузники рубашки хорошо закатаны), в достойные избиения, грустные и благочестивые, но вспоминается, довольно иронично, как предлог и сопровождение бесчисленных эротических мечтаний, каждый из которых за ним следует его раскаяние, и каждое раскаяние приносит я получаю идею наказания со всеми сопутствующими сладострастиями. И так далее, бесконечно. Как я уже говорил, освободитесь те против них, и результат вполне может быть религиозное обращение. Но преобразование к чему? Ничего не зная, что конечно, наш бедный друг игнорирует его. А вот и почти последний человек, которого он мог себе представить, помог ему разобраться.

Когда рассказчик произносит это последнее предложение, Лула появляется на сцене.

- Алфи! - радостно кричит она. - Я искал

ты.

Быстрая Резка для двух постулатов, которые подходят ей один момент со всей неприязнью воздержания сила, после поворачивают лицо и отхаркивают.

Однако, после краткого взгляда на те ” линеаменты удовлетворенное желание”, - доктор пул отводит глаза воздухом пристыженный.

- Доброе утро, - говорит он тоном формальной вежливости.

- Надеюсь, ты… что вы хорошо спали.

Loola sentase рядом с ним открывает кожаный мешок, который приносит буксир и вынимает половину буханки хлеба и пять или шесть больших апельсин.

- Никто не может думать о приготовлении большой вещи в эти

дни - она объясняет. - И, как долгий пикник, пока он не начнется. новый холодный сезон.

- Без сомнения, без сомнения, - говорит доктор пул.

- Ты, должно быть, ужасно голоден, - продолжает она. — После прошлой ночи…

Ямочки выходят из укрытия, когда она улыбается ему.

Утопленный и красный от смущения, доктор пул ищет поспешно отклонить тему разговора.

- Прекрасные апельсины, эти, - замечает он. - В Новой Зеландии они они не так хороши, кроме крайности…

- Возьми, - говорит Лула, перебивая его.

Она протягивает ему большую буханку хлеба, вырывает другую, чтобы она сама и вонзает ему крепкие белые зубы.

- Все хорошо, - говорит он с полным ртом. - Почему бы тебе не ешь?

Доктор пул, который понимает, что на самом деле с голодный, но не желающий, обращая внимание на приличия, признать факт очень открыто, он деликатно ущипнул свою кору.

Лула прижимается к нему и откидывает голову на плечо.

- Было вкусно, не так ли, Алфи? - Она еще раз кусает хлеб и, не дожидаясь ответа, продолжает: - намного вкуснее с вы, чем с кем-либо из других. Вы тоже так думали?

Она нежно поднимает на него глаза.

План, близкий к вашей точке зрения для выражения мучительный моральный дискомфорт доктора пула.

- Алфи! - восклицает она. - Что с тобой?

- Может быть, было бы лучше, - умудряется он все-таки сформулировать — поговорим о другом.

Лула выпрямляет свое тело и смотрит на него в течение

нескольких секунд в внимательной тишине.

- Ты слишком много думаешь, - наконец говорит она. - Вы не должны думать. Если мы думаем, это перестает быть вкусным. - Внезапно ее лицо затуманивается.

- Если мы думаем, - продолжает он тихим голосом, - Это ужасно, ужасно. Е. страшная вещь попадает в руки живого демона. Когда я помню, что они сделали с Полли и ее ребенком…

У нее дрожь, глаза наполняются слезы, и она прячет лицо.

РАССКАЗЧИК

Опять эти слезы, эти личностные симптомы… Его взгляд вызывает более сильную жалость, чем чувство вины.

Забыв о послушниках, доктор пул заманивает Лулу в себя и с шепотом, с ласками, которые используются для успокойте плачущего ребенка, стремитесь его утешить. Это так хорошо-после того, как через минуту или две она хорошо отдохнет тише под углом руки. Со счастливым вздохом открывает глаза, подними их к нему и улыбнись с выражением нежности, что ямочки добавляют с очаровательным несоответствием что за шалость.

- Это то, о чем я всегда мечтал.

- И действительно?

- Но этого никогда не было… этого никогда не могло случиться. Никогда, пока вы не прибыли… - Она гладит его лицо. - Я бы хотел, чтобы его борода не должна была расти, - добавляет он. - Ты останешься похож на других. Но ты не такой, как они, ты совсем другое.

- Не так уж и много, - оспаривает доктор пул.

Он наклоняется и целует ее в веки, в шею, в рот; затем он отступает и смотрит на нее с видом торжествующей мужественности.

- Ничем не отличается, - уточняет она. - Но разные в этом. - Она

снова проводит пальцами по лицу. - Ты и я здесь вместе, разговаривая и чувствуя себя счастливыми, потому что ты ты и я-это я. Здесь этого не происходит. Если только… если только…

- Она прерывает себя. Его лицо анувия.

- Вы знаете,что происходит с людьми, которые горячие?

— перешептываться.

На этот раз доктор пул протестует против мышления слишком. Он сопровождает слова действием. План рядом с объятие. Затем переходите к двум послушникам, наблюдая с отвращением к зрелищу. Когда они плюют, один другой послушник выходит на сцену.

- Приказы Его Высокопреосвященства-объявляет, делая знак рогоносец. - Эта миссия закончена.

Представьтесь на базу.

Слияние для Кентербери. Раненый моряк с стрела все еще воткнута в плечо, ее журавли в стропе, из китобойный промысел на палубу шхуны. На палубе лежат две другие жертвы калифорнийских лучников-доктор Кадворт, с травмой левой ноги и миссис Хук. Это имеет стрела глубоко застряла с правой стороны.

Врач, опираясь на нее, имеет серьезную физиогномику.

- Морфий, - говорит он своему помощнику. - Далее мы идем отвезти ее в операционную как можно скорее.

В то же время вазы выкрикивали приказы и внезапно слышен шум визга и звон цепи якорь наматывается на шпиль.

Этель Хук обнажает веки и оглядывается. На его бледном лице появляется огорченное выражение.

- Вы уезжаете без него? - говорит она. - Но вы не можно, нельзя! - Она прилагает усилия, чтобы встать с мака; но движение причиняет ей столько боли, что она падает назад снова, со стоном.

- Успокойся, успокойся, - сладко говорит доктор, пока ему

потрите руку спиртом.

— Но он может быть еще жив, - протестует она голосом слабый.
— Они не могут бросить это; они не могут просто умыть руки.

- Не двигайтесь — - говорит врач и, принимая от ассистента а шприц, воткни иглу в мясо.

Якорная цепь поднимается в крещендо, пока мы растворяемся для Лулы и доктора пула.

- Я голоден, - говорит Лула, поднимаясь.

Добравшись до своего фарнеля, возьми то, что осталось от хлеба, раздели его на две части протягивает большую к доктору Пулу и протыкает зубы в другом. Она заканчивает свой рот и собирается укусить другого, когда вы передумаете.

Повернувшись к товарищу, берет его за руку и целует.

- Зачем это? - спроси его.

Лула пожимает плечами.

- Не знаю. Мне просто захотелось, внезапно. — Она съешь еще немного хлеба и после мминативного молчания, повернись к нему с видом того, кто только что сделал важное и неожиданное открытие.

- Алфи, - объявляет он, - думаю, я больше никогда не захочу сказать Да никому, кроме вас.

Очень тронутый доктор пул наклоняется к вперед, возьми ее за руку и прижми к сердцу.

- Я чувствую, что только сейчас понял, для чего это стоит жизнь, - говорит он.

- Я тоже.

Она откидывается против него и, как скряга, непреодолимо склонен еще раз пересчитать свое сокровище, Доктор пул пробегает пальцами по ее волосам, разделяя один за другим толстые улитки, поднимая кабель и оставляя-о тихо упасть на свое место.

РАССКАЗЧИК

И поэтому, по диалектике чувства, эти два они заново открыли для себя этот синтез химического и люди, которым мы даем имена моногамии и любви романтический. В ее случае именно гормоны исключали человек; в его, человек, который не мог понять себя с гормон. Но теперь это начало новой полноты.

Доктор пул засовывает руку в карман и достает маленькую книжку, которая на Ева спасла его от топки. Открой его, перелистывай страницы и начинай читать вслух.

Теплый аромат seems to fali from her light dress And her loose hair; and вымя some heavy tress The air of her NATO speed has disentvined,

The sveetness seems to satiate The faint sind;

And in tbc soul a wild adour is felt Beyond the sense, like deus that melt

Into the bosom of a frozen bud. ?

- Что это? - спрашивает Лула.

- Ты! - Он наклоняется и целует ее волосы. - “И в душа”, - шепчет он — - ” суровый аромат воспринимается за пределами чувство.“В душе-повторяет.

- Что такое душа? - спрашивает Лула.

- Хорошо… - Он колеблется; затем, решив позволить Шелли дайте ответ, продолжайте читать:

See вымя she stands, a mortal shape indued With love and жизнь, свет и божество,

And motion which may change but never die, an image of some bright Eternity,

A shadow of some golden dream; a Splendour Leaving the third sphere pilotless; a tender Reflection of the eternal Луна любви… 2

- Но я не понимаю ни слова, — жалуется он. Лула.

— И по сей день, - говорит доктор пул, улыбаясь ей, — по сей день я тоже не понимал.

Слияние снаружи скинии Белиала, два недели спустя. Несколько сотен бородатых мужчин и женщин неряшливые выстраиваются в очередь, в двойной ряд, ожидая своей очереди. войти в ораторию. Камера проходит через длинную череду парней грязные и в мешках, а затем останавливаются на Луле и Докторе пуле., которые видны в акте транспонирования раздвижных дверей.

Внутри все полутень и тишина. Два на два, нимфы и лепиды фавны всего за несколько дней до этого проходят парадом уныло, невнятными шагами, перед алтарем, чей огромная свеча теперь скрыта глушителем. У подножия трона пустота архива лежит стопка шестых заповедей выброшены. В то время как процессия проходит неторопливо, архимандрит, отвечающий за общественную мораль, вручает фартук

1 теплый аромат, кажется, течет из ее платья я взял и из распущенных волос; и там, где какие-то густые косы, воздух их собственной легкости развалился, / сладость, кажется, насыщает мягкий ветер;! и в душе суровый аромат воспринимается *за пределами чувств, как капли горящего Росио, которые сливаются* в грудь ледяной пуговицы. (П. Б. Шелли-Эпипсихидион, ВВ. 105111). (Имя. т.)

Созерцайя, смертная форма, покрытая *любви и жизни и Лу ˆ е божество,* движения, которое может трансформироваться, но никогда не умрет,/а изображение какой-то светящейся вечности *тени какого-то золотого мечта; великолепие* которое оставляет третью сферу без пилота; мягкий / отражение вечной любви США… (П. Б. Шелли-Эпипсихидион, IV. 112118), (н. Т.)

каждому мужчине и каждой женщине фартук и четыре бирки круглый.

- Через боковую дверь, - повторяет он при каждой доставке.

И через боковую дверь, когда придет их очередь, они выходят правильно Лула и доктор пул. Снаружи, на солнце, команда постуланты работает афанасо, с иглой и ниткой, шить фартуки на лямках и этикетках на брючных слингах и фасадах рубашка.

Камера фокусирует Loola. Три молодых семинариста в сотаины

Тоггенберга окружают ее, когда она выходит на улицу.

Она передает фартук первому, бирку каждому из других. Все трое приступают к работе одновременно и с необычайной быстротой. Нет, нет и нет.

- Повернитесь, пожалуйста.

И все же, если он не знает, что он делает, он не знает, что он делает. специалист по фартукам уходит, чтобы встретиться с доктором пулом другие старательно обращаются со своими иглами, так что в середине минута она не менее запретительна, чем когда вид спереди.

- Готово!

- И все!

Два канцелярских портных отступают и раскрывают план рядом с вашей работой. Нет, Нет. Сокращение для постулантов, которые выражают свои чувства, плеваясь в унисон, а затем они поворачиваются к двери сакрариума.

- Следующий, пожалуйста.

Обладая видом крайней унижения, эти двое неразлучны мулатки идут вперед вместе.

Вырезать для доктора пула. Фартук и волосатый с борода Куина 2 и дни, он направляется туда, где встречается Лула а ваше ожидание.

- Сюда, сделайте себе одолжение, - говорит пронзительный голос.

В тишине они делают свои места на хвосте новой очередь. Смиренно ждут двести или триста человек назначаются им соответствующие задачи помощником-глава Великого Инквизитора, отвечающий за общественные работы. Треуголка роскошно остановилась в белой рясе Саанен, большой человек сидит с парой членов семьи двурогие к большому столу, на котором выстраивается ряд стальные переплеты, спасенные из офисов компании Обеспечьте страхование жизни.

Ряд сборочных планов показывает, в двадцати секунды,

медленное и трудоемкое продвижение Лулы и доктора пула к источнику власти. И теперь, наконец, они прибыли к судьбе. План специального помощника Великого близкий Инквизитор, когда он приказывает доктору пулу представиться директор снабжения, в своем офисе в руинах Здание администрации Университета Южной Калифорнии. Этот джентльмен позаботится о том, чтобы ботаник располагал лаборатория, участок земли для плантаций экспериментальные и максимум четыре рабочих для выполнения от беготни.

- Максимум до четырех рабочих, - повторяет прелат —, хотя и в обычное время…

Без разрешения Лула вмешивается в разговор.

- О! Позвольте мне быть одним из рабочих, - умоляет она. — В услуга.

Специальный помощник Великого Инквизитора дает ему затянувшийся и молниеносный взгляд, затем поворачивается к родственникам.

- И кто, если вы сделаете мне одолжение, этот молодой сосуд Сатанинский Дух? — запросить.

Один из членов семьи извлекает из архива жетон Лулы и предоставляет соответствующую информацию. Восемнадцать лет и старше настоящее стерильное, рассматриваемый сосуд, как сообщается, был связан снаружи от корта до пресловутого hot, который впоследствии стал ликвидирован при попытке сопротивляться аресту. Однако ничего не было доказано против этого сосуда, и его поведение было в целом удовлетворительный. Этот сосуд был использован в течение прошлого года, при добыче кладбищ и должно быть аналогично работает в предстоящем сезоне.

— Но я хочу работать с Альфле, - протестует она.

- Ты, кажется, забываешь, - говорит первый знакомый, - что у нас демократия…

- Демократия, - добавляет его коллега, - где пролетарий пользуется полной свободой.

- Настоящая свобода.

- Свободно исполняя волю пролетариата.

- И vox proletariatus, vox Diaboli.

- Конечно, vox Diaboli, vox Ecclesiae.

- А мы-представители Церкви.

- Вот оно.

- Но мне надоели кладбища, - настаивает девушка. — Я я хотел бы выкопать живые существа, для разнообразия.

Там короткая тишина. Затем специальный помощник Великий Инквизитор наклоняется вперед и под его стулом, он создает огромное освященное дерево, которое он низводит перед лицом ты на столе. Затем он обращается к своим подчиненным.

- Поправьте меня, если я ошибаюсь, - говорит он.

- Но у меня сложилось впечатление, что вся ваза, которая отвергает Пролетарская свобода подлежит 25 поркам за каждого таких преступлений.

Наступает новая тишина. Бледный и с очень большими глазами открыть, Лула ленты инструмент пыток, а затем отклоняет смотреть, прилагает усилия, чтобы говорить, чувствует, что голос ему не хватает и, сглотнув, попробуй еще раз.

- Я не хочу сопротивляться, - умудряется лепетать.

- Я хочу быть свободным.

- Свободно продолжать добывать кладбища?

Она делает это своей головой.

- Вот хорошая ВАЗа! - говорит специальный помощник.

Лула поворачивается к доктору Пулу, и на несколько секунд они они смотрят друг другу в глаза, не говоря ни слова.

- Пока, Алфи — - шепчет она наконец.

- Пока, Лула.

Проходит еще две секунды; затем она опускает глаза и

часть.

- А теперь, - говорит доктор специальный помощник.

Пул-возвращаясь к делу: в обычные времена, как я я говорил, что у вас должно быть не более двух рабочих. Могу ли я быть ясным?

Доктор пул склоняет голову, соглашаясь.

Слияние в лабораторию, где когда-то вторые специалисты Университет Южной Калифорнии посвятил себя изучению Элементарная Биология. Есть обычные раковины и столы, носики Бунзен и Весы, клетки для мышей и морских свинок, резервуары стекло для лягушек. Но пыль покрывает все толстым слоем. и, разбросанные по пьесе, можно увидеть полдюжины скелетов, все еще окутанные рваными остатками брюк и свитеров, из нейлоновых чулок, женских чулок и нижнего белья.

Дверь открывается, и входит доктор пул, за которым следует директор Поставка, пожилой мужчина с седой бородой, одетый брюки овсянки, регламентный фартук и мундштук с клапаном

он, должно быть, принадлежал английскому дворецкому кинопродюсер XX века.

- Боюсь, немного неопрятно — - замечает директор в извиняющийся тон. - Но я вышлю тебе кости сегодня днем. а завтра вазы-уборщики смогут запылить столы и помыть пол.

- Отлично, - кивает доктор пул, - отлично.

Слияние в ту же комнату через неделю.

Скелеты были удалены, и благодаря уборщикам сосудов полы, стены и мебель почти чистые.

У доктора пула есть три выдающихся посетителя. Выставляя напоказ свои четыре рога и английская коричневая привычка общества Молох, архивариус сидит рядом с вождем, который обманывает богато украшенная униформа вице-адмирала ВМС США, недавно эксгумированные из Фореста Лужайка. На

почтительном расстоянии в тыл и в сторону два главы Церкви и государства, сидит директор Снабжение, все еще переодетый дворецким. Перед ними, в поза французского академика, готовящегося прочитать его последняя постановка перед избранной и привилегированной аудиторией он сидящий доктор пул.

- Могу я начать? - спроси его.

Руководители церкви и государства обмениваются взглядами; затем они поворачиваются к доктору Пулу и одновременно машут его согласие. Он открывает ваш блокнот и настраивает очки.

- Заметки об эрозии почвы и патологии растений в Южная Калифорния-читает громко. - С последующим предварительным отчетом О сельскохозяйственной ситуации и плане репарационных действий вперед.

Альфред Пул, Доктор Философии., доцент кафедры ботаники Оклендский университет.

Когда он читает, мы растворяемся в нити между предгорья гор Святого Гавриила.

Голый, за исключением того или иного кактуса, каменистый участок простирается-если он мертв и взобрался под лучами солнца.

Участок разветвленных оврагов бороздит склон холма.

Некоторые все еще находятся в зачаточном состоянии эрозии, другие вырыли свои путь глубоко в землю. Руины прочного дома, половина из которых уже затонула, они находятся в неустойчивом равновесии в край одного из этих странно зубчатых каньонов. На равнине, у подножия холма мертвые ореховые деревья выходят из высохшей грязи в котором последовательные дожди похоронили их.

Во время последовательности слышен звуковой гул голоса Доктор Пул.

- В истинном симбиозе, - говорит он, - есть взаимовыгодные отношения между двумя связанными организмами. Характерная особенность паразитизма, напротив, заключается в том, что

организм живет за счет другого. В конце концов, эти отношения односторонний приводит к летальному исходу для обеих сторон; ибо смерть хозяин не может быть лишним в смерти паразита, что убить. Отношения между Moderna Man и планетой, которой, до недавнего времени он считал себя Господом, а не симбиотические партнеры, но тот, который существует между ленточным червем и собакой зараженный, между грибком и мангровым картофелем.

Вырезать для босса. В своем гнезде черных бород, кудрявый, рот с красными губами открылся в огромной зевоте. За кадром доктор пул продолжает читать.

- Игнорирование очевидного факта, что опустошение ресурсов в конечном итоге это приведет к гибели их цивилизация и даже вымирание своего рода, человека Moderna продолжал, поколение за поколением, исследовать землю таким образом, что…

- Не могли бы Вы сократить эту историю? — спрашивает босс.

Доктор пул начинает с того, что показывает себя обиженным. В ибо он помнит, что он осужденный заключенный, подвергнутый испытанию между дикими, и заставляет нервную улыбку.

- Может быть, было бы лучше, — говорит он, - если бы мы обходились без большего давайте перейдем к разделу патологии растений.

- Что угодно, - повторяет босс, - пока вы сокращаете история.

- Нетерпение, - сентиментально раскалывает архивариус - это один из любимых пороков Белиала.

Тем временем доктор пул перевернул три или четыре страницы и он готов начать все сначала.

- Учитывая текущие почвенные условия, производство на акр было бы необычно низким, хотя основные растения еда была абсолютно здоровой. Но они не здоровый. После наблюдения за посевами в поле, после осмотрите сохраненные зерна, фрукты и клубни, после изучение образцов растений под микроскопом почти в идеальном состоянии, я могу с уверенностью сказать, что только есть ли объяснение количеству и разнообразию заболеваний растений которые в настоящее время травят в области; а именно, преднамеренное загрязнение

сельскохозяйственных культур с помощью насосов грибы, аэрозоли, несущие тлю, и другие насекомые переносчики вирусов. В противном случае, как объяснить распространенность и крайняя вирулентность Giberella saubinettii и da Puccinia graminis? Phytophthora infestans и Synchitrium эндобиотикум? Из всех мозаичных заболеваний, вызванных вирусами? Bacillus amylovorus, Bacillus carotovorus, Pseudomonas citri, из Pseudomonas tumefaciens, из Бактериум…

Вырезая свой речитатив почти до того, как он начался, Архивист прерывает его.

- И вы все еще поддерживаете, — говорит он, - что эти люди не я была одержима Белиалом! - Он качает головой. — Невероятно как предубеждение может ослепить даже самых умных, самые культурные…

- Да, да, мы все это знаем, - вмешивается начальник, нетерпеливый. - Но теперь давайте отложим в сторону светскую беседу и займись тем, что важно. Что вы можете сделать с этим все это?

Доктор пул прочищает горло.

- Задача, - говорит он с величием, - отнимет много времени и чрезвычайно трудная.

- Но я хочу больше еды сейчас, - говорит босс властно. - Это должно быть позже в этом году.

Несколько опасаясь, доктор пул оказывается вынужденным объяснить-ему устойчивые, разнообразия заводов не могут быть выращенные и испытанные менее чем за десять или двенадцать лет. И в в то же время существует проблема земли; эрозия уничтожая землю, ее нужно контролировать любой ценой. Но земляные работы, дренаж и удобрения колоссальны и будут иметь неустанно, год за годом. То же самое в в прошлом, когда было много рабочей силы и машин, мужчины не сделали то, что было необходимо для сохранения плодородие почвы.

- Это было не потому, что они не могли, — пишет архивариус. - Потому что они не хотели. Между второй и третьей войной у них было все время и все оборудование, из которых нуждаться. Но они предпочитали играть с политикой власти, и каковы были

последствия? - Он перечисляет ответы в толстые пальцы. - Большее недоедание для большего числа людей.

Большая политическая интранквитность. В результате национализма и более агрессивный империализм. И, наконец, вещь. И почему они предпочли уничтожить себя?

Потому что это то, что Белиал хотел, чтобы они сделали, почему он сам он завладел…

Босс поднимает руку.

— Пожалуйста, пожалуйста, - протестует. - Это не курс Ни апологетики, ни естественной Диабологии.

Мы пытаемся что-то сделать.

- И, к сожалению, это займет много времени, - говорит Доктор Пул.

- Как долго?

- Ну, через пять лет можно было бы остановить марш эрозия. Через десять уже будет заметное улучшение. В двадцать

годы, часть Земли могла бы восстановиться до семидесяти процент первобытной фертильности. Через пятьдесят лет…

- Через пятьдесят лет, - вмешивается архивист, - скорость уродство будет в два раза больше, чем в настоящее время. И через сто лет триумф Белиала будет полным. Абсолютно полный! — повторяйте с детским рожком. Делает знак рога, и если встань со стула. Однако я полностью за то, что этот джентльмен делай все, что можешь.

Слияние на кладбище Флолливуд. Travelling dos мавзолеи, с которыми наш предыдущий визит в Кампо-Санто уже нас ознакомился.

Полплоскость рядом со статуей Фледды Бодди.

Камера спускается с фигуры на пьедестал с ее надписью.

“… ласково окрестили публичный номер подруги Один. “Привязай свою машину к звезде”.”

Одновременно слышен шум Сапы, когда он в землю, затем треск песка и гравия, когда земля отбрасывается.

Камера отступает, и мы видим, как Лула оказывается в могиле втроем нижние ноги, скучно копать.

Звук шагов заставляет ее поднять глаза. Флосси молодая женщина пухлая из предыдущей последовательности, входит в сцену.

- Все будет хорошо? - вопрос.

Лула молча машет рукой и вытирает лоб спиной

рука.

- Когда отдашь в залежь, - продолжает пухленькая, - приходи дайте нам знать.

- Я все равно возьму еще хотя бы час, - говорит Лула безутешным голосом.

- Ну, Играй, девочка — - говорит Флосси Томом досадно сердечно от тех, кто читает приподнятый припев. — Давать все, что есть. Покажите им, что одна ваза может сделать так много сколько человек! Если вы работаете правильно-продолжайте, в тоне обнадеживает — может быть, суперинтендант позволит вам придерживаться нейлоновые чулки. Посмотрите на пару, которую я получил сегодня утром!

Она достает из кармана заветные трофеи. За исключением одного зеленоватое обесцвечивание в томе артелей, носки в идеальном состоянии

- О! - восклицает Лула с завистливым восхищением.

- Но с драгоценностями нам совсем не повезло — - рассказывает он Флосси, убирая носки. - Только обручальное кольцо и наркотик браслет. Будем надеяться, что эта не подведет нас.

Она шлепает мраморный живот своей подруги Общественность Номер Один.

- Ну, я должен вернуться, - продолжай. — Мы выкапывая вазу, которая находится под этим каменным крестом красный. Вы

знаете, эта большая, у северных ворот.

Лула делает это.

- Я пойду, как только сделаю первый удар, - говорит она.

Насвистывая мелодию “когда я созерцаю грозные рога”, пухленькая уходит со сцены.

Лула вздыхает и снова начинает копать.

Очень тихо, голос произносит ваше имя.

Она содрогается от насилия и поворачивается в сторону откуда пришел звук.

Средний план, с вашей точки зрения, для доктора Пула, который он осторожно выходит из-за могилы Рудольфа Валентино.

Вырезать, возвращаясь к Луле.

Она краснеет, затем смертельно бледнеет и берет руку к сердцу.

— Алфи, - бормочет он.

Он появляется на сцене, прыгает в яму рядом с ней и, не говоря ни слова, возьми ее на руки. Поцелуй страстный. Затем она прячет лицо на его плече.

- Я думал, что больше никогда ее не увижу — - говорит голосом прерывистый.

- Какую идею вы придумали обо мне?

Он снова целует ее, затем держит за плечи и посмотри на его лицо.

- Почему ты плачешь? — вопрос.

- Ничего не могу поделать.

- Ты даже красивее, чем я помнил.

Она качает головой, не в силах говорить.

- Улыбнись, - приказывает он.

- Я не могу.

- Улыбайся, улыбайся. Я хочу увидеть их снова.

- Что посмотреть?

- Улыбнись!

С усилием, но полной страстной нежности, Лула улыбается для него.

На их лицах ямочки выходят из долгой спячки от его печали.

— Вот они, - восторженно кричит он, - вот они!

Деликатно, как слепой, читающий Элеррик шрифтом Брайля, он проведите пальцем по ее лицу. Лула улыбается с меньшими усилиями, а ямочка углубляется под прикосновением. Он смеется от удовольствия.

В тот же момент шипящая песня ” Когда я смотрю на грозные рога ” вырастает из далекого пианиссимо через фортепиано для меццо Форте.

В лице Лулы появляется выражение ужаса.

- Быстрее, быстрее! - шепчет она.

С удивительной ловкостью доктор пул barafusta из дыра.

Когда пухленькая девушка снова появляется на сцене, он прислоняется в учебно случайном отношении к памятнику Публичная Подруга Номер Один. Под ним, в могиле, Лула копай как сумасшедший.

- Я забыл предупредить ее, что мы идем на обед через полчаса- начинается Флосси.

После этого, заметив доктора пула, он выпаливает восклицание удивления.

- Доброе утро, - вежливо говорит доктор пул.

Там тишина. Флосси смотрит от доктора пула на Лулу и де Лула для доктора пула.

- Что ты здесь делаешь? — вопрос подозрительно.

- Я еду в Святой Азазель, - отвечает он. — О Архивариус прислал сообщение с приглашением посмотреть его три конференции для семинаристов. Белиал в истории-его тема.

- Вы выбрали очень странный путь, чтобы пойти Святой Азазель.

— Я искал босса, - объясняет доктор пул.

- Ну, его здесь нет, - говорит пухленькая.

Наступила новая тишина.

— В этом случае, - говорит доктор пул, - мне лучше идти. Я не должен отвлекать ни одну из двух Мисс от их занятия-добавляет с искусственной живостью и полностью несогласие. — До свидания. До свидания.

Он делает месуру для двух молодых женщин, а затем влияет беззаботный воздух, он уходит.

Флосси сопровождает его взглядом, молча, затем сурово поворачивается к Луле.

- Послушай, девочка — - начинает.

Лула перестает копать и поднимает глаза изнутри ямы.

- Что это, Флосси? - вопрос с явным видом непонимание.

- Что это? - другая насмешливо бросается. — Сказать-МЕ, что написано на твоем фартуке?

Лула смотрит на фартук, затем, красный от смущения, от новое для Флосси. Его лицо краснеет от смущения.

- Что на нем написано? - толстушка настаивает.

- “Нет!”

- А что написано на этих этикетках?

- “Нет!”- повторяет Лула.

- А в других случаях, когда вы отворачиваетесь?

- “Нет!”

- Нет, нет, нет, нет, — решительно говорит пухленькая. - И когда закон говорит “Нет”, он имеет в виду “нет”. Ты это так хорошо знаешь сколько я, вы не знаете?

Лула кивает, что да, не говоря ни слова.

- Скажи, что знаешь, - настаивает другая. — Сказать.

- Да, я знаю, - наконец лепетает Лула почти голосом неслышный.

- Хороший. Так что не говорите, что вас не предупредили. Вдруг этот горячий иностранец когда-нибудь придет, чтобы снова обойти ее, это просто я сказать. Я позабочусь о нем.

Слияние с интерьером Святого Азазеля. Когда-то церковь Богоматерь Гваделупская, Святой Азазель прошел только через очень поверхностные изменения. В часовнях гипсовые изображения Святой Иосиф, Магдалина, святой Антоний Падуанский и Святой Роза Лима были просто окрашены в красный цвет и оснащены рогами. На главном алтаре ничего не изменилось, с исключение из распятия, которое было заменено парой огромных рога, вырезанные из кедрового дерева и украшенные буйство колец, наручных часов, браслетов, цепочек, серьги и ожерелья, выкопанные с кладбищ или найденные смешивание со старыми костями и с рассыпчатыми остатками скрин.

В нефе церкви около пятидесяти семинаристов в привычки Тоггенберга - с доктором пулом бородатый и в твидовом пальто в центре первого ряда-они сидели и сидели без дела, а с кафедры архивариус произнесите последние слова своей проповеди:

Как и в случае с порядком вещей, все могли бы, если бы если бы они хотели, чтобы они жили, так и в Белиале все они были или неизбежно будут обречены на смерть. Аминь.

Затянувшаяся тишина. Затем мастер послушников, если поднять. С большим мехом, семинаристы они идут и идут, два на два и с самым идеальный приличия, к западной двери.

Доктор пул готовится следовать за ними, когда слышит высокий и детский голос назовите его по имени.

Повернувшись, он видит, как архивариус машет по ступенькам с кафедры.

- Так что вы думаете о прелюдии? - визжит большой мужчина, когда вы приближаетесь к доктору пулу.

- Очень хорошо.

- Нет лести?

- Искренне и искренне.

Архивист удовлетворенно улыбается.

- Рад вас слышать, - говорит он.

- Мне особенно понравилось то, что вы сказали о религия в девятнадцатом и двадцатом веках: отступление Иеремии к книге судей, персонала и, следовательно, универсального для национального и следовательно, убийственный.

Архивариус кивает.

- Да, это было на три пути, - говорит он. - Если бы они остались в личные и универсальные, они были бы в гармонии с порядком из вещей, и Повелитель мух будет ликвидирован. Но к счастью, у Белиала были союзники по количеству: народы, церкви, политические партии. Он воспользовался своими предрассудками. Он исследовал свои идеологии. В то время, когда была произведена атомная бомба. Он вернул мужчин в психическое состояние до 900 г. до н. э.

- А потом, - говорит доктор пул, - мне понравилось то, что вы сказали о контактах между Востоком и Западом, о том, как он он убедил каждую сторону принять только худшее из того, что было у другой предложить.

Таким образом, Восток принимает западный национализм, вооружение “случайность”, “западное кино” и “западный марксизм”; Запад принимает восточный деспотизм, восточные суеверия и Восточное безразличие к жизни индивида. Нума слово, он позаботился о том, чтобы человечество объединило худшее из два мира.

- Представьте, если бы вы договорились о лучшем! - визжит Архивариус. - Восточный мистицизм, гарантирующий, что наука Запад должен быть надлежащим образом применен; искусство жизни Восточное очищение западной энергии; западный индивидуализм смягчение Восточного тоталитаризма. - Он бьет головой благочестивый ужас. - Да ведь это было бы Царство Небесное. К счастью для благодать Белиала была сильнее, чем благодать другого.

Он пронзительно смеется; затем положив руку на плечо доктора пула, направляйтесь с ним в ризницу.

- Знаешь что, пул, — говорит он, - у меня он в большая признательность. - Доктор пул бормочет свой смущенный распознавание.

- Вы умны, вы образованы, вы знаете все виды вещей что мы никогда не узнаем. Не могли бы вы мне очень помочь, и я, в свою очередь, это может быть очень полезно для вас; то есть-добавляет — если бы вы стали одним из наших.

- Один из ваших? - повторяет доктор пул.

- Да, один из наших.

Понимание вырисовывается на выразительном переднем плане с лица доктора пула. Он испускает встревоженное ” о!”.

- Я не буду его скрывать — - говорит архивариус, - что хирургия не является ни полностью безболезненной, ни вовсе освобожденной от опасность. Но преимущества, полученные в принятии священства они были бы такими, что они бы компенсировали любой незначительный риск или дискомфорт. И мы не должны забывать…

- Но, Ваше Преосвященство… - протестует доктор пул.

Архивигарий поднимает недельную влажную руку.

- Минутку, пожалуйста, - сурово восклицает он.

Его выражение лица настолько непомерно, что доктор пул спешите извиниться.

- Простите.

- Прощен, мой дорогой пул, прощен.

Еще раз архивариус-это все дружелюбие и снисходительность.

- Ну, как я уже говорил, - продолжает, - Мы не должны забыть, что, проходя через то, что мы можем назвать физиологическое преобразование, вы будете защищены от всех соблазнов тот, который, как немутантный мужчина, будет совершенно уверен подверженный.

- Без сомнения, без сомнения, - соглашается доктор пул. - Но я могу вас спасти…

- Что касается искушений, - утверждает архивариус ни один человек не может ничего спасти. никто.

Доктор пул вспоминает недавнее интервью с Лулой в кладбище и чувствует себя румянцем.

- Разве это не радикальное заявление? - реплика без много убеждений.

Архивист качает головой. — По этим вопросам — - говорит он - ты никогда не сможешь

быть слишком радикальным. И позвольте мне напомнить вам, что происходит с которые поддаются таким искушениям. Обрывы и участок захоронение всегда в режиме ожидания. И вот почему в вашем собственный интерес, для вашего будущего счастья и душевного спокойствия, я я советую вам (и больше, я умоляю вас и умоляю) присоединиться к наш заказ.

Там тишина. Доктор пул глотает в сухом виде.

- Я бы хотел, чтобы у меня было время подумать над этим вопросом — - говорит он

конец.

- Естественно, естественно, - соглашается архивариус. — Нет никакой спешки. У вас есть неделя, чтобы подумать.

- Неделю? Я не думаю, что смогу решить через неделю.

- Две недели, - говорит архивариус и, как доктор пул продолжайте качать головой: - четыре-сгребать -, шесть, если хотите. Я не тороплюсь. И только за тебя я волнуюсь. — Он постучите по плечу доктора пула. - Да, мой дорогой друг, ради тебя.

Слияние для доктора пула, работающего на его horto экспериментальная пересадка рассады томатов. Почти шесть прошли недели. Его коричневая борода

значительно более пышный твидовый пиджак и брюки фланель значительно грязнее, чем когда мы его видели в прошлый раз. Он носит коричневую рубашку с овсянкой и мокасины местного производства.

Когда последнее из его маленьких растений находится в земле, он выпрямляется, растягивается, трет больную спину, затем ходит медленно до конца огорода и позволяет себе оставаться неподвижным, созерцая панораму.

На общем плане мы видим, как будто его глазами, огромная перспектива заброшенных фабрик и разрушенных домов, на расстоянии, обрамленном горным хребтом, который он отступает, гребень за гребнем, на восток. Тени лужи Анила, и в богато золотом свете больше деталей пульты выделяются четкими, крошечными и идеальными, как изображения объектов в выпуклом зеркале. На переднем плане, нежно высеканный и поставленный точки почти горизонтальным светом, даже самые голые участки хохлатой Земли показывают неожиданная роскошь текстуры.

РАССКАЗЧИК

Бывают случаи, и это один из них, когда кажется, что мир целеустремленно красиво, в том, что это как разум в вещи решили внезапно стать явными для всех, кто вы видите сверхъестественную реальность, которая скрывается глубоко внутри. судя по всему.

Доктор пул двигает губами, и мы ловим легкий бормотание его слов:

For love and beauty and delight

There is no death nor change; their might

Exceeds our organs, which endure

No light, being themselves obscure. 1

“Для любви, красоты и удовольствия / нет смерти или мутации; его сила / превышает наши органы, которые не поддерживают lu % будучи они сами неясны. (П. Б. Шелли-Чувствительное Растение.) (Н. Т.)

Он поворачивается на пятках и направляется обратно к входу. Орто. Прежде чем открыть ворота, осторожно осмотритесь. Нет никаких признаков враждебного наблюдателя. Успокоенный, он выскакивает наружу и почти затем изгибает путь. извилистая между дюнами. Еще раз ваши губы двигаются:

I am the Earth,

Thy mother; she within whose stony veins To the last fibre of the loftiest tree,

Whose’thin leaves trembled in the frozen air,

Joy ran, as blood vithin a living franc,

When thou didst from her bosom, like a cloud О славе, о восстании, о духе Кин Джой.

От ярлыка доктор пул выходит на улицу, окруженную маленькие виллы, каждая со своим гаражом и каждая окруженный бесплодным пространством, которое когда-то было садом с газоны и цветы.

- “Дух яркой радости”, - повторяет он, затем вздыхает и качает головой.

РАССКАЗЧИК

Радость? Но радость давно убита. Только выживает хихиканье демонов вокруг столбов мученичества, вой одержимых, совокупляющихся во тьме. Радость только он существует для тех, чья жизнь гармонирует с созданным порядком люди. Для вас,

просветленных, которые, по вашему мнению, могут стать лучше, это Порядок для вас, разъяренные, мятежные, непослушные, радость быстро становится чужой. Те, которые обречены страдать от последствий вашей невнимательности.

они никогда даже не подозревают о его существовании. Любовь, радость и мир — это плоды духа, который является вашей сущностью и сущностью

1 Я Земля, / Мать твоя; та, в чьих каменных жилах, *до последнее волокно самого высокого дерева,* чьи тонкие листья дрожали в воздухе лед, *радость текла, как кровь в живом организме,* когда ты твоя грудь, как облако / из gl 6ria, ты вознесся, дух яркого радость. (П. Б. Шелли-Vrometheus Unbound, 1ato.) (Н. Т.)

мира. Но плоды разума обезьяны, плоды simiesc презумпция и бунтарство, ненависть, непрекращающееся беспокойство и хроническое отчаяние, сдерживаемое только заблуждениями, все еще страшнее, чем он сам.

Тем временем доктор пул продолжает свой путь.

- Мир полон лесников, - говорит он себе.

The vorld is full of woodmen, who expel love's gentle dryads from the trees of life And vex The nightingales in каждый гастроном. 2

РАССКАЗЧИК

Дровосеки с топорами, убийцы дриад с ножи, соловьи мучители со скальпелями и ножницами хирургический.

Доктор пул вздрагивает и, как тот, кто чувствует себя оскорбленным злое присутствие, застывает шаг. Внезапная остановка и многое другое один раз осмотритесь.

РАССКАЗЧИК

В городе с двумя с половиной миллионами скелетов, наличие

нескольких тысяч живых вряд ли ощутимый. Ничего не двигается. Тишина полная, среди всех

эти маленькие и удобные буржуазные руины, кажется, сознательны и, в некотором смысле, заговорщический.

“Мир полон лесорубов, которые изгоняют / нежная дрия des любви деревьев жизни / и мучают Соловьев в каждом грота. (П. Б. Шелли-Вудман и Соловей tbc.) (Н. Т.)

С пульсациями, ускоряющимися надеждой и страхом разочарованный, доктор пул уходит с дороги и поспешно уходит по тротуару, ведущему в гараж 1993 года. Висеть из ржавых петель лежат полотна двойной двери приоткрытый. Он скользит между ними в полутень. заплесневелый. Через отверстие в западной стене гаража, тонкая скромность заходящего солнца показывает левое переднее колесо из четырехдверного седана Chevrolet Super de Luxe и в земля рядом с ней, два черепа, один взрослый, другой очевидно, в детстве.

Доктор пул открывает единственную из четырех дверей, которой нет застревает и исследует темноту интерьера.

- Лула!

Он садится в машину, сидит рядом с ней на сгнившая обивка заднего сиденья и возьми ее за руку на потеть.

- Милая!

Она записывает это, не говоря ни слова. В его глазах есть выражение почти ужас.

- Так тебе удалось сбежать?

- Но Флосси все еще подозрительна.

- К черту Флосси! - говорит доктор пул тоном, что он стремится быть беззаботным и обнадеживающим.

- Она продолжала задавать вопросы, - продолжает Лула. - Я сказал она собиралась искать иголки и столовые приборы.

— Но единственное, что вы нашли, это ваш слуга.

Он нежно улыбается ей и подносит руку к губам; но Лула качает головой.

- Алфи… пожалуйста!

Его тон-мольба. Он опускает ей руку, не целуя ее.

- Но ты все еще любишь меня, не так ли?

Она смотрит на него очень открытыми глазами, напуганная и нерешительная, потом поверни лицо.

- Не знаю, Алфи, не знаю.

- Да, я знаю — - твердо говорит доктор пул.

- Я знаю, что люблю ее. Я знаю, что хочу быть рядом с тобой.

Навсегда. Пока смерть не разлучит нас, - добавляет он всем рвение чувственного интроверта, внезапно обращенного в объективность и моногамия.

Лула снова качает головой.

- Все, что я знаю, это то, что меня здесь не должно быть.

- Но это глупо!

- Нет, это не так. Я не должен быть здесь сейчас.

Я не должен был приходить из других случаев. И против закона.

Е. против всего, что думают люди. И против него-собирает после кратковременной паузы. Замученное выражение лица сокращается-его лицо. - Но тогда почему он сделал меня таким образом что я могу чувствовать то, что чувствую к тебе? Почему он меня он сделал то же самое… к этим… - Она не может решить, произнести слово “проклятие”. - Я встретил одного из них — это продолжается тихим голосом. - Он был добр… почти так же нежно, как ты. И они убили его.

- Какой смысл думать о других? - сделай доктора. Пул. - Давайте подумаем о нас. Давайте подумаем о том, как мы можем быть счастливы, как мы были счастливы два месяца назад. Вы помните. Лунный свет… И как темно было в тени! И в душе аромат агресте

воспринимается за пределами чувств…

- Но тогда мы не поступали плохо.

- Мы сейчас не ведем себя плохо.

- Нет, нет, сейчас все совсем по-другому.

- Ничем не отличается. - он настаивает. - Я ничего не чувствую отличается от того, что я чувствовал тогда. И Вы тоже.

- Да, - протестует она, слишком громко, чтобы выразить убежденность.

- Нет, Не чувствуй.

- Да, чувствую.

- Не чувствуй. Вы сами только что сказали. Вы не похожи остальные люди, слава Богу!

- Алфи!

Она делает знак из умилостивительных рогов.

- Они превратились в животных, - продолжает он. — Ты не. Вы все еще человек, нормальный человек, с нормальные человеческие чувства.

- Нет.

- Да, да.

- Это неправда, - стонет она. - Это неправда.

Она закрывает лицо руками и плачет.

- Он меня убьет, - рыдает.

- Кто ее убьет?

Лула поднимает голову и с тревогой смотрит через плечо, через заднее стекло автомобиля.

— Он. Он знает все, что мы делаем, все, о чем мы думаем. или мы чувствуем.

- Может быть, вы знаете, - признается доктор пул, чьи либеральные взгляды-протестанты о демоне значительно изменились в последние несколько недель.

— Но если мы чувствуем, думаем и делаем то, что правильно, он это не причинит нам вреда.

- Но что правильно? - спроси ее.

В течение секунды или двух он улыбается ей, не говоря ни слова.

- Здесь и сейчас, - говорит он наконец, - это правильно.

Он скользит одной рукой по ее плечам и тянет ее для вас.

- Нет, Алфи, нет!

Охваченная паникой, она пытается освободиться; но он держит ее твердо.

— Это правильно, - повторяю. - Может быть, это не всегда и везде. Но здесь и сейчас, это, без сомнения.

Он говорит с силой и авторитетом полной убежденности. Никогда во всей своей неопределенной и разделенной жизни он так ясно думал или действовал так решительно.

Лула внезапно перестает сопротивляться.

- Алфи, ты уверен, что это правильно? Абсолютная уверенность?

- Абсолютный, - отвечает он из глубины своей новой, авто-напористый опыт. Очень ласково, он обнимает его волос.

- “Смертная форма”, - шепчет он, - ” покрытая любовью и жизнь, свет и божественность. Метафора Весны и молодости и Рассвет, видение, как воплощенный апрель.”

- Продолжай, - цицияла она.

Его веки сжаты, на лице такое выражение сверхъестественное спокойствие, которое можно увидеть на лице мертвых.

Доктор пул начинает все сначала:

And we will talk, until thoughPs melody Become too sweet for utterance, and it die In words, to live again in looks, which dart With thrilling tone into the voiceless heart,

Гармонизация тишины без звука.

Our breath shall intermix, our bosoms bound And our veies beat together, and our lips With other eloquence than words, eclipse The soul that burns betveen them, and the wells Which boil under our being's inmost cells,

The fountains of our deepest life, shall be Confused in Passion's golden purity;

Маунтин-Спрингс под утренним солнцем,

We shall become the same, me shall be one Дух в двух кадрах, о! где два?

Там долгая тишина. Внезапно Лула открывает глаза, лента- интенсивно в течение нескольких мгновений, а затем бросает его руки к шее и страстно целует его в губы. Но как только он опоясывает ее более близко, она отделяется и отступает к крайность сиденья.

Он пытается приблизиться, но она останавливает его своими руками. простирать.

- Это не может быть точно, - говорит она.

- Но это так.

Она качает головой.

- И, слишком хорошо, чтобы быть уверенным, я был бы слишком счастлив, если бы быть. Он не хочет, чтобы мы были счастливы.

- Перерыв. - Почему вы говорите, что он не может сделать нас плохо?

“И мы будем говорить, пока мелодия мысли I не станет сладкой слишком много, чтобы быть произнесенным, и умереть / в словах, чтобы возродиться во взглядах, которые проникают с ярким тоном, сердце заглушается, J наполняется гармонией. тишина без звука. *Наше дыхание будет смешиваться, наши сиськи прыгнутьf*

наши вены будут пульсировать вместе, наши губы с другой элокиентностью но они не будут говорить, они будут затмевать душу, которая горит между ними, и источники *которые кипят под самыми сокровенными клетками нашего существа,* источники наша глубочайшая жизнь, они из *путают в золотой чистоте Страсть;* как источники гор под солнцем рассвета, *мы будем даже мы будем одним* духом в двух телах, о! почему два? (П. Б. Шелли-Эпипсихидион, В. В. 560574.) (Н. Т.)

- Потому что есть что-то более сильное, чем он.

- Что-нибудь сильнее? - Она качает головой.

- С этим он всегда боролся… и он победил.

- Только потому, что люди помогли ему победить. Но они им не нужно ему помогать. И помните, он никогда не сможет победить навсегда.

- Почему бы и нет?

- Потому что он никогда не сможет устоять перед искушением принять зло до предела. И каждый раз, когда зло доводится до предела, он

уничтожает себя. После чего порядок вещей возвращается к поверхность.

- Но это будет в далеком будущем.

- Для всего мира, да. Но не для отдельных лиц изолированные, не для вас или для меня, например. Что хочет что Белиал мог сделать с остальным миром, ты и я мы всегда можем действовать в соответствии с порядком вещей, и не против нее.

Затем следует еще одно молчание.

— Я не совсем понимаю, что ты говоришь — - говорит она за конец - но мне все равно. - Она снова подходит к нему и откиньте голову на плечо.

- Меня больше ничего не волнует, - продолжает он. - Он может убить меня., если хотите. Все нормально. Теперь все нормально.

Она поднимает лицо к нему и, как он наклоняется к поцеловать

ее, изображение на экране исчезает в темноте ночи без Луны.

РАССКАЗЧИК

L'ombre était nuptiale, auguste et solennelle. Но на этот раз это свадебная тьма, торжественность которой не нарушается мяуканьем, ни для Либестодов, ни для саксофонов, умоляющих детумесценция. Музыка, которую заряжает эта ночь, ясна., но не описательный; точный и определенный, но о реалиях без имя; обволакивающая жидкость, но никогда не вязкая, никогда с более легкая склонность собственнически прилипать к тому, к чему прикасается, и понять. Песня в духе Моцарта, нежно веселый среди постоянных последствий трагедия; музыка, родственная музыке Вебера, аристократическая и утонченная, но способная на самую беспечную радость и самое полное чувство бедствия мира. И будет, может быть, один взгляните на то, что в Ave Verum Corpus, в квинтете в Соль минор, это за пределами мира Дона Жуана? Он будет уже один взгляните на то, что (иногда у Баха и у Бетховена,

в этой высшей полноте искусства, которая сравнивается со святостью) он выходит за рамки романтической интеграции трагического и ликующего, человек и демон? И когда в тени голос любовник еще раз шепчет о смертной форме, покрытой любви, жизни, света и божественности уже будет принцип понимание того, что помимо Epipsychidion существует Adonais кроме Адонала, бессловесное учение о чистых Сердце?

Слияние для лаборатории доктора пула. Солнечный свет выливается в высокие окна и кладет ослепительное отражение в трубу. микроскоп из нержавеющей стали на рабочем столе. А кусок пуст.

Внезапно тишина нарушается звуком шагов, которые они приближаются; дверь открывается, и все еще дворецкий в мокасинах, директор снабжения заглядывает внутрь.

- Пул — - начинает он, - Его Высокопреосвященство здесь…

Он прерывает себя, и выражение удивления рисует себя на его лице.

— Его здесь нет, - говорит он архивариусу, который теперь провожай в комнату.

Большой человек поворачивается к двум родственникам, которые смотреть.

- Они проверят, находится ли доктор Пул в экспериментальном центре. — повелеть.

Члены семьи наклоняются, визжат “да, Преосвященство ” в унисон, и они уходят.

Архивариус занимает место и доброжелательно кивает директор, чтобы он последовал его примеру.

- Я думаю, что не сказал ему, - говорит он, - что я пытаюсь уговорить нашего друга принять религию.

- Надеюсь, Ваше Преосвященство не намерено лишить нас вашего бесценного сотрудничества в области производства о еде — - с тревогой говорит директор.

Архивариус успокаивает его.

- Я позабочусь о том, чтобы у него всегда было время дать ему мнения, которые необходимы. Но в то же время я хочу обеспечить пусть Церковь извлекает выгоду из своих талантов и…

Члены семьи снова входят в комнату и кланяются.

- И что?

- Он не встречается в Орто. Высокопреосвященство.

Архивигариум холерически сморщивает верхушку на директор, который титубирует под его взором.

- Если я не ошибаюсь, Господь сказал мне, что сегодня это был день, когда он работал в лаборатории?

- Да, Ваше Преосвященство.

- Тогда почему его здесь нет?

- Я не могу себе представить. Высокопреосвященство. Никогда не

знал, что он меняйте расписание, не общаясь со мной.

Там тишина.

- Мне это не нравится, - напоследок говорит архивариус.

- Мне это совсем не нравится. - Он поворачивается к родственникам:

- Бегите обратно на базу и отправьте полдюжины человек. на лошадях в поисках тебя.

Члены семьи наклоняются, визжат одновременно и исчезать.

- А что касается Господа, - говорит архивист, обращаясь к бледная, жалкая фигура режиссера-если что-нибудь есть если это произойдет, вам придется объясниться.

Он восстает с величественным гневом и направляется к великим проходы к двери.

Слияние для ряда сборочных планов.

Лула с ее кожаный шпигат и доктор пул с предварительно вещь военный рюкзак на спине поднимаются на обвал, который блокирует одну из этих автомагистралей великолепно построенные, остатки которых все еще бороздят, как шрамы склоны гор Святого Гавриила.

Вырезать для продуваемого ветром гребня. Два беглеца они смотрят на огромные просторы пустыни Мохаве.

Затем мы встречаемся в сосновом лесу на северный склон серрании. Это ночь. В лунном пятне между деревья, доктор пул и Лула спят под одним и тем же грубым одеяло.

Вырезать в каменистый каньон, ко дну которого проходит поток. Влюбленные остановились, чтобы выпить и наполнить их фляги.

И теперь мы находимся в предгорьях над поверхностью пустыня. Среди кустов Сальвы, юкки и можжевельника прогулка легко. Доктор пул и Лула выходят на сцену и камера сопровождает их, когда они шагают вниз кулон.

- Болят ноги? - спрашивает он с осторожностью.

— Не очень.

Она смело улыбается ему и качает головой.

- Я думаю, что хорошо, что мы немного остановимся и поем что угодно.

- Как вы считаете нужным, Алфи.

Он достает из кармана старую карту и изучает ее, пока продолжай идти.

- Мы все еще в тридцати милях от Ланкастера — он говорит. - Восемь часов ходьбы. Мы должны сохранить наши силы.

И как далеко мы доберемся завтра? - спрашивает Лула.

- Немного за Мохаве. И по моим подсчетам нам понадобится не менее двух дней, чтобы пересечь Техачапис и добраться до Бейкерсфилда. - Он снова держит карту в кармане. — Мне удалось получить часть информации от директора — продолжать. - Он говорит, что эти северяне очень хорошо принимают беглецы из Южной Калифорнии. Они не сдают их, даже если правительство просит их официально.

- Спасибо Бею… слава Богу, - говорит Лула.

Наступила новая тишина. Внезапно Лула Кола.

- Смотри! Что это?

Она указывает, и с ее точки зрения мы видим у подножия кактус слишком высокий бетонная плита, разрушенная временем, посажен наклонно во главе древней могилы, покрывается овсяницей и гречкой.

- Кто — то, должно быть, был похоронен здесь, - говорит доктор пул.

Они приближаются, и на плоскости, близкой к надгробию, мы видим, в то время как голос доктора пула читает вслух, следующая надпись:

Уильям Таллис 1882 - 1948

Why linger, why turn back, why shrink, my Heart?

Thy hopes are gone before: from ali things here They have departed, thou shouldst now depart! 1

Вырезать, возвращаясь к двум влюбленным.

- Должно быть, он был очень грустным человеком, — говорит Лула.

- Может быть, не так грустно, как вы думаете, - повторяет доктор. Пул, распутывая себя из тяжелого рюкзака и сидя вместе к могиле.

И пока Лула открывает свой фарнель и достает хлеб, фрукты, яйца и полоски вяленого мяса, он переворачивает страницы своей двенадцатиперстной кишки. Шелли.

- Вот оно, - говорит он наконец. - И курорт сразу после этого, который цитируется здесь.

That Light whose smile зажигает Вселенную That Beauty in which all things work and move That Benediction, which the eclipsing Curse Of birth can quench not, that sustaining Love Which through the web of being blindly move By man and beast and earth and air and sea,

Burns bright or dim, as each are mirrors of The fire for which all thirst, now beams on me Consuming The last clouds of cold mortality 2

1

Зачем колебаться, почему volverse, почему неохотно, мое сердце?/ Твой надежды ушли; из всего здесь / они ушли, теперь dev s tu партири (П. Б. Шелли-Адонайс, ЭСТ. ЛИИ.) (Н. Т.)

“Этот Лу ˆ чей сонисо оживляет Вселенную, / эта Белеча, в которой все действует и действует движение, *это благословение, которое проклятие* рождение не может задушить, это Неугасимая любовь, *что через сюжет бытия, слепо сплетенный* по человек, зверем, землей, воздухом и морем, *горит ярко или слабо, ибо каждый, кто является зеркалом* пламени, которого все жаждут,

fulge сейчас на меня, / поглощая окончательные облака холодной смертности. (П. Б. Shelley-Adonais, est. Лив.) (Н. Т.)

Там тишина. После того, как Лула протягивает ему вареное яйцо. Он он щелкает против надгробия и, к шелушению, распространяет белые фрагменты коры над гробницей.

КОНЕЦ

Олдос Хаксли, хорошо известный в Бразилии через более чем дюжина переведенных томов была отмечена критиками мир как один из самых умных писателей этого века. Обладатель выдающейся эрудиции, проницательный психолог и выдающийся стилист, беспокойный и разносторонний дух стремится к экспериментам постоянная новых концепций и новых форм выражения, в его творчестве представлены самые разные литературные жанры: сказка и Роман, философское эссе, биография и критика, поэзия и драма.

Во всех из них всегда раскрывается прежде всего мыслитель кто пишет прессованный для срочности, чтобы передать нам его понимание больших человеческих проблем. Это в ваших очерки, которые мы найдем сжатой суть его диалектика. Тем не менее, таким образом они соединяются в нем с глубина философа с виртуозностью художника и с богатство творческого воображения, которое, несомненно, через художественная литература, где трагический взгляд на мир превращается в юморизм горький, но наполненный чувствительностью, который он утверждает во всем его полнота как одной из самых очаровательных личностей в moderna Literature.

Обезьяна и сущность, впервые опубликованная в Соединенные Штаты в 1948 году, это один из самых характерных продуктов из хакслианской фантазии и небольшого шедевра стиля, изобретательность и драматическая сила.

Тема и тезис не новы. С библейских времен, добрые люди стремятся строить видения будущего. Но это особенно это наш век головокружительных преобразований - с поразительным научно-техническим прогрессом последней сотни годы, с новыми идеологиями, которые произошли от него, с революция образа жизни и мышления и ценностей - что обеспечивает самые необычные материалы для спекуляции вокруг порвира. Сегодня

больше, чем когда-либо, мыслители всех школ, либо путем холодного анализа дискурсивные, будь то полеты фантазии, стремятся следовать линиям эволюция человеческого рода к исходу, природа которого

прогнозируемые изменения в зависимости от темперамента и наклонностей каждого пророк, от царствования утопии, от завоевания новый золотой век, до самоуничтожения расы, до завершение Jui ‘ 20 финал.

Хаксли, чьи прогнозы относятся к последней категории, он настойчиво рассказывал нам о своих глубоких опасениях, и он показал себя хорошим пророком, когда уже в 20-е годы он был от первых изолированных голосов, чтобы взволновать проблемы, которые сегодня они мобилизуют защитников природы, нудистов, экологов и пацифистов, и точно предсказывая волну террористического насилия, которая он ошеломляет мир в беспрецедентных масштабах. В жанре “романтика будущего” потрясла нас более тридцати лет назад, с ее дивный новый мир, потрясающее описание общество привело к новой форме варварства культом дегуманизация машины. Крайний пессимист, заявляет неоднократно не мог представить себе решение, которое отвлекает история человечества из Рокового эпилога. Эволюция события с тех пор, и особенно второй Великая война не только укрепит его в этом убеждении, как предложить вам новую форму для рекламируемой развязки.

В обезьяна и сущность, который, таким образом, может быть взят преемник дивный новый мир, действие находится в принципы XXII века, чтобы разоблачить апокалиптическое видение руины опустошенного мира, сто с лишним лет назад, Третья мировая война, война, которая использует оружие атомные и бактериологические сократили продолжительность на три коротких дня. Уловка сочинения сюжета в виде сценария кинематографический здесь представляет собой отличную находку, адаптирующую-если, с одной стороны, к фантастическому элементу аргумента, с другой использование аллегории и собственных ресурсов по сути, пластическое и динамичное искусство, с помощью которого создается аутентичный процесс визуализации.

Книга была написана в 1947 году, поэтому под прямым вдохновением от волнения, что отголоски взрывов Хиросимы и

Нагасаки они потрясли мир, сигнализируя о наступлении атомного века. Не

удивительно, что ватиканы Хаксли достигли вершины пессимизм, пусть его суждение о человеческой природе принимает беспрецедентное насилие, пусть его ирония завершится жуткий род.

Многим свой пессимизм покажется чрезмерным. Взятый в его убеждения больше по желанию, чем по пониманию, человек вообще неисправимый оптимист. В остальном следует учитывать, что это все еще относительно легко надеяться на лучшее, когда один из к счастью для тех, для кого недавние катастрофы сводились к коллекция заголовков, несколько размытых фотографий и полдюжины не впечатляющих статистических данных, эти же уже несколько удаленные в памяти. Однако этот оптимизм должен предполагать остаток веры в человеческие добродетели. И в современном мире живут миллионы существ, которые видели своими глазами или чувствовали себя в собственная плоть несправедливость и жестокость доводятся до крайности больше и от кого, несомненно, будет трудно ожидать такого рода веры.

Как бы то ни было, достаточно одного взгляда на заголовки газет день чистый, если окажется, что роман не пропустил ни одного взноса даже его актуальность. История, которая здесь рассказывается тоном фарс относится к областям возможного и вероятного, представляет в действительности страхи, в большей или меньшей степени присутствующие в фу.я осознаю каждое существо, и это невозможно. пролистывай страницы без дрожи. Если какой-либо ремонт в том, что прогнозы экспертов относительно последствия ядерной войны сегодня гораздо более мрачны.

Любой, кто знает работу Хаксли, знает, что он не указывает решение. Для него марш к бездне больше не может быть задержанные, и редкие люди, способные сегодня собрать в себе атрибуты полноценной и гармоничной жизни находятся безнадежно обречены на провал и запрет на современное общество Moderna plutocratic и вульгаризация господства машина. Несмотря ни на что, он настаивает на необходимости любви и толерантность как единственные силы, способные противостоять державам зло. Именно в конфигурации этого тезиса, что дает нам

свои страницы больше

трогательно, и следует отметить, как именно в сложной суперпозиции из Иронии и лиризма, в чередовании гротеска и поэтики (что напоминает нам о другом гениальном художнике, Чарльзе Чаплине), проживает секрет его драматического воздействия. Но их призывы имеют том, кто знает, что проповедует в пустыне, и единственные слова надежда, которую мы слышим от него, обусловлена завершением из трагедии: “каждый раз, когда зло доводится до предела, он уничтожает себя. После чего порядок вещей возвращается к поверхность”.

Нелегко определить в нескольких словах личность так сложно и противоречиво, тем более, когда его учение он не образует многослойное тело, характеризующееся скорее непрерывная эволюция — в некоторых отношениях иногда несколько парадоксальный. - в котором мы можем разделить, хотя и не прослеживая их определенные границы, по крайней мере, три отдельных этапа.

Революционные сатиры его юности, которые отмечают их ” разрушительная фаза” - это осколки, направленные против общества — особенно так называемое “высшее” общество, как и оно

знал близко - с его пороками, его снобизмом, его эскапизм, его бессознательность реальности, его скука жизни.

О том, что осталось от сноса, Хаксли стремится сформировать к вашему идеалу ético. Делает заявление агностицизма и, ссылаясь на пантеистические культы Древней Греции и Эпохи Возрождения прослеживают его гуманистическая философия “поклонника жизни”: его постулаты это те, что “жизнь на этой планете драгоценна сама по себе,

независимо от каких-либо намеков на гипотетические миры и что ” конец жизнь-это жизнь”. Тело и душа, инстинкт и разум-это

богоподобные проявления и имеют равное право на

существование. Человек, по своей природе разнообразный и бессвязный внутри от вашего подразделения, должен иметь дух открыт для всех различных формы истины, он должен принять свои множественные ” я ” и с все они живут интенсивно. Из ”

сбалансированных излишеств” это приведет к богатой жизни целостного человека. Все ” излишества не уравновешенные ” - аскетическое умерщвление как разврат

убаюкивающий, чистый интеллектуализм, как охота за деньгами или к легким удовольствиям-это грехи против жизни и поэтому так много других форм культа смерти.

Но такое учение продумано, а не прожито, это продукт разработан умом, а не проявлением его природы личный. Хаксли, который показывает себя через жалкие признания Филиппа Куорлза, Энтони Бивиса или Фрэнсиса Челифер застенчивый, неумелый и глубоко интроверт, доминирующий над интеллектуальной страстью, способный понять и рационализировать все эмоции и все чувства, но это уклоняется от нарушенных предписаний комплекс практической жизни и личных контактов, которые только находит убежище и свободу в изоляции от себя внутренний мир. Его мучительный взгляд на жизненные проблемы он не находит решений в пространстве и времени. Этот драматический конфликт, возможно, объясняет последний этап его развития: его мистические тенденции, в некотором смысле всегда проявляются, наконец они преобладают, побуждая его углубляться в исследования жизни и из сочинений великих мистиков всех эпох, как Запад, как Индия и Китай, чтобы сжать их мысль в антологии и экспериментальное начало в явления экстаза. Гуманистическая концепция уступает место постулаты того, что Лейбниц назвал “вечной философией”” и что для Флаксли это ” самый общий делитель всех теологии”: высшая цель человека на Земле - это непосредственное и единое знание божественного принципа всего существование, и такое знание может быть достигнуто только бедными духом и чистым сердцем. Нет больше ” жизни ради любви жизнь ” и правило сбалансированных излишеств, но аннулирование воля, отрицание себя и блаженное общение с Абсолютный.

Какими бы тревожными ни казались противоречия участвуя в этой метаморфозе, они не мешают нам зафиксировать общий характер мысли хакслея, потому что даже там, где изменились предпосылки, практические выводы остались в

сущность без изменений. Хаксли по сути является индивидуалист

и аристократ (в лучшем смысле этого слова), и об этом свидетельствует его интерпретация истории, которую он знак отказывается признать наукой: в полной оппозиции к исторические материалисты, для которых индивидуальные действия и творения это не что иное, как плоды социальной эволюции, управляемой законами что ничего или очень мало общего с изолированным человеком, и что они имеют ценность только в свете этой эволюции, он продолжает верить в индивидуальный человеческий разум как движущая сила цивилизации и как высшая ценность в себе. Отсюда его презрение к Обычный человек, невозмутимый среднестатистический гражданин золотая середина, которая для него не что иное, как составной элемент аморфная и абулическая масса, слепо управляемая меньшинствами людей-тиранов, мыслителей или святых, чьи жизни не ограничивают в пределах умеренности:"… огромный Левиафан человечество посредственных щеголяет своей огромной задницей, так тяжелый, который почти не может двигаться; когда носок ботинка бьет, указывает с глухим шумом. Иногда, когда удары более жестокие и лучше управляемые, чем обычно монстр слегка шевелится. Это те изменения, которые сто лет назад, хороший-том согласился назвать: прогресс"" Отсюда и полная осознание того, что его этика никогда не применялась к человечеству в целом: "для моралиста доктрины поклоняющегося жизнь может показаться подрывной и опасной; на самом деле, ' Fay ce что vouldras 'Телема обращался исключительно к" gens libères, bien nez, bien instructz, conversans en compagnies honnestes'. Для других запреты, исходящие извне, в виде полицейские, и исходящие изнутри, в виде суеверия всегда будут необходимы"" И еще: "жить гармонично это вопрос осязания и чувствительности, рассуждение, равновесие, непрекращающаяся корректировка; и это требует пусть он будет хорошо образованным и аристократичным, с точки зрения морально, по привычке и инстинкту".

В отличие от научных историков, он отрицает Хаксли ставит судьбы человечества с точки зрения фактов экономические и социальные революции. Экономический человек для него химерная абстракция, еще более абсурдная из-за того, что кажется такой позитивист. Сравнение экономических систем, таких как капитализм и коммунизм в его отношениях с социальной реальностью в мире Moderna - это вопрос, лишенный интереса, потому что они оба они поддерживают общий символ веры, который является идолопоклонством прогресса

промышленные и организационные, и оба приводят к эффектам идентичные: с одной стороны, вероятное выравнивание доходности на достаточно высоком уровне коллективного процветания, или то есть универсализация буржуазии, в результате которой сами по себе сомнительные достоинства; с другой стороны, полумесяц

централизация власти в руках правящих меньшинств, все что приводит к постепенному снижению индивидуальной легкости, в унификация человека, унижение ценностей духовным и в общем свершении жизни. Смотреть под этим аспект, технический идеал использования достижений науки в сокращение на несколько часов рабочего дня трудящемуся не хватает смысл, так как это дополнительное удовольствие будет заполнено не для активной и творческой жизни, а для механизированных диверсий опиатный тип, предоставляемый радио, кино,

телевидение или любой из модальностей goodtime

современный.

Такое отношение в значительной степени имеет психологический фон: это сам Хаксли кто, классифицируя себя как Конституционный" недобросовестный", признающийся неспособным заинтересовать-если в мыслях или действиях, которые имеют мобильный деньги. Мелкие и повседневные проблемы так называемой борьбы для жизни они не являются для него литературным материалом, а " человек бизнес " стереотипный в Бэббите Синклера лоялистов

он представляет собой объект вашего высшего презрения. Здесь объясняются также персонажи его "романов идей" - люди прекрасно образованные, населяющие Вест-Энд, владеют виллами сельские жители в Италии живут за счет наследственных доходов и наполняют свои

с отважными приключениями или с философскими дискуссиями и артисты, полные духа и изысканности. Это правда, что в вашем большинство он жестоко обращается с ними своей сатирой. Но даже те, которые заслуживают вашего сочувствия, воплощая положительные добродетели, они не бегут слишком далеко â правило. Почти всегда художники (это среди художники, которые он включает в себя " большинство этих редких людей кто может

испытывать восхищение и уважение"), это люди, которые, получать или не получать доход от своей интеллектуальной деятельности, кажется, что они живут более или менее без забот материальные средства к существованию. Кроме того, их персонажи имеют по функциям символизирует определенные модели мышления или поведение - не представляют символы, но персонификации идей; и в этом качестве они более или менее нереально и даже, по словам Филиппа Куорлза, " слегка чудовищный".

Индивидуализм и аристократизм могут привести к доктринам тирания и угнетение. В Хаксли, напротив, получается идеал свободы, терпимости и взаимного уважения. И при условии, что эти товары ставятся в зависимость от индивидуальных добродетелей, очевидно что от него нельзя ожидать ничего похожего на притворство. социальный реформатор. Потому что, принимая сложность и разнообразие человека, он глубоко не доверяет многие считают, что могут приспособить нормы поведения к логически разработанные жесткие системы; потому что, принимая это сложность и разнообразие не только как неизбежная реальность, но как условие реализации человеческих ценностей начальство, ему противны ограничения и принуждения обязательно в результате применения таких систем; и, наконец, потому что, ярый пацифист, отвергает все насилие, совершенное во имя проблемных целей идеалов.

В этом смысле можно было бы в какой-то мере закупорить его между вдохновители так называемых альтернативных сообществ, которые они предлагают протестовать против "системы" и освободиться от нее. Но его смутное извинение за более простое, более простоватое социальное устройство, менее оторван от происхождения и природы, менее подавлен

крупные централизованные организации должны быть поняты раньше как ностальгический бред, чем как практическое предложение, которое он знает, что это невозможно, поскольку он радикально противостоит собственные основы moderna Society.

Размышления Хаксли лежат в огромном открытом поле к самым несогласованным спорам. Однако это не необходимо согласиться с ним, чтобы признать его черты, которые они делают свою работу Великой: честность и мужество, которые она вкладывает в этом изначальном импульсе разумного ума, который является

знать истину и избегать ошибок; и его бесспорная позиция защитник основных жизненных ценностей и существенного достоинства мужчина. В это время стремления к спасительным схемам, не не хватает тех, кто обвиняет его в конформизме и разрушителе для рассмотрения зло мира без лекарств. Но, по словам Гете, “человек должен агитировать, а не решать проблемы”, и знание зла-это первый шаг к его предотвращению.

В этом смысле обезьяна и сущность-одна из многих предупреждения, которые сегодня поднимаются со всех уголков мира, о серьезных угрозах, нависших над судьбами человека, и о собственном выживании. Таким образом, может быть способствовать тому, чтобы фарс не стал трагической реальностью.

Жуан Вильгельм Линке